

Анисимова А.А. Ечевская О.Г.

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:

предпосылки формирования,

контексты актуализации

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
предпосылки формирования,
контексты актуализации

Новосибирск
2012

УДК 316.344.8
ББК 60.524+60.546(253.7)
А 674

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. – Новосибирск: НГУ, 2012. – 176 с.

ISBN 978-5-4437-0094-6

В монографии отражены результаты исследования сибирской идентичности, проведенного в трех сибирских городах – Омске, Иркутске, Новосибирске – в 2011 году. Рассматриваются предпосылки и пути формирования сибирской идентичности, формы ее проявления и контексты актуализации, показывается, как миграционная биография, семейная история, способ взаимодействия с территорией и осознание специфических региональных проблем вносят вклад в формирование идентичности сибиряков.

Книга адресована широкому кругу специалистов – антропологам, историкам, психологам, социологам, этнологам, этнографам – занимающихся проблематикой и исследованиями социальной идентичности, а также преподавателям и студентам гуманитарных специальностей.

УДК 316.344.8
ББК 60.524+60.546(253.7)

© Новосибирский государственный университет, 2012
© Анисимова А.А., Ечевская О.Г., 2012
ISBN 978-5-4437-0094-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. Концепции идентичности в социальных науках: теоретические основы и замысел исследования	7
1. Понятие «идентичность»: теоретические представления и концептуальное определение	10
2. Подходы к пониманию сибирской идентичности: региональная, территориальная, этническая, культурная, национальная версии	13
3. Методология и методы исследования	19
II. Предпосылки и пути формирования сибирской идентичности	24
1. Макропредпосылки формирования сибирской идентичности	24
1.1. Сибирская идентичность и географическое положение: вариации территориальных объяснений	25
1.2. Культурно-исторические предпосылки формирования сибирской идентичности	29
1.3. «Пространственные» предпосылки формирования сибирской идентичности	33
2. Микропредпосылки формирования сибирской идентичности	37
2.1. История семьи	38
2.2. Этническое происхождение как предпосылка формирования сибирской идентичности	48
2.3. История личной мобильности как предпосылка формирования сибирской идентичности	56
2.4. Символический статус места рождения и проживания как предпосылка формирования разных вариантов сибирской идентичности	59
III. Формы и контексты актуализации сибирской идентичности	67
1. Сибирская идентичность и сибирский характер: составляющие образа сибиряка	67
2. Сибирская идентичность как протест и форма политического высказывания	74
2.1. Формирование сибирской идентичности как протестной через осознание социально-экономических проблем региона	74
2.2. Региональные особенности восприятия социально-экономических проблем и гражданская активность	87
3. Контексты актуализации сибирской идентичности	92

Дискуссия и общие выводы	97
Список литературы	102
Благодарности	104
Приложение 1. Транскрипты интервью	105
Интервью 1 (Омск)	105
Интервью 2 (Иркутск)	116
Интервью 3 (экспертное интервью, Новосибирск).....	149
Приложение 2. Национальный состав населения Новосибирской, Омской и Иркутской областей в сравнении с Россией в целом (данные переписи 2010 года).....	175

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в России наблюдается рост регионального самосознания. Это проявляется во все более активных попытках населения регионов привлечь внимание центра к своим социально-экономическим и экологическим проблемам, в осознании региональных культурных особенностей, возрастанию интереса к истории своего региона. Предварительные результаты последней переписи населения демонстрируют и такие проявления регионального самосознания, как появление новых национальных самоидентификаций, среди которых в количественном отношении выделяется национальность «сибиряк».

Исследование, которое легло в основу монографии, направлено на изучение предпосылок и путей формирования идентичности «сибиряк», ее содержания и контекстов актуализации. В книге изложены результаты анализа самовосприятия сибиряков на основе выявления и описания категорий самоопределения жителей трех сибирских городов, приводятся результаты анализа форм и контекстов актуализации сибирской идентичности. Иными словами, в нашем исследовании мы попытались ответить на вопрос: кем же ощущают себя сибиряки? Чем они отличаются от других? Можно ли говорить о существовании общности «сибиряки», и если да – то какова природа этой общности? Является ли она исключительно территориальной общностью или чем-то большим – общностью культурной, политической или, возможно, национальной?

Основной текст монографии состоит из трех разделов. В первом разделе представлены теоретические основы исследования, рассмотрены подходы к определению идентичности в социальных науках и способы понимания сибирской идентичности в частности; изложена методология нашего исследования. Во втором разделе рассматриваются предпосылки и пути формирования сибирской идентичности: какие факторы макро- и микроуровня и каким образом определяют содержание и значимость сибирской идентичности для жителей сибирских городов? Третий раздел посвящен рассмотрению форм и контекстов актуализации сибирской идентичности: в каких ситуациях сибирская идентичность проявляется, становится значимой? Каким

содержанием она наполняется и в каких формах проявляется? Рассматриваются социально-психологические (объединяющие различные, порой противоречивые черты характера сибиряков) и политические (протестные, появляющиеся вследствие осознания социально-экономического неравенства между центром и регионами) формы проявления сибирской идентичности.

Важной частью книги являются приложения – полные транскрипты трех интервью с жителями сибирских городов.

Выбранные интервью иллюстрируют разные варианты сибирской идентичности в зависимости от конфигурации макро- и микропредпосылок в индивидуальных биографиях информантов. Кроме того, на наш взгляд, они также позволяют проследить внутреннюю логику и динамику формирования и актуализации сибирской идентичности на уровне индивидуальных биографий, а также в определенном смысле эволюцию движения от одной формы актуализации идентичности к другой (от социально-психологической к политической) в пространственно-временной перспективе.

I. КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЗАМЫСЛ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Концепция социальной идентичности все чаще подвергается пересмотру в современной социальной науке, одновременно становясь все более значимой для описания социальных процессов, происходящих в современных трансформирующихся обществах. Процессы глобализации, фрагментации социального, культурного, политического и экономического пространства ведут к росту неопределенности и амбивалентности в процессе приспособления, как отдельных индивидов, так и социальных групп к меняющейся социальной действительности.

Эссенциалистский взгляд на социальную идентичность, предполагающий «фиксированность», заданность, устойчивость традиционных идентичностей, основанных на классовой принадлежности, этничности и гендере и характерный для позитивистского направления в социальных науках, постепенно утрачивает доминирующую позицию. Значительное признание и распространение в социальных науках приобретает социально-конструктивистский подход (Акопов, Розанова, 2010; Брубейкер, Купер, 2002; Jenkins, 2008), что находит свое отражение в теории и методологии изучения социальной идентичности. Все большее развитие получает взгляд на идентичность как на подвижную, множественную, ситуативную и контекстуальную категорию, происходит смещение фокуса исследовательского интереса от теорий идентичности макроуровня к изучению процессов

¹ Исследование направлено на выявление путей формирования, содержания и особенностей сибирской региональной идентичности на основе качественного исследования – 60 интервью с жителями трех сибирских городов: Омска, Новосибирска, Иркутска (45 глубинных (лейтмотивных) с жителями трех городов юга Сибири и 15 экспертных интервью – по пять в каждом городе).

² Под «сильным» значением понимается группа подходов к определению идентичности, подчеркивающих доминантную и фундаментальную общность, постоянство характеристик во времени и сходство трансиндивидуальных качеств, прочную связь между членами

конструирования идентичности на уровне повседневности, через социальное взаимодействие и деятельность индивидов.

Такие изменения в концептуализации идентичности связаны, прежде всего, с социальными трансформациями современных обществ. Ключевыми аспектами социальной трансформации в контексте исследований идентичности являются глобализация и локализация, развитие и интенсификация глобальных миграций, и расширение границ видимого мира, которое становится возможным вследствие коммуникативной революции (развития традиционных и новых медиа). Так, процесс глобализации, в который включены все без исключения современные общества, имеет следствием изменения в организации социальной жизни по целому ряду направлений.

- Ускорение социальных взаимодействий, в том числе «внетерриториальных» / «кросс-территориальных», а также исчезновение жесткой долгосрочной привязки места жительства и места работы к определенной территории. Следствием этого становятся проблематизация и размывание традиционной связи «идентичность – территория» (Аппадурай, 1995).

- Кризис национальных государств и возникновение наднациональных экономических и политических образований (НАТО, ЕС, и т. д.), новых солидарностей, организуемых без привязки к государственным границам (этнические диаспоры, потребители – «граждане корпораций» и др.). Следствие этих изменений – размыкание связи «государство – нация – национальная/этническая идентичность»: совпадение двух типов систем – этноса и государства – необязательно, хотя и кажется естественным (Акопов, Розанова, 2010, с. 24).

- Возникновение глобального культурного пространства, в которое включаются и «встраиваются» разнообразные культуры, что влечет за собой как «унификацию» культурного пространства, так и «актуализацию» локальных культур и образов жизни в ответ на вызовы глобализации (Бауман, 2002).

- Интенсификация и усложнение информационных обменов благодаря новым медиа, а также возникновение и развитие сетевых форм социальной организации и мобилизации (включая интернет и социальные сети, но не ограничиваясь ими). Это создает новые пространства и инструменты для формирования новых

солидарностей (как воображаемых, так и «реальных по последствиям») и идентичностей, а также новых форматов гражданской и политической активности (Аппадурай, 1996; Маклюэн, 2003).

- Развитие глобальных миграций, а также осознание их принципиальной возможности самыми разными слоями населения: в том случае, когда нет физической возможности переехать, развитие средств массовой информации и средств передвижения развивает способность помыслить себя в разных частях физического и социального (в том числе, национально-этнического) пространства (Аппадурай, 1996). Такие изменения актуализируют идентичности благодаря созданию возможностей разноплановых сравнений (не в опыте, так в воображении) себя с разнообразными Другими.

- Политизация идентичностей (в особенности – территориальных и этнических), и использование их в качестве инструментов политической мобилизации в ситуациях борьбы за признание, а также за значимые в (со)обществе ресурсы (Брубейкер, Купер, 2002; Тишков, 2007).

На фоне обозначенных тенденций сибирская идентичность представляет особый интерес, поскольку отражает как изменения в понимании индивидами себя и своего места в мире, так и многообразие процессов глобализации и локализации и их культурных, политических, экономических эффектов. Она является:

- локальной/территориальной/региональной,
- культурным феноменом, отражающим взаимодействие глобальных тенденций или локальных откликов на них;
- биографическим проектом (результатом не только переосмысления территории и ее границ, но и способа взаимодействия с территорией, истории проживания индивида на территории и за ее пределами);
- политическим проектом (в широком смысле слова), поскольку представляет собой один из видов «новой солидарности», способ публичного заявления общности о себе с целью признания отличий, культурной специфичности, социальных и экономических прав.

Таким образом, для комплексного понимания того, что представляет собой сибирская идентичность в современном

обществе, важно разносторонне анализировать ее содержание и пути становления в историческом, пространственном (территориальном), культурном, биографическом, политическом, идеологическом (дискурсивном) аспектах.

В обозначенном контексте центральным вопросом исследования становится вопрос о том, что представляет собой сибирская идентичность в современном обществе по представлениям самих сибиряков: что составляет основу общности в представлении разных людей, как отклик на какие социальные процессы и призывы формируется идентичность, когда и как актуализируется.

Прежде чем приступить к изложению логики и результатов исследования, определимся с его ключевыми понятиями.

1. Понятие «идентичность»: теоретические представления и концептуальное определение

Р. Брубейкер и Ф. Купер (2002) в программном тексте об определениях и способах использования термина «идентичность» оценивают объяснительный потенциал категории в социальных науках критически, несмотря на его огромную популярность в последние годы:

«...идентичность может значить либо слишком много (если термин употреблять в его “сильном” значении), либо слишком мало (в “слабом значении”)², либо совсем ничего (в силу двусмысленности понятия). Мы исследуем сумму концептуальных и теоретических задач, которые “идентичность” призвана решить, и приходим к выводу, что эти задачи могут быть более адекватно решены с помощью других терминов, менее двусмысленных и не

² Под «сильным» значением понимается группа подходов к определению идентичности, подчеркивающих доминантную и фундаментальную общность, постоянство характеристик во времени и сходство трансиндивидуальных качеств, прочную связь между членами группы и ее однородность, и т. д. «Слабое» значение объединяет вариации конструктивистского понимания идентичности, подчеркивающего ее многогранность, неоднородность, фрагментированность, изменчивость, сконструированность, и т. д. (Брубейкер, Купер, 2002, с. 79–81).

обремененных контекстами 'идентичности'» (Брубейкер, Купер, 2002, с. 62).

Анализируя множество определений термина «идентичность», Р. Брубейкер и Ф. Купер разделяют все существующие определения на пять групп в зависимости от того, с какими целями используется термин и что с его помощью предполагается подчеркнуть.

- Понимаемая как **ядро «Я» (self)** или как основное состояние социального организма, «идентичность» используется, чтобы указать на нечто якобы глубинное, основательное, значительное или императивное. Это значение отличается от более поверхностных, случайных и изменчивых аспектов и атрибутов самосознания и понимается как нечто ценное, что необходимо поддерживать, культивировать, поощрять и сохранять.

- Понимаемая как специфически **коллективное** явление, «идентичность» подразумевает фундаментальное и последовательное **тождество (sameness)** между членами одной группы или категории.

- Понимаемый как **фундамент** или базис **социальной или политической активности**, термин «идентичность» часто противопоставляют «интересу» в попытке выделить неинструментальные способы социальной и политической практики.

- Понимаемая как **продукт социальной или политической активности**, «идентичность» призвана выделить *процессуальное, интерактивное* развитие того вида коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, который делает возможным всякое коллективное действие. «Идентичность» здесь понимается и как *продукт*, обусловленный социальной и политической активностью, и как базис, обуславливающий последующие действия.

- Понимаемая как **случайный продукт** многочисленных и **сореволюционных дискурсов**, «идентичность» призвана подчеркнуть нестабильную, многогранную, изменчивую и разрозненную природу современного «Я» (Там же, с. 73–76).

Определение, ставшее основой для данного исследования, комбинирует второе и четвертое из перечисленных значений: с одной стороны, сибирская идентичность – специфически коллективное явление, с другой – эта коллективность («тождество»)

не фундаментальна, а имеет деятельностную природу. Другими словами, сибирская идентичность не является данностью, а формируется в процессах социальной и политической активности, из которой «вырастает» осознание «мы», солидарность, коллективное (сходное) самопонимание.

В продолжение этой логики важно отметить, что для понимания процессов формирования индивидуальной идентичности «сибиряка» более продуктивной оказывается конструктивистская перспектива («слабое» значение термина по Брубейкеру и Куперу), сфокусированная на микроуровне, на проблематике интеракции и творения идентичности. Структурируя свой жизненный мир, индивид либо применяет устоявшиеся правила, которые не в состоянии изменить, либо следует какой-либо упорядочивающей традиции в достаточно свободных рамках, либо сам «производит» правила. Иными словами, индивид находится в постоянной интеракции с внешним миром – той «реальностью», в которой он существует, причем этот интерактивный процесс дуален. С одной стороны, действующие индивиды воспринимают мир как внешний (независимый от действий и интерпретаций) и как интересубъективный, то есть разделяемый с другими и ввиду этого формирующий ориентации на намерения других и их восприятие собственных намерений и смыслов, с другой стороны, индивиды сами преобразуют и создают этот мир.

Повседневную реальность как феномен взаимодействия индивида с окружающим миром можно определить как непрерывный процесс экстернализации, объективации и интернализации (Бергер, Лукман, 1995), в котором индивидуальные представления о себе и других преобразуются в «реальные факты» (имеют реальные последствия для социальных отношений и взаимодействий). Соответственно, идентичность рассматривается как нечто постоянно изменяющееся, творящееся, контекстуальное. Из «кирпичиков» уже существующих смыслов и цитат мы производим нарратив своей идентичности, уникальный смысл которого, в то же время, сильно завязан на актуальном контексте. Это задает общую теоретическую ориентацию данного исследования.

Из многочисленных подходов к исследованию идентичности, которые предлагает конструктивистская перспектива, мы

придерживаемся деятельностного подхода, основная идея которого состоит в том, что идентичность формируется в активном взаимодействии индивида с окружающей реальностью: индивид «становится кем-то» в конкретных действиях, которые осуществляет в определенном контексте. Идентичность, в таком понимании, представляет собой не столько «качество» индивида, сколько способность классифицировать окружающую реальность определенным образом на основе способа взаимодействия с этой реальностью (знать, кто есть кто, и что из этого следует), и определять свое место в этой системе классификации (Jenkins, 2008).

Исходя из вышесказанного, мы приходим к следующему рабочему определению идентичности.

Идентичность – это способ классификации окружающего мира, в основе которого лежит (коллективное) представление индивидов о себе, формирующееся в процессе взаимодействия с окружающей действительностью как продукт социальной, экономической и политической активности индивидов в сходных условиях жизни.

2. Подходы к пониманию сибирской идентичности: региональная, территориальная, этническая, культурная, национальная версии

Традиционно сибирская идентичность понимается как основанная исключительно или преимущественно на общности территории, на которой проживают люди. Наиболее распространены определения сибирской идентичности как территориальной (Мосиенко, 2010; Шматко, Качанов, 1998) или региональной (Смирнова, 2009; Сверкунова, 2002).

Так, в исследовании «территориальной идентичности» Н. Шматко и Ю. Качанов определяют территориальную идентичность как результат отождествления «Я – член территориальной общности». Содержательно территориальная идентичность определяется как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие практическое чувство и/или осознание территориальной принадлежности (цит. по: Мосиенко, 2010, с. 67). Предполагается,

что для каждого индивида при фиксированном наборе образов территорий механизм идентификации постоянен и объясняется скорее «внешними» по отношению к индивидам категориями. В частности, важными являются масштаб и границы территориальной общности, к которой индивид чувствует причастность: это может быть как ограниченная территория – конкретное место (город, село, область), так и более широкие пространства – Россия или даже (все еще) СССР.

Развитая территориальная идентичность предполагает максимизацию различий между территориальными общностями, а также максимизацию сходств внутри своей территориальной общности. Кроме того, «усвоение сходных для проживающих на определенной территории образов и смыслов и “переплавка” их в личностные смыслы агентов становится базой для солидарных действий, а также и более широко – базой для репертуара всевозможных практик» (Мосиенко, 2010, с. 68). Таким образом, территориальная идентичность – не только набор согласованных представлений, но и фундамент для солидарности и (коллективной) активности: описываются содержание и «последствия» идентичности, но вопрос о том, как именно происходит «переплавка» и каким образом формируется территориальная идентичность, остается непроясненным.

В исследовании Н. Мосиенко развивается сходная (по исходным предпосылкам) логика, в которой важным оказывается содержательное структурирование территориальной идентичности (автор выделяет два ее ключевых компонента – «различение» и «отождествление»), а также сравнительный анализ особенностей территориальной идентичности в разных локальных территориальных общностях Новосибирска и его окрестностей (Мосиенко, 2010). Предпосылки и механизмы формирования идентичности, индивидуальные смыслы, которыми наполняется «территориальная идентичность» для людей, условия и факторы ее становления здесь также систематически не рассматриваются.

Кроме территориального, в литературе выделяются региональное, этническое, культурное, психологическое, историческое представления о сибирской идентичности. М. Жигунова выделяет пять способов понимания самой дефиниции «сибиряки»:

- территориальное (сибиряки – это топоним);
- региональное (сибиряки – люди, родившиеся и долго живущие в Сибири);
- «культурно-историческое» (сибиряки – коренные, местные жители Сибири (аборигены);
- психологическое (сибиряки – особый тип людей с характерными чертами – крепкие, здоровые, с хорошими адаптационными способностями, и т.д.);
- этническое (сибиряки – «смешанный этнос», сложившийся на основе русских, с вкраплениями казахских, татарских, украинских, и многих других народов) (Жигунова, 1998, с. 192).

Но при всем разнообразии пониманий сибирской идентичности основная проблема остается: исследователи ограничиваются констатацией категорий самоидентификации и анализируют «распространенность» различных ее аспектов. При этом вопросы о том, какими смыслами и каким образом эти категории наполняются для самих сибиряков, как формируются, каким образом разные составляющие образа складываются в единую и согласованную (хотя бы на индивидуальном уровне) идентичность в литературе остаются открытыми.

В эмпирических исследованиях существует тот же дисбаланс: территориальная и региональная идентичность являются крайне популярными темами в социологических, антропологических, этнографических исследованиях, но вопрос о контекстах и мотивах формирования социально-территориальной общности и о том, как и какими смыслами наполняется для человека территориальная самоидентификация, последовательно в отечественных исследованиях не рассматривался.

Анализ существующих исследований сибирской идентичности показывает преобладание территориального и регионального взглядов на нее. Понятие «сибиряки» рассматривается почти исключительно как топоним, то есть сибиряками считаются все люди, проживающие в Сибири. Хотя в некоторых исследованиях отмечается все более частое употребление этого термина в качестве этнонима и кризисное состояние идентичности современного населения Сибири в целом (Там же).

Исследования же, проводимые в рамках этносоциологического подхода, изначально опираются на понятие этноса как основополагающего для изучения идентичности, в том числе региональной и территориальной. Так, ряд исследователей ограничивается изучением идентичности только русского населения Сибири, несмотря на констатацию «кризисности» этнической составляющей идентичности жителей Сибири, проявляющуюся в множественности и неопределенности этнических самоидентификаций (подробнее об этом см.: Жигунова, 1998)³.

Несмотря на то что многие исследования заявлены как этнографические, культурная составляющая сибирской идентичности практически не рассматривается (идентичность «самоочевидным» образом привязывается к региону проживания, который так же «самоочевидно» характеризуется климатическими и культурными особенностями). При этом многие исследования содержат описание «сибирского характера» – черт и качеств сибиряков, отличающих их от жителей других регионов страны. К примеру, Сверкунова на данных количественного исследования⁴ выделяет основные черты «сибирского характера» как

³ Также встречаются исследования других этнических групп и сообществ, проживающих на территории Сибири и имеющих специфическую культуру, язык, идентичность (различные комбинации этнической, региональной и культурной составляющих). Примером здесь может быть исследование «диаспорной группы» немцев в западной Сибири, проводимое Т. Смирновой (Смирнова, 2009) в течение последних 20 лет. Исследования показывают выраженность как национальной, так и региональной, и локальной идентичности, а также «всплеск национального самосознания» в последние годы, связанный с повышением статуса группы и последовавшим демографическим приростом немецкого населения (потомки национально-смешанных браков выбирают немецкую этническую принадлежность (Там же, с. 18)). «Сибирскость» оказывается характеристикой, дополняющей национальную идентичность: около половины опрошенных считают себя «сибирскими немцами» (Там же, с. 35).

⁴ Опрос проводился в г. Шелехове Иркутской области, – «нейтральный объект – город, не отягощенный длинной историей» (Сверкунова, 1996, с. 91), выборка 551 человек (в т. ч. 7,2 % – жители пригородного села).

автостереотипа, которые наиболее часто встречаются в ответах респондентов:

- ✓ выносливость (значима для 92,6% участников опроса);
- ✓ упорство 80,5 %;
- ✓ честность 74,1 %;
- ✓ благожелательность 72,9 %;
- ✓ искренность 65,5 %;
- ✓ прямодушие 63,7 %;
- ✓ расовая непредубежденность 59,5 %;
- ✓ демократизм 57,7 %;
- ✓ коллективизм 50,8 %;
- ✓ немногословность 44,3 %;
- ✓ индивидуализм 30,9 %;
- ✓ хитрость 12,3 %;
- ✓ скупость 8,0 %;
- ✓ лень 7,3 %;
- ✓ легкомыслие 3,3 %;
- ✓ трусость 2,8 % (Сверкунова, 1996, с. 92).

Далее различия в выборе «категории самоидентификации» и компонентов, ее наполняющих, выявляются на основе анализа процентных распределений. Отмечается, что респонденты в большинстве своем не считают «сибирский характер» качеством, присущим всем сибирякам (только 35% опрошенных считают, что таких людей в Сибири большинство, и 58% считают, что сами обладают чертами сибирского характера (Там же, с. 93). Вопросы о том, как формируются эти черты, что значит «быть сибиряком» для самих людей, которые в опросе назвали себя «сибиряками», является ли «сибирский характер» автостереотипом или категорией, отражающей не только представления о себе, но и образ жизни и деятельности, в исследовании не задаются.

Что касается политической составляющей сибирской идентичности, то она не рассматривается в принципе⁵.

⁵ В последнее время в СМИ (см., например, тексты О. Герасименко в журнале «Коммерсант-Власть» (Герасименко, 2012), В. Антипина в журнале «Русский репортер» (Антипин, 2011)) появляются материалы о проблемах сибирского региона и о росте регионального самосознания и протестных настроений вследствие осознания этих проблем жителями

В методическом плане в исследованиях преобладают анкетные опросы, что не позволяет изучать причины того или иного самоопределения респондента, процессы его становления, а ограничивает результаты исследований фиксированием категорий самоидентификации. Биографическая составляющая при этом сводится к кратким социально-демографическим характеристикам респондентов без объяснения того, каким образом биография определяет формирование, становление, изменение идентичности.

В последнее время актуализируется понимание категории «сибиряки» в национальных терминах: в частности, накануне Всероссийской переписи населения – 2010 стартовала акция «Мы – сибиряки», призывавшая жителей Сибири указывать «сибиряк» в поле «национальность». Это и стало толчком для данного исследования. Национальное измерение сибирской идентичности в научной литературе также практически не представлено⁶, но в нашем исследовании должно быть учтено, поскольку в настоящее время инициативы по актуализации сибирской идентичности в национальных терминах все чаще встречаются в публичном и медийном пространстве.

Идеологи «сибирской нации» описывают «сибиряков» не как идентификацию с определенной территорией, но как национальную общность. Авторы говорят о том, что сибиряки существовали всегда, не являясь субэтнотом русского народа, а «отличаясь от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и эти особенности отмечались начиная с XVII века (Верхотуров, 2011).

В качестве ключевых элементов сибирской нации ученый выделяет следующие.

1. Многокомпонентный состав: сообщество сибирских старожилов составляет «ядро» нации в плане (традиционного)

региона (основы политической составляющей сибирской идентичности). В научных исследованиях пока эта тема не представлена.

⁶ При этом попытки систематизации идей о сибирском национальном характере встречаются в Интернете – в блогах и региональных дискуссионных площадках, например, в популярном ресурсе БАБР <http://babr.ru>.

мировоззрения и культуры, но вокруг них собираются самые разные люди, разных (в том числе смешанных) национальностей.

2. Сибирскую нацию составляют люди **смешанного** происхождения, для кого «сибирское самоопределение» является решением проблемы самоидентификации. В этом отличие сибиряков от русских, и здесь проходит граница сибирской нации.

3. Сибирский язык (пока существующий в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык).

Автор отмечает также отсутствие сепаратистских намерений в строительстве сибирской нации, говоря о том, что основной целью является признание сибиряков как сильной и активной нации внутри многонационального государства, а вовсе не отделение Сибири от России. Таким образом, в представлении идеологов сибирского национального движения «сибиряк» – это не просто территориальная или региональная, но «полноценная» национальная общность, имеющая общую историю, культуру, традиции, мировоззрение и даже язык. В нашем исследовании делается попытка порассуждать о том, можно ли говорить о существовании «сибиряков» как общности в представлениях жителей трех сибирских городов.

3. Методология и методы исследования

На основе сформулированных теоретических предпосылок и ключевых категорий анализа, для решения поставленных задач был выбран разведывательный план исследования, основанный на качественной методологии, сочетающий возможности экспертного опроса и лейтмотивных интервью. Выбранная исследовательская стратегия⁷ позволяет описать максимально широкий спектр

⁷ Проведение масштабного количественного исследования на данном этапе нецелесообразно (да и невозможно), поскольку исследуемый феномен является малоизученным, знания о нем не систематизированы, и имеющейся информации недостаточно для того, чтобы сформулировать строго формализованный опросник для количественного исследования.

различий в представлениях о том, что такое сибирская идентичность, сформулировать предположения о ключевых основаниях дифференциации представлений о сибирской идентичности, а также о контекстах ее актуализации и проблематизации. Выбранная стратегия не предполагает возможности распространять выводы на население страны в целом или говорить о степени выраженности выявленных типов представлений о сибирской идентичности, но предоставляет необходимую информацию для организации более масштабного исследования, которое позволит дать ответы на такие вопросы.

Одна из исходных теоретических предпосылок исследования состоит в том, что пути формирования сибирской идентичности (как и любой другой) связаны с ее актуализацией в различных контекстах: идентичность оформляется в ситуациях столкновения или соприкосновения с «Другим», в которых собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой. Как было показано ранее, мы придерживаемся деятельностного подхода⁸ и считаем, что идентичность не является данной изначально (с рождения), не формируется «раз и навсегда» на ранних этапах социализации, а осознается, актуализируется в процессе взаимодействия индивида с окружающей средой и социальной действительностью.

Такой подход к пониманию идентичности предполагает, что формирование (становление) идентичности «сибиряка» происходит на протяжении жизни, в разных контекстах и ситуациях, и может изменяться во времени; соответственно, анализируя ключевые контексты и факторы, в которых актуализируется идентичность сибиряка, представляется возможным прорисовать некоторую траекторию (траектории) формирования различных вариаций сибирской идентичности в зависимости от способов взаимодействия индивида с территорией Сибири и от характера включенности индивида в социально-экономические процессы в регионе.

⁸ В этом смысле наше понимание идентичности ближе к «слабому» значению в терминах Р. Брубейкера и Ф. Купера.

Для того чтобы выявить максимально полный спектр вариаций «сибирской идентичности», а также проанализировать различные аспекты и факторы формирования сибирской идентичности в разных ее версиях, исследование спроектировано как состоящее из трех «планов»:

- биографический (сфокусированный на изучении влияния биографических особенностей на характер формирования сибирской идентичности и предполагающий проведение лейтмотивных интервью с жителями Сибири с подробным анализом биографических траекторий информантов и их роли в становлении идентичности);

- экспертный (направленный на изучение «дискурсов» и идеологий вокруг сибирской идентичности и предполагающий проведение интервью с экспертами, рефлексирующими о сибирской идентичности своей профессиональной деятельности – в академическом, политическом, медийном полях и гражданской активности);

- сравнительный (нацеленный на выявление ключевых составляющих сибирской идентичности в разных регионах Сибири, а также на объяснение различий в «версиях» сибирской идентичности, обусловленных региональной спецификой – Восточная, Центральная, Западная Сибирь; здесь предполагается опрос жителей разных сибирских городов). Важно отметить, что в данном исследовании речь идет только о городских идентичностях.

Обозначенный исследовательский фокус определил логику отбора информантов, а также структуру информационной базы исследования, позволяющей анализировать сибирскую идентичность в каждом из обозначенных аспектов.

Для реализации потенциала сравнительной части исследовательского замысла исследование проводилось в трех крупных сибирских городах, региональных и областных центрах (Новосибирске, Омске и Иркутске). Сравнительный анализ позволяет представить региональные особенности проявлений сибирской идентичности.

Новосибирск представляет собой центр «новой Сибири». Иркутск – исторический, административный и культурный центр, губернский город «старой Сибири» с историей, уходящей во времена царской России (основан в 1661 г.), и с сообществом

жителей, имеющих более продолжительную, в историческом масштабе, укорененность в Сибири, по сравнению с более молодыми сибирскими городами. Омск сочетает в себе черты как старой, так и новой Сибири, являясь, с одной стороны, историческим центром Сибири, основанным в 1716 г., а с другой стороны, городом-миллионником, одним из промышленных и торговых центров современной России и Сибири. В XIX веке Омск стал центром сначала Западно-Сибирского, а затем Степного генерал-губернаторства (Степного края), охватывавшего существенную часть Западной Сибири и север современного Казахстана. Такие особенности географического положения и исторического развития Омска дают основание предполагать наличие региональных особенностей восприятия сибирской идентичности.

Следствием обозначенных различий, на наш взгляд, могут быть разные аспекты и ключевые составляющие идентичности сибиряка в восприятии жителей выбранных городов.

В каждом городе проводились интервью с жителями сибирских городов – предполагаемыми «носителями» сибирской идентичности, а также с *экспертами* по проблематике сибирской идентичности. Отбор информантов осуществлялся таким образом, чтобы максимально полно представить обозначенные различия как с точки зрения специалистов, сталкивающихся в своей профессиональной деятельности с различными аспектами жизни в Сибири, так и в представлениях «простых сибиряков», по-разному включенных в социальную жизнь выбранных городов биографически, профессионально, социально.

Отправной точкой исследования является предположение о том, что идентичность, связанная с территорией, во многом определяется продолжительностью проживания на данной территории, историей семьи и ее перемещений, а также степенью и характером включенности индивида в процессы, происходящие на данной территории. Соответственно, отбор информантов осуществлялся с учетом таких различий.

Ключевыми критериями для отбора носителей сибирской идентичности (так, чтобы представить типы жизненных траекторий, обуславливающих формирование «версий» сибирской идентичности) являлись:

- город рождения и проживания информанта;
- миграционная биография информанта (отражающая продолжительность проживания в Сибири, а также опыт проживания в других городах, регионах, общностях, включая туризм);
- профессиональная деятельность (траектория) информанта, отражающая характер включенности в социально-экономические процессы на территории;
- этническая принадлежность (с акцентом на региональную специфику этнической ситуации (прил. 2));
- семейные истории (сколько поколений назад переехали в Сибирь предки респондента, каков был их род деятельности, тип поселения и т. д.).

Блоки путевода интервью включали разделы о семейной истории и миграционной биографии информанта, поездках и путешествиях, о жизни в Сибири и ее особенностях, о контекстах актуализации сибирской идентичности, сибирском характере, а также о прошедшей переписи населения и появлении в ней «сибиряков» как отдельной национальности.

Отбор *экспертов* (агентов, актуализирующих, оформляющих, транслирующих сибирскую идентичность и связанные с ней сообщения и смыслы) осуществлялся на основе анализа научных текстов, а также материалов прессы и блогосферы по проблематике сибирской идентичности. В число «экспертов» вошли:

- исследователи, специализирующиеся на тематике Сибири и сибирской идентичности (социологи, этнографы, экономисты, историки);
- журналисты (традиционные медиа);
- блогеры;
- гражданские активисты (в т.ч. активисты экологических движений);
- идеологи и активисты акции «Я – сибиряк», приуроченной к проведению Всероссийской переписи населения 2010 г.

II. ПРЕДПОСЫЛКИ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Говоря о предпосылках формирования сибирской идентичности, прежде всего мы имеем в виду условия, которые способствуют процессу формирования идентичности «сибиряка» и участвуют в нем различными способами и в различной мере. На основании полученных данных можно выделить две крупных группы предпосылок формирования сибирской идентичности: предпосылки макроуровня (макропредпосылки, определяющие сибирскую идентичность на социальном и региональном уровнях) и предпосылки микроуровня (относящиеся к семейной истории и индивидуальной биографии индивида). Рассмотрим их подробнее.

1. Макропредпосылки формирования сибирской идентичности

На основе анализа собранных интервью предпосылки формирования сибирской идентичности на макроуровне можно условно разделить на две группы:

- исторические предпосылки (имеющие значение на протяжении всей истории Сибири) – особенности территории, природы, климата, культурно-исторический контекст и т. д.;
- социально-экономические условия современных обществ (современные тенденции развития региона и общества в целом): социально-экономические условия жизни, процессы глобализации и локальные отклики, кризис национальных государств во всем мире и появляющиеся на этом фоне новые формы локального самоопределения и т. д.

Осознавая, что выделенные предпосылки действуют в комплексе и невозможно говорить об «автономном» или доминирующем влиянии любой из них отдельно, мы проводим аналитическое разделение между факторами разного характера и уровня общности, чтобы описать и структурировать процесс формирования, становления и изменения сибирской идентичности.

1.1. Сибирская идентичность и географическое положение: вариации территориальных объяснений

Опыт жизни на огромной холодной территории, с тяжелым климатом, позволяющим сохранять здоровье только самым сильным; тотальная красота сибирской природы - все это формирует личность, которая явно отличается от жителей европейских мегаполисов или курортных городков. Завершают дело создания сибиряка последствия здешней истории, в ходе которой люди абсолютно разных культур встретились в Сибири, нашли общий язык и научились жить вместе⁹.

Территория, на первый взгляд, является наиболее очевидным фактором и предпосылкой формирования сибирской идентичности. Действительно, территориальное измерение идентичности упоминается как значимое в большинстве проведенных интервью, и на вопрос о том, можно ли назвать сибиряков общностью, и – если да, что лежит в основе этой общности, многие информанты во всех трех городах в числе первых «оснований общности» выделяли территорию. При этом объяснения того, каким образом территория определяет сибирскую идентичность, различаются.

На основе проведенных интервью было выделено несколько групп «территориальных объяснений» сибирской идентичности, которые показывают разные «пути» (или способы) ее формирования.

1.1.1. «Общие территориальные/ региональные» объяснения

В эту группу объединены объяснения, которые, по большому счету, объяснений не предлагают: влияние территории предполагается как важное «по умолчанию», но то, каким образом человек рождается (или становится) на этой территории сибиряком, не объясняется:

⁹ Два взгляда на развитие Сибири (Чего хотят сибиряки и чего Дерипаска) // Публикация с сайта «Экодело» (Март, 2011). Режим доступа: <http://ecodelo.org/node/2909?page=8>.

Мне кажется, что «сибиряк» имеет отношение только к месту жительства... Я считаю, что это территориальная принадлежность: я проживаю на территории Сибири – значит, я сибиряк (О., 20, ж., Омск).

Территориальный фактор может быть осмыслен и более комплексно – как в определенном смысле «базис» для сибирской идентичности, ключевой фактор, который определяет многие другие составляющие, но, по сути, является первичным.

- Что такое «сибиряк», какого рода это общность?*
- Только территория, на 90 % территория, а все остальное – уже следствие территории, расстояние до Москвы, например.*
- И климат тоже?*
- Климат тоже, наверное, но климат разный в разных частях... у нас мягкий, на севере сильно похолодает (А., 38, ж., Новосибирск).*

В целом территория, на наш взгляд, является скорее «контекстом», отправной точкой для определения сибирской идентичности. Связь с территорией важна для актуализации сибирской идентичности, но нельзя сказать, что сибирская идентичность является исключительно территориальной (или исключительно региональной): ее содержательное наполнение и особенности определяются различными факторами, как связанными с территорией, так и условно «автономными» от территориального измерения идентичности. Далее в тексте этот тезис раскрывается и иллюстрируется примерами из собранных интервью.

1.1.2. Природные предпосылки

Природа, особенное отношение к ней и ее «особенная красота» также является одним из наиболее распространенных контекстов, в котором информанты говорят о том, что делает сибиряка сибиряком. Отношения с природой и к природе, большой вклад природы в социализацию индивида, важная роль природы в организации жизни артикулируются практически в каждом интервью как «ключевая» составляющая идентичности «сибиряка»:

Природа [в понимании сибиряка] – для меня очень важно. Это должен быть обязательно снег, лес, валенки... тайга непроходимая, непролазная... Если ребенок вырос вот в этом вот – природа, кошки, собачки, все, что на улице, прогулки на лыжах – я считаю, что это воспитывает (Н., 32, ж., Омск).

Сибиряк – житель природы, не столько города, сколько природы. И тот же Академгородок располагает, что он вот находится... тут вокруг море, леса. И что мы достаточно много своего времени свободного проводили в лесу (В., 29, м., Новосибирск).

Значимость природы для самоощущения и идентичности сибиряка выражается также в способах организации жизни, предпочитаемых вариантах проведения свободного времени (многие наши информанты проводят время на природе, предпочитают отдыхать в своем регионе, в «родных красотах»):

Для меня, например, дико поехать отдыхать в Тайланд. Как можно поехать отдыхать в другую страну? Вот поехать отдыхать на Байкал или с сыном на дачу – вот это отдых. Я люблю путешествовать, но это другое, это чужое (И., 32, ж., Иркутск).

В организации жизни отмечается бо́льшая доступность природы для сибиряка, чем для жителей мегаполисов. Близость к природе оказывается одним из важных преимуществ жизни в Сибири, а также вносит значимый вклад в формирование сибирской идентичности:

И если вся Москва с 4 вечера до 12 ночи стоит в пробке, потому что все едут на дачи, на природу, то здесь прошел 500 м – и ты уже на природе, практически дикой (В., 29, м., Новосибирск).

Плюсы жизни здесь – близость к природе. У меня дача в трех км от города. И уже лес, грибы. Просторы (А., 50, м., Иркутск).

Важно отметить, что природа при этом важна как сама по себе, так и в связке с культурой, когда территория неразрывно связана с культурной и духовной ценностью «своей земли»:

Ощущение, что эта земля ценна, делает сибиряка сибиряком – и в этом смысле, конечно, это привязано к физической географии... это не просто недра, как нефть, и газ, и вода... Эта территория имеет для тебя какой-то дополнительный смысл... это не просто ресурс в литрах и кубометрах (И., 32, ж., Иркутск).

Связанный, но насколько отличный сюжет, который звучит в большинстве нарративов сибирской идентичности – климат как фактор, формирующий и «закаляющий» сибирский характер. Особенность климатического объяснения состоит в том, что если природа определяет сибиряка через мотивы «красоты» и «особенного духа», то климат – через выраженный мотив «становления через преодоление».

1.1.3. «Климатические» предпосылки

К этой группе были отнесены объяснения, которые, говоря о территории как факторе формирования сибирской идентичности, апеллируют к климатическим факторам территории: Сибирь – суровый край, с особыми, непростыми климатическими условиями жизни. Это определяет характер людей, проживающих в Сибири, делает их более стойкими, закаленными, терпеливыми:

Условия внешней среды закаляют, в принципе – она нас здесь не балует... дух крепче, люди выносливее морально и физически. И терпимее люди, мне кажется. Терпимее и терпеливее – долго терпят (Н., 32, ж., Омск).

Подробнее о сибирском характере будет сказано в третьем разделе результатов исследования; сейчас отметим только, что климатические объяснения сибирского характера в определенном смысле противоречивы: с одной стороны, сложность условий жизни способствует тому, что люди делаются более дружелюбными,

открытыми, «душевными». С другой стороны – напротив, необходимость справляться с непростыми условиями жизни может иметь и противоположные следствия:

Много энергии тратится на обогрев организма, следовательно, энергию надо экономить, и поэтому «человеческие» проявления более сдержанны, люди более сдержанные (А., 33, м., Новосибирск).

Кроме морозов, которые закаляют, отмечается также то, что с точки зрения стихийных бедствий и других сложностей жизнь в Сибири, напротив, «спокойнее», чем в других частях света:

Холодно и не трясет. Когда говорят про ураганы, про тайфуны... – здесь такая «спокойность» почвы под ногами. Ну, и холод, конечно – никуда не уйдешь от нашего малоснежного лета... Мороз, конечно, напрягает (Т., 39, ж., Новосибирск).

При этом отмечается неравномерность климата в Сибири и наличие разных «зон», в которых климат включается по-разному, а также наличие мест, в которых климат не менее суров, «но люди другие». К примеру, на несибирском севере климат отмечается как еще более суровый, но проживающие там люди не похожи на сибиряков, поскольку другие, не менее важные факторы (экономические, инфраструктурные, культурные, и т. д.), играют более существенную роль, чем климатические условия.

1.2. Культурно-исторические предпосылки формирования сибирской идентичности

Вопрос о наличии и разделяемости общей сибирской культуры остается спорным: одни говорят о том, что она есть, другие – о том, что ее нет, третьи – о том, что она сохраняется в традиционных общностях (в деревнях, в компактных общностях в рамках городов), но размывается или утрачивается в городах.

В целом складывается ощущение, что существует два понимания «сибирской культуры»: традиционное и современное.

«Традиционная» сибирская культура оказывается сходной с традиционной русской, деревенской культурой; эксперты отмечают, что выделить специфически сибирскую культуру как отличающуюся от традиционной культуры «вообще» зачастую непросто.

При этом многие информанты во всех трех городах говорят об особенном укладе жизни в Сибири, отличающемся спокойствием, многонациональностью, «микроклиматом» свободы (исторически возникшем вследствие отсутствия в Сибири крепостного права, а также наличия больших площадей неосвоенных земель, которые приезжали осваивать очень разные люди) и некоторого «бунтарства» (приобретенного благодаря «сибирской ссылке»).

Как было показано выше, более спокойным и размеренным уклад жизни в Сибири выглядит отчасти по причине климатически непростых условий жизни: суровый климат требует тратить энергию экономно и потому не торопиться. Даже Новосибирск – самый крупный сибирский город – оказывается в сравнении с другими большими городами некоторым компромиссом мегаполисной культуры и более спокойного ритма жизни:

Мне нравится здесь спокойствие. Климат, конечно..., но живем-то мы не столько в климате, сколько среди людей. Темпа большого крупного города и зарубежья я не выдержу, быть еще более «выжатым лимоном» я не хочу. Меня устраивает та степень «отжима» меня, которая задана этими обстоятельствами. И я не готова жертвовать большей нагрузкой, регламентацией своего рабочего времени (Т., 39, ж., Новосибирск).

Другой особенностью уклада жизни в Сибири является крайне разнообразный национальный состав:

Надо понимать, что Сибирь – это конгломерат народов, попавших сюда вольно и невольно (Х., 58, ж., Иркутск).

Мы слишком давно живем вместе, и мы привыкли жить вместе, все 120 национальностей (Л., журналист, Омск).

Это определяет как общий уровень толерантности жителей Сибири к представителям разных национальностей, так и особенный характер сплоченности, который делает сибиряков не просто жителями одной территории, но и в определенном смысле специфической общностью, основанной на большей терпимости и привычке к многообразию:

Здесь этнически пестрый состав, и отсюда коммунальное сожительство, взаимопомощь без учета этнической принадлежности, соседская община. Если мы начнем друг друга по этнической принадлежности... то мы передеремся все! ... Была, помню, в Ленинграде, долго, и через некоторое время чувствую – чего-то не хватает. А села в троллейбус – сидят два казаха. И все встало на свои места: у них нет азиатских лиц. А тут, на юге Сибири, кругом азиатские лица (Г., 59, ж., Омск).

Такой взгляд на сибирскую культуру встречается в интервью с жителями всех трех городов; подчеркивается культурное своеобразие современной Сибири, выражающееся в повседневной жизни, в которой присутствуют различные аспекты такого «своеобразия, основанного на многообразии»:

В Сибири создается среда, когда люди привыкают к тому, что может быть разное – разные языки, слова, разная кухня, разные лица на улице. Есть разница, которую они не осознают, пока не выезжают в другое место. Может быть, нельзя говорить о каком-то едином культурном пласте, о каких-то четких границах, это какой-то плавный переход, но он есть, и отличия (сибирские) есть. Это как аромат духов – достаточно одной капли, разлитой в воздухе, чтобы почувствовать аромат... или это как раствор, который пропитывает повседневность. Он может быть незаметным, но он есть (И., 32, ж., Иркутск).

Отдельным аспектом сибирской культуры является «предрасположенность к свободе» – в Сибири не было крепостного права, также было много бунтарей-ссыльных, что накладывает отпечаток на общее ощущение и культурный фон. Некоторые

информанты отмечают, что в последнее время этот аспект сибирской культуры становится менее очевидным и менее выраженным:

До большевистского периода можно говорить о том, что предпосылкой формирования сибирского характера могло бы быть то, что здесь не было крепостного права. После... многие территориальные различия в плане ментальности в стране, мне кажется, были уничтожены, плюс широкая миграция из разных направлений, это сформировало очень размытую ситуацию. А до революции – да, это была большая ценность свободы и самостоятельности, чем в центральной России (А., 27, м., Омск).

В целом роль как территориальных, так и «культурно-исторических» предпосылок формирования сибирской идентичности в последнее время меняется, становится менее очевидной и однозначной. С одной стороны, интенсификация миграционных процессов и культурных обменов «размывает» и преобразует некогда устойчивые локальные особенности. Культурные различия определяются не столько «автономным существованием разных укладов жизни», сколько возможностями и контекстами «встреч» и обменов между укладами и культурами, и сопутствующими процессами ассимиляции, гибридизации и обособления.

Территория определяет представления людей о пространствах и границах не только напрямую, но и в связке с фактической доступностью, не только масштабом пространства как таковым, но и возможностью преодолеть это пространство, которая связана с наличием транспорта, развитостью инфраструктуры, социально-экономическими условиями жизни. Это можно проследить на примере «пространственных объяснений» формирования сибирской идентичности.

1.3. «Пространственные» предпосылки формирования сибирской идентичности

К пространственным объяснениям были отнесены те, которые рассматривают большие (в том числе, неосвоенные или неравномерно освоенные) пространства как важную составляющую условий жизни в Сибири. Наличие таких пространств и в определенном смысле привычка жить в них определяет как отношение людей к Сибири, так и «мировоззрение» сибиряков в целом. При этом среди пространственных объяснений можно выделить как те, которые имеют – условно – «вневременной» характер, так и вытекающие из современного состояния общества.

Большие масштабы территории и огромные просторы являются важной составной частью контекста, в котором формируется сибирская идентичность¹⁰:

Нельзя жить в этом и не чувствовать – масштаб, грандиозность природы... когда в самолете лежишь пять часов, половину времени под тобой темная тайга, и потом только начинаются огоньки – ближе к концу пути... Как это не чувствовать – природа, эти лица, эти названия – это как раствор, который пропитывает... (И., 32, ж., Иркутск).

«Неосвоенность» пространств и связанное с этим ощущение свободы и простора является ценным отличием жизни в Сибири, по сравнению с другими городами и странами:

*...Больше пространства, больше свободы. Вот в Японии, например, все пространства освоены. В инструкциях, как вести себя при землетрясении, например, написано: выбежать на открытое пространство, например поле для гольфа. У них нет **просто** поля. А у нас есть (А., 33, м., Новосибирск).*

¹⁰ Природа и отношения с природой являются важной предпосылкой формирования сибирской идентичности и на микроуровне, что подробнее рассмотрено далее.

Кроме собственно пространственного аспекта, важную роль играют социально-экономические последствия территориальной отдаленности: неравные возможности для перемещений для жителей Сибири и тех, кто живет «за Уралом»:

Сырьевая база вся в Сибири, а Сибирь живет намного беднее... У нас всегда была более затратная жизнь, поэтому мы всегда были более экономными – одно дело им на юг поехать, другое дело нам, целая эпопея деньги накопить (Г., 59, ж., Омск).

Кроме того, инфраструктура развита неравномерно: большое пространство «освоено» только частично, коммуникации между большими и малыми городами, а особенно – между отдаленными районами и поселками, зачастую не развиты:

Здесь расстояния большое значение имеют. Вот у нас, например, самый северный поселок в Иркутской области – до него 2,5 часа на самолете, и билет туда-обратно стоит 20 тысяч рублей. Намного дороже, чем в Москву, в Москву можно и за 11 найти... вообще не предполагается, что районы должны как-то между собой общаться, если находятся в разных субъектах федерации (В., 32, ж., Иркутск).

Такие условия иногда приводят к весьма причудливым соотношениям масштаба «физического» пространства и ощущения «фактической» пространственной дистанции:

Почему-то часто получается, что коллегам из Новосибирска и Улан-Удэ проще, дешевле и быстрее встретиться в Москве (В., 45, м., Новосибирск).

Большое значение имеет также расстояние до «центра» – Москвы и наличие «альтернативных» центров:

Здесь – последний фронтир... дальше Сибири нет... Иркутский регион – это, наверное, последний регион, жители которого хоть как-то ментально связаны с Москвой, это последний регион, где перелет до Москвы и обратно могут позволить себе

люди со средним кошельком. Да и то уже не все могут себе позволить, многие уже едут в Красноярск... (С., 40, м., Иркутск).

«Отдаленность» Сибири также проявляется не только в расстояниях и стоимости билетов, но и в направлениях движения «внутри» этих расстояний:

Сестра приехала в Новосибирск из Архангельской области, говорит, здесь другой мир; из западной части России сюда вообще никто не едет, она вообще одна в купе ехала. А уже практически в Новосибирске поезд заполнился, народ отсюда уже едет дальше, на восток... (Л., 60, ж., Новосибирск).

Мотив оторванности, отдаленности, отдельности Сибири звучит во многих интервью и предстает и как важная особенность жизни в Сибири, и как значимый фактор регионального самосознания:

Сибирь отличается тем, что... это даже не столько удаленность, сколько отдельность. Когда я первый раз ездила в Москву..., мне было очень странно, что после стольких часов перелета я иду завтракать и слышу русскую речь. Я ожидала, что если так далеко, то все должно быть кардинально по-другому... Есть такое ощущение, что Сибирь – это такая отдельная территория (Т., 39, ж., Новосибирск).

Другой вариант актуализации отдаленности как макро-предпосылки формирования сибирской идентичности – историческая локальность, компактность и закрытость сибирских городов. Это играет роль как в формировании определенной общности людей, так и в складывании определенного типа отношений, уклада жизни, предполагающего большую солидарность, готовность к сотрудничеству, взаимопомощь:

Периферийность... с одной стороны, обостряет в нас чувство неудовлетворенности, но, как противовес, получается сохранение коммунальности (Г., 59, ж., историк, Омск).

Однако можно говорить о том, что в последнее время роль этой характеристики в формировании сибирской идентичности также становится менее очевидной и менее однозначной:

Томск – наверное, самый сибирский город, он какой-то такой чисто сибирский. Локальный, более закрытый, чем Омск. Мы все когда-то были закрытыми городами, а теперь открытые... Я понимаю, что это хорошо экономически, но закрытость города была, мне кажется, в нашу пользу – как-то мы порядочнее, что ли, были (Н., 32, ж., Омск).

Вероятно, последствия глобализации (большая открытость культурных пространств других городов и стран, а также интенсификация миграционных потоков) сказываются и на макро-контексте формирования сибирской идентичности: локальность и отдаленность сейчас не сопровождаются с очевидностью «культурной» изоляцией. Соответственно, большую роль в формировании культурных идентичностей начинает играть не фактор отдаленности как таковой, а социально-экономические последствия этой отдаленности, а также культурные основания локальных солидарностей и различий, актуализирующиеся в ситуациях развития миграций и культурных обменов, и биографические факторы и особенности семейной истории, о которых речь пойдет далее.

Сибирская идентичность – комплексное понятие, которое включает в себя как региональные и пространственные, так и социальные, культурные, духовные компоненты. Важную роль в формировании сибирской идентичности играет территория, но влияние ее не «автоматическое»; скорее, территория является контекстом, в котором происходит выстраивание социальных, культурных, ментальных и духовных особенностей сибиряков. В сознании людей, живущих в Сибири, существует целый комплекс объяснений того, как закаляется сибирский характер: через взаимодействие с природой, ощущение простора и свободы, преодоление трудностей и выживание в непростых климатических и экономических условиях, специфический темп жизни и способы организации времени и деятельности, многонациональный мир «по умолчанию», и разные вариации общего ощущения свободы.

Таким образом, сибирская идентичность в территориально-пространственной проекции формируется, с одной стороны, как композиция красоты природы и особенного ощущения близости к ней, становления через преодоление сложных условий жизни, освобождающего ощущения больших просторов. Кроме того, важным для формирования и актуализации сибирской идентичности является чувство и опыт отдаленности жизни в Сибири вследствие больших расстояний, а также ощущение существенного масштаба социально-экономического неравенства, как по сравнению с другими регионами России, так и при сопоставлении условий жизни в разных частях Сибири.

Это способствует, с одной стороны, формированию специфического, более «коллективистского» уклада жизни и особенных черт характера: люди, живущие в Сибири, описываются как более устойчивые, терпеливые, возможно, более свобододолюбивые и эмоционально сдержанные. С другой стороны, отдаленность и, в определенном смысле, периферийность Сибири – пространственная, культурная и экономическая – способствуют возникновению чувства неудовлетворенности и протестных настроений. «Протестная» сторона сибирской идентичности будет подробнее освещена далее.

2. Микропредпосылки формирования сибирской идентичности

К предпосылкам формирования сибирской идентичности микроуровня мы относим индивидуальные предпосылки, связанные с историей семьи информанта и его индивидуальной биографией.

Предварительно нами были выделены следующие предпосылки микроуровня, предположительно способные так или иначе влиять на формирование сибирской идентичности индивида.

- История семьи (включая историю мобильности семьи вообще и переселения в Сибирь в частности).
- Этническое происхождение.
- Собственная мобильность в течение жизни.
- Профессия (включая профессиональную социализацию, включенность в профессиональные сообщества, и разветвленность этих сообществ).

- Символический статус места рождения и проживания (в восприятии информанта и не только) как основа конструирования разных вариантов сибирской локальной идентичности.

Рассмотрим каждую из них подробнее.

2.1. История семьи

Нарративы об историях семей информантов строились вокруг следующих вопросов (тем).

- ✓ Знает ли информант историю своего рода, семей предков?
- ✓ Каким образом предки информанта попали в Сибирь (ссылные, дореволюционные переселенцы, переселенцы советского периода)?
- ✓ Сколько поколений назад это произошло?
- ✓ Где жили, чем занимались предки информанта?
- ✓ Поддерживаются ли сейчас отношения с дальними и близкими родственниками как в Сибири, так и за ее пределами?

Ответы на эти вопросы позволили выделить ключевые предпосылки формирования сибирской идентичности, а также показать, каким образом складывается идентичность на основе этих предпосылок.

2.1.1. Давность переселения семьи в Сибирь как предпосылка формирования сибирской идентичности

Многие информанты хорошо знают историю своей семьи, своего рода в нескольких поколениях, историю переселения своих предков в Сибирь. В целом для большинства информантов значительная давность переселения их предков в Сибирь, наличие нескольких поколений семьи живших в Сибири, являются значимыми предпосылками их собственного осознания себя сибиряками. Однако этот фактор начинает «работать» на конструирование сибирской идентичности только в том случае, если сам информант хочет использовать его в этом качестве.

Мама – иркутянка, кондовая сибирячка, прабабушка, как положено, прибуряченная, они такие коренные, работала на железке (Д., 40, м., Иркутск).

Я сибирячка в полном смысле, потому что бабушка из староверов – это и старый русский язык – когда погода вёдрая, ведро матерущее... Это Кузбасс, поселение где-то с 17 века. Вот моя родословная по материнской линии – коренные сибиряки (Г., 59, ж., Омск).

Я – потомственный иркутянин. Все до дедов из Иркутска. О себе говорю: я из Сибири, из Иркутска, это возле Байкала (В., 44, м., Иркутск).

Однако возможен вариант, что даже при наличии нескольких поколений предков, живших в Сибири, сибирская идентичность не является значимой для информанта. Примером может служить история коренной сибирячки О.

О. (20 лет) родилась в Омске, родители родились в Омской области, позже они уехали учиться в Омск. После окончания учебы остались в Омске и забрали в Омск своих родителей. По матери все родственники О. живут в Омске, по отцу – в Омской области.

Из Питера дедушку мамы еще при царе сослали сначала в Архангельск, потом в Сибирь перебрался от голода с семьей, с детьми. По папе дедушка был с юга, с Дона, они перебрались, когда была столыпинская реформа. Этнически мама гордится тем, что она чисто русская, для мамы это было всегда очень важно, для меня тоже важно. А папа – «немножко» донской казак (О., 20, ж., Омск).

Этот фрагмент интервью с молодой омичкой описывает историю переселения ее предков в Сибирь. История этой русской семьи омичей – переселенцев из европейской России – уходит корнями во времена столыпинской реформы. Однако давность пребывания предков в Сибири, укорененность здесь обеих родительских семей девушки, тем не менее, не делают лично для нее сибирскую идентичность значимой.

Следуя семейной традиции, она стремится отождествлять себя с русской нацией, со всей Россией в целом. В интервью она подчеркивает чистоту своего русского происхождения, не поддерживает идею сибирской нации, считает Сибирь лишь территорией проживания. О себе, уезжая из дома, говорит, что она из Омска, а не из Сибири, в ходе интервью много говорит о проблемах жизни в Сибири и озвучивает свое желание уехать из Омска в европейскую часть России:

...в Питер, или другой большой город, потому что здесь холодно и далеко от столиц (О., 20, ж., Омск).

Таким образом, само по себе количество поколений предков, проживавших в Сибири, не имеет значения для формирования у индивида сибирской идентичности, не выявлено однозначной взаимосвязи: чем больше поколений предков жило в Сибири, тем больше потомок ощущает себя сибиряком.

С другой стороны, вероятно можно говорить о влиянии характера переселения (добровольное/недобровольное) на процесс формирования сибирской идентичности. В сочетании с недобровольным характером переселения, фактор давности переселения может работать либо на формирование сибирской идентичности, либо, наоборот, против него.

Так, в случае недобровольного характера переселения предков несколько поколений назад (например, ссылки XIX – начала XX в.), их потомки, рожденные в Сибири, как правило, не высказывают негативного отношения к факту ссылки предка, это не является для них травмирующим фактором их собственной биографии. Скорее, в большинстве случаев, история ссылки предка носит характер семейной легенды, часто мифологизируется и может являться основанием для описания особых позитивных черт сибирского характера, таких как стойкость, выносливость, умение выжить в трудных условиях, на примере своей семьи.

В случае же недобровольного переселения в Сибирь в недавнем прошлом (например, перемещение народов в середине XX в.) это является травмой если не для самого информанта, то для близких к нему поколений родственников, что может препятствовать формированию сибирской идентичности.

2.1.2. Переселенцы в первом поколении: сибиряками рождаются или становятся?

В плане формирования сибирской идентичности интересен феномен переселенцев в Сибирь в первом поколении. Он имеет прямое отношение к вопросу, является ли факт рождения в Сибири принципиальным для ощущения себя сибиряком, или сибиряком можно «стать» при каких-то определенных обстоятельствах.

Наши интервью с переселенцами в первом поколении демонстрируют некую амбивалентность их самоощущения в отношении собственной «сибирскости».

С одной стороны, значительная часть опрошенных, не рожденных в Сибири, заявили, что не считают себя сибиряками. Обоснованием этого утверждения является факт рождения в другом месте. Складывается ощущение, что информанты изначально считают факт рождения в Сибири решающим для правомочного, формально-правильного причисления себя к сибирякам.

Однако у многих отсутствие формального признака «сибирскости» сочетается с субъективным ощущением, что Сибирь уже стала их домом, родным местом, и в этом смысле они – уже сибиряки:

Теперь для меня родина уже здесь, а раньше был Казахстан (Е., 20, ж., Омск).

При этом большое значение имеет фактор длительности проживания в Сибири:

Я не сибирячка... Хотя я уже 30 лет здесь живу, так вроде сибирячка (И., 48, ж., Иркутск).

Часть информантов сознательно отвергает принадлежность к сибирякам, приводя для этого помимо факта рождения вне Сибири такие обоснования, как отсутствие «сибирского» характера:

Нет, я не сибиряк. Я здесь не родился, да и характер у меня не такой, не сибирский (А., 75, м., Новосибирск).

Я не сибирячка, я более мягкая какая-то (Е., 20, ж., Омск),

либо подчеркивая вынужденный и возможно временный характер своего пребывания в Сибири: так жизнь сложилась, что они оказались в Сибири, приехали сюда учиться, работать. При этом особенно молодыми переселенцами в первом поколении, Сибирь часто рассматривается как место временного пребывания, как транзитный пункт на пути дальше. Многие молодые информанты высказывали желание уехать из Сибири:

И вообще мне здесь не нравится, я хочу уехать отсюда (Э., 19, ж., Омск).

Географическими ориентирами направления движения выступают Москва, города европейской части России, Европа, другие страны, а факт удаленности Сибири от этих мест оценивается негативно, прежде всего ввиду неразвитости транспортной инфраструктуры и дороговизны транспортных услуг:

Дорого ездить в Москву, в Европу, транспорт дорогой, далеко (Е., 20, ж., Омск).

Далеко, слишком далеко от всех стран (Э., 19, ж., Омск).

Некоторые информанты отмечали, что сибирская идентичность возникает, в частности, когда пропадает ощущение временности пребывания в Сибири:

Первые лет 15 мы жили здесь временно – ну, думали, что мы здесь ненадолго, собирались уехать. Но потом, когда я понял, что никуда уже, видимо, не уеду отсюда, что мы здесь навсегда, тогда я и стал сибиряком (Г., 59, м., Новосибирск).

Таким образом, сама по себе длительность проживания в Сибири не является определяющей предпосылкой для ощущения себя сибиряком.

На становление сибирской идентичности помимо длительности проживания влияют и другие предпосылки, среди которых можно

выделить две группы: «объективные» и «деятельностные». Первую группу составляют социально-демографические, структурные и социально-экономические предпосылки, такие, например, как возраст переселения в Сибирь, возможность поддержания контактов с «исторической родиной» и степень интенсивности этих контактов.

Есть основание предполагать, что для формирования сибирской идентичности возраст индивида на момент его переселения в Сибирь имеет большее значение, чем абсолютная длительность его проживания в Сибири. Среди информантов встречались люди, переехавшие в Сибирь 50 лет назад, молодыми, но уже взрослыми людьми, и не считающие себя сибиряками. При этом у таких информантов сохранялись устойчивые родственные и дружеские связи в месте их рождения или до-сибирского проживания. Они регулярно поддерживали контакты с родственниками и друзьями, оставшимися там, совершали поездки туда.

С другой стороны, те информанты, которые переехали в Сибирь в зрелом возрасте, но по каким-то причинам (чаще экономическим) не поддерживали регулярных контактов с малой родиной, говорят о том, что они «стали сибиряками».

Те же, кто переехал в Сибирь в более раннем, детском возрасте, с большей охотой относили себя к сибирякам. Это наводит на мысль о важности процесса социализации, становления личности в определенных локальных условиях, для формирования локальной идентичности:

Девочка – негритянка наполовину – она уже станет сибирячкой, она здесь поживет, поймет лучшее, научится преодолевать трудности и станет сибирячкой (И., 48, ж., Иркутск).

Вторую группу предпосылок составляют «деятельностные» предпосылки формирования сибирской идентичности: идентичность складывается через различные виды деятельности, непосредственно связанные с территорией.

В частности, можно говорить о неких особых качествах и чертах характера, связанных с проживанием в трудных бытовых условиях и условиях сурового климата. В связи с этим следует отметить, что лейтмотивом многих интервью является мысль о том, что

сибиряками не столько рождаются, сколько «становятся», а факт рождения человека в Сибири не является принципиальным. Гораздо важнее долгосрочное проживание здесь, которое меняет людей и делает их сибиряками.

Если даже не родиться в Сибири, а приехать и прожить лет 10-15, то станешь сибиряком. Если остался, то становишься сибиряком. Весь этот быт, и люди себя здесь ведут по-другому – более щедрые, более открытые. А те, кто не приживается, те все равно уезжают (А., 50, м., Иркутск).

В рамках группы «деятельностных» предпосылок нами выделено две подгруппы: к первой мы отнесли деятельность, связанную с приватной сферой жизни индивида, ко второй - деятельность, связанную с публичной сферой жизни.

2.1.3. Деятельность, связанная с приватной сферой жизни

Вехи биографии информанта

Деятельность, способствующая формированию сибирской идентичности, может относиться к важным этапам личной биографии информанта. Например, это может быть факт создания семьи, рождения детей в Сибири.

- Я уже сибирячкой стала.*
- Как вы стали сибирячкой? Когда?*
- Ну, наверное, когда детей-сибиряков народишь. Ну, и где муж, там и я (Е., 48, ж., Иркутск).*

При этом могут иметь значение как важные личные биографические этапы, так и значимые элементы биографий членов семьи:

Конечно, мы скучаем по родине, по Армении. Но теперь здесь наша работа, мои дети, здесь они получили образование, и будущее свое видят здесь – Сибирь для нас стала вторым домом (А., 45, ж., Омск).

Личный опыт познания Сибири и себя

Другим видом деятельности в приватной сфере жизни, способствующим формированию сибирской идентичности, является постепенное узнавание истории, культуры, природы Сибири, и как результат – появление любви к этому краю, гордости за него.

Когда встречалась с мужем, мы с ним прошли все музеи. Гуляли по городу за ручку, целовались на углах, а он рассказывал о каждом доме. Кто этот дом построил, кто этот. И я уже горжусь, что я живу в Иркутске. Богатый город, купеческий город. В Художественном музее есть знаменитые картины и скульптуры, ну и Рерих конечно... Конечно, это очень интересно и гордо, что я здесь рядышком живу... Конечно, мы здесь уже себя ощущаем сибиряками, уже причастность ощущаешь к Сибири, вот, например, на станции Зима родился Евтушенко, вот это да! (Е., 48, ж., Иркутск).

Осмысление и соотнесение своих личных качеств и черт характера с характером города, территории, нахождение соответствия между ними также способствует формированию локальной идентичности:

Иркутск – он такой бунтарский, со своим мнением город. Мне это нравится, я сама такая, люблю сама во всем разобраться, составить свое мнение (И., 48, ж., Иркутск).

В плане осмысления значения и роли Сибири в жизни переселенцев интервью демонстрируют эволюцию в их восприятии этого края, в частности, переход от прагматичного отношения к Сибири как к месту краткосрочного пребывания с личными практическими целями к созидательному отношению, ориентированному на долгосрочную перспективу:

...то есть для человека с запада Сибирь была – приехал, денег срубил, уехал. И я с таким же ощущением сюда приехала, а получилось по-другому (Е., 48, ж., Иркутск).

Можно приехать... и стать сибиряком. Наверное, когда человек поживет здесь и осознает, что можно от этой земли не только брать, но и делать что-то здесь полезное, оставить что-то для потомков – тогда он становится сибиряком (В., 32, ж., Иркутск).

Таким образом, собранный материал дает основания полагать, что личный опыт жизни в Сибири способствует формированию сибирской идентичности в тех случаях, когда имеют место активное познание края, осознание себя в контексте Сибири в целом или определенной локальной территории, проживание на данной территории важных этапов личной биографии.

2.1.4. Деятельность, связанная с публичной сферой жизни

Деятельность, связанная с публичной сферой жизни информанта, может быть описана как имеющая два измерения. С одной стороны, она касается преобразования внешней среды в самом широком смысле слова, включенности индивида в социально-экономические процессы, протекающие на территории, выполнения им определенных общественно-значимых функций, и таким образом привязана и к территории, и к социуму.

С другой стороны, в ходе осуществления деятельности происходит преобразование и самого индивида: он обретает специфические качества и черты характера, особые ценности, особое отношение к территории, на которой он живет и трудится, и как результат этого – особый способ категоризации внешней действительности.

Из проведенных интервью становится ясно, что в ходе профессиональной, общественной, политической деятельности на территории Сибири люди «становятся» сибиряками, обретают общие ценности, общие мнения, специфическое видение социально-экономических, экологических, политических проблем региона.

Это и преобразование природы, строительство новых городов и становление сибиряком, характерное для строителей сибирских социалистических строек:

Они что-то здесь создали, построили и остались здесь жить, и эта принадлежность к общему делу в Сибири, это позволяет им чувствовать себя сибиряком (А., 50, м., Иркутск).

Это и особая локальная привязка к территории, в освоении которой принимал непосредственное участие. В этом случае формирование сибирской идентичности берет свое начало от сильной локальной идентичности, основанной на собственной вовлеченности в общую деятельность, на общем менталитете и ценностях.

Братск – интересно, у них процентов 60 населения – это первая волна, вот те самые комсомольцы-добровольцы, Братская ГЭС. Там до сих пор есть люди, которые могут сказать: Вот тут стояла моя палатка, вот этот энергоблок я построил. И вот этот вот менталитет палаточного Братска... То же самое – Усть-Илимск. Это менталитет комсомольских строек (Д., 40, м., Иркутск).

Это и участие в экологическом движении, борьбе за сохранение природы своего региона. Такая деятельность способствует формированию сибирской идентичности через осознание ценности сибирской земли и своих прав как жителей этого региона:

Проблема Байкала и митинги затронула не только экологическую проблему, но и проблему прав живущих здесь людей. И отсюда начинается понятие «сибиряк» как основа солидарности. Мы живем на Байкале, и поэтому мы – сибиряки. И все, кто выходит на митинги за Байкал вместе с нами, даже в Москве, они тоже сибиряки, в том смысле, что они ценят эту землю (И., 32, ж., Иркутск).

Таким образом, можно сделать вывод, что история переселения в Сибирь как самого информанта, так и его семьи вносит вклад в формирование сибирской идентичности, однако этот вклад не самоочевиден. Сама по себе давность переселения в Сибирь не имеет определяющего значения для ощущения себя сибиряком, а является скорее дополнительным подкрепляющим и

«объяснительным» фактором в наборе других предпосылок формирования сибирской идентичности. Переселенцы первого поколения склонны ощущать себя сибиряками в случае активной вовлеченности в преобразующие процессы на территории, в социальные и политические движения, а также в ситуации разрыва связей с исторической родиной. Важные вехи личной биографии, связанные с Сибирью, познание этого края рождают эмоциональную привязанность к нему и также способствуют формированию сибирской идентичности.

2.2. Этническое происхождение как предпосылка формирования сибирской идентичности

Этническое происхождение представляется важной предпосылкой формирования сибирской идентичности, предположительно влияет на характер (содержание) и значимость самоидентификации «сибиряк» для индивида. В результате исследования удалось выявить несколько вариантов соотношения индивидами себя с общностью «сибиряки», характерных для людей разного этнического происхождения: выходцев из многонациональных семей и выходцев из мононациональных семей разных национальностей (русские, немцы, буряты, казахи).

2.2.1. Сибирская семья как плавильный котел народов: многонациональные семьи

Характерной чертой многих сибирских родственных кланов является их многонациональный характер, в отличие от традиционных родственных кланов многих народов, где часто сознательно поддерживается этническая чистота. В суровых условиях выживания в Сибири и освоения новых земель этнические, а подчас и религиозные принципы создания семьи не были ведущими.

Примером может служить многонациональная семья информантки из Иркутска, предки которой попали в Сибирь в XIX и XX в. Она знает историю своего рода до прадедов. Ее дед, казанский татарин, попал в Сибирь после студенческих волнений

1905 года. Студентов из Казанского университета выслали в Сибирь, дали пять лет каторги, потом определили на вечное поселение в Сибири. В Сибири он создал свою семью и должен был строить свою жизнь:

Мусульманское землячество было очень сильное, помогали друг другу, растили детей родственников, при необходимости. Мусульманское сообщество маленькое, фактор веры наиважнейший, и мой дед татарин женился на моей бабушке лезгинке. И ее за него отдали, так как нечего было им делить, конфликтов мало, а земли много (Х., 58, ж., Иркутск).

Так рождалась сибирская этническая толерантность. Главным было само создание семьи для упрочения положения, облегчения тягот жизни в трудных условиях Сибири. Люди стремились выдать замуж и женить детей, чтобы обеспечить их будущее. Часто браки заключались на договорной основе, по решению или просьбе старших родственников, причем такие случаи были нередки уже и в советское время, например, после войны 1941–1945 гг.

Помимо этнической толерантности информанты подчеркивают и религиозную толерантность сибиряков-переселенцев и их семей, описывают многонациональный и многоконфессиональный уклад жизни в сибирских поселениях начала – середины XX в.:

Жили в одной деревне мусульмане, русские, буряты, были школы на разных языках и медресе, дети учили разные языки, включая арабскую вязь, жили дружно. Все праздники отмечали вместе всем селом, Пасху все, включая мусульман (Х., 58, ж., Иркутск).

При этом отмечается, что русский язык являлся объединяющим для всех народов Сибири:

Дома только по-русски – ну мы же из Сибири, здесь только по-русски все говорили. Хотя знали и татарский, и киргизский, и арабский (Х., 58, ж., Иркутск).

Наше исследование показало, что для выходцев из многонациональных семей наиболее характерен выбор

идентичности «сибиряк» как основополагающей для их самоопределения.

Ну, у меня классика жанра – я могу назвать себя настоящим сибиряком. Моя мама чистокровная еврейка, семья происходит родом из Усть-Кута, в годы гражданской войны перебирается в Иркутск, и здесь мама моя появляется на свет в 1938 году. Мой отец – чистокровный немец, и там полная история поволжской немецкой республики: в августе 1941 года их снимают с места и отправляют (в Сибирь) в эшелоне... (С., 40, м., Иркутск).

Это происходит в частности в тех случаях, когда информанту трудно или невозможно выбрать одну национальность из многих, соединившихся в его крови:

В моей семье в двух поколениях несколько этнических групп, четыре религии. Я кем могу себя чувствовать, чтобы быть лояльной к ним всем? Ведь это все мои предки.

И моя семья – это не исключение, а скорее правило. И даже это повод для гордости – у кого больше было (разных этнических групп). Если я скажу, что я православная, то я откажусь от татарской культуры. В рамках классической модели – выбери, кто ты – это невозможно. А в рамках сибирской модели это возможно (И., 32, ж., Иркутск).

При этом выходцы из многонациональных семей более молодого возраста (не имеющие опыта социализации в советский период) склонны также поддерживать идею сибирской национальности.

Национальность «сибиряк» – я чувствую обоснованность этого как человек с семейными такими корнями (И., 32, ж., Иркутск).

Национальность для меня не принципиальна. Я не смогла бы прижиться в Германии, здесь моя родина, я здесь родилась. Я согласна с национальностью «сибиряк» (Л., 20, иркутянка – немка по отцу, русская по матери).

Люди же более старшего поколения, социализировавшиеся в советскую эпоху, даже при четко артикулируемой сибирской идентичности либо не склонны признавать сибиряков национальностью, либо относятся к этому амбивалентно.

Сибиряки – оно такое очень общее – ментально мы, конечно, совершенно русские люди, визуально – не совсем русские. Какой-то новый тип создавать?.. Но национальность «сибиряк» мы можем вычлениить. Мы (сибиряки) ментально все одинаковы, и мы отличаемся от других. И это остается, даже если переехал (Х., 58, ж., Иркутск).

В целом же идентичность «сибиряк» как включающая, зонтичная, для них не является первичной по значимости. Они находят другие обобщающие, наднациональные идентичности:

Россиянка – это для меня первично, сибирячка – вторично. Я продукт империи, я это осознаю (Г., 59, ж., Омск).

Наверное, понятие россиянин – наиболее отвечает моему духу. Потому что я себя чувствую человеком империи. Я не чувствую себя человеком какой-то отдельной нации. А вообще самое верное для меня – советский человек (Х., 58, ж., Иркутск).

Для выходцев из сибирских многонациональных семей характерно отсутствие ощущения принадлежности к какой-либо одной национальности. Помимо сложности осуществления выбора причиной может быть отсутствие связи с «исторической родиной»:

Я себя не чувствую татаркой, я никогда не была в Татарстане. В Дагестане – я только поездом была проездом. Я себя не чувствую тем более киргизкой (Х., 58, ж., Иркутск).

Таким образом, для информантов смешанного этнического происхождения сибирская идентичность значима, четко артикулируется и носит включающий характер, заменяя национальную принадлежность. Самоидентификация «сибиряк» в

данном случае выступает как «зонтичная», объединяющая разные этнические корни или заменяющая их.

При этом сибирская идентичность может выступать в качестве ключевой, как основа самоидентификации индивида, либо рассматриваться в рамках субъективно выстраиваемой информантом иерархии других «зонтичных» идентичностей, не являясь в ней ведущей.

Для людей разного этнического происхождения сибиряк – это идентичность не исключительная, а дополняющая либо включающая в себя.

Ты можешь жить в Сибири и чувствовать себя русским, татаринoм. Может быть, русский, а потом сибиряк, например в переписи, если бы была такая графа (И., 32, ж., Иркутск).

2.2.2. Выходцы из моноэтнических семей: особенности самовосприятия

В нарративах представителей моноэтнических семей встречаются следующие варианты восприятия своей «сибирскости».

Для выходцев из семей неславянского происхождения чаще значимой оказывается их этническая принадлежность (национальность).

Это характерно для казахов, причем как пришлых, приехавших из Казахстана, так и для местных, сибирских, в течение долгих лет и многих поколений проживающих, например, на территории Омской области. Возможно, отчасти причина этого заключается в их компактном проживании (аулами, районами), что создает благоприятные условия для сохранения национальной культуры.

Казахи, с которыми нам удалось поговорить, в основном не называли себя сибиряками вообще. А для тех, кто все же называл себя сибиряком, на первом месте среди неэтнических идентификаций была другая идентичность, например, россиянин (россиянка) или омич (омичка), и только потом уже сибиряк.

Часто информанты неславянского происхождения (немцы, казахи) не склонны выделять какие-то особые черты сибиряков, сибирский характер:

Все люди одинаковы (А., 24, казах, Омск).

Я не вижу такой разницы, везде есть и общительные люди и буки, и плохие и хорошие (И., 48, немка, Иркутск).

Также они не склонны выделять специфические сибирские проблемы.

В ряде интервью высказывалось мнение, что восточные буряты, в особенности – проживающие в Забайкалье, в Бурятской автономной республике, также больше склонны идентифицировать себя со своей национальной общностью, национальная идентичность при этом может сочетаться с российской или советской.

Буряты тоже – они буряты и россияне, а не сибиряки. Бурятская культура – носители традиционной российскости, советскости... а сейчас... республика и идет активное строение национального государства. У бурят есть потомственная гуманитарная интеллигенция, которая занята во многом воспроизводством бурятскости (В., 60, м, Иркутск).

Если вы спросите бурята, то для них Забайкалье – это вообще не Сибирь, это Забайкалье (Д., 40, м., Иркутск).

С другой стороны, наши информанты – западные буряты, проживающие на этом берегу Байкала (в Иркутске, Усть-Ордынском автономном округе) говорят о себе как о сибиряках, иркутянах:

Я вообще родилась здесь, мои родители... я вообще родом, можно сказать, коренная самая сибирячка, иркутянка, ну здесь недалеко от Иркутска мои родители, мои бабушка с дедушкой родились и всю жизнь прожили, 50 км от Иркутска, в Усть-Орде (А., 50, ж., Иркутск).

– Ну сибирячкой-то вы себя считаете?

– Ну да, а больше я никем себя не ощущаю, а кем? Я не знаю кем (А., 50, западная бурятка, Иркутск).

Иными словами, можно предположить, что там, где присутствует явный этнический или национальный колорит в его традиционном понимании, «сибирскость» отходит на второй план; кроме того, в ситуациях, когда этническая идентичность («внешнее отличие») оказывается решающей или важной в ситуациях социального взаимодействия, этническое «перевешивает»:

Я бы подписалась (под идеей сибирской национальности), если бы решили, что сибиряк – это человек с любым разрезом глаз. Но это же не так, вот ребенок, например, в школу ходит, его там китайцем дразнят. И он, конечно, говорит, что он бурят, а не китаец (В., 32, ж., Иркутск).

При этом приоритет этничности над «сибирскостью» касается не только самоидентификации представителей этих народов, но также и идентификации их другими, в частности, людьми «европейской» внешности, которые также зачастую не считают их сибиряками:

А бурят уже не сибиряк, если бурят идет, я же не скажу, что вот сибиряк идет, я скажу: бурят идет. Хотя он-то сам может себя считать сибиряком. Бурят – это уже бурят. Якут – это якут (И., 48, ж., Иркутск).

Интересно, что сходные закономерности проявляются как в случае с омскими казаками, которых формально можно отнести к «другим», пришлым, «нетитульной» для России и Сибири национальности, так и применительно к бурятам и якутам, которые формально относятся к коренным народам Сибири.

Что касается самовосприятия русского населения, то на основании проведенных интервью можно говорить о следующих его особенностях.

Те этнические русские, для которых их этническая принадлежность является особо значимой, не поддерживают идею сибирской национальности. В этом смысле для них важнее идентификация с русской нацией, с Россией в целом. Сибирь же воспринимается исключительно как место проживания, сибирская идентичность носит формально территориальный характер,

подчеркивается собственное соотнесение с территорией, а не принадлежность к некоей общности, связанной с этой территорией.

Я себя по национальности сибирячкой не считаю. Это имеет отношение к месту жительства. Я проживаю на территории Сибири, значит, я сибиряк (О., 20, ж., Омск).

При этом, несмотря на отрицание собственной «сибирскости» в качестве национальной или культурной общности, они могут приписывать сибирскую национальность «другим» (в широком смысле этого слова) народам.

Возможно, коренные народы, возможно, татары какие-то могут себя сибиряками назвать (та же информантка).

В других нарративах этнических русских признается наличие общности сибиряков и отнесения себя к ней в терминах «мы», но не поддерживается идея сибирской национальности:

Я под этим вижу какой-то раскол. Это нас хотят расколоть и растащить (Е., 48, ж., Иркутск).

Как было показано в первом разделе результатов исследования, расстояние до центра имеет большое значение для формирования сибирской идентичности. «Этнические русские» говорят о том, что расстояние от Москвы является основанием для формирования общности сибиряков. При этом, в отличие от первой группы, представления об этническом составе общности сибиряков носят этнически инклюзивный характер. Туда могут входить представители самых разных народов, включая русских. Однако основой такой сибирской общности видятся русская культура, русский язык и российская нация как инклюзивная, зонтичная идентичность:

Китайцы женятся на русских женищинах, рожают смешанных детей. Киргизы переселяются, таджики. И из их детей надо сделать сибиряков. Россиян. Пусть они ходят в русские школы, учат язык, впитывают русскую культуру. Пусть

ассимилируются. Они тогда растворятся, и все равно они будут россиянами. Ну и пусть с узким разрезом глаз. Это не важно, у нас и так буряты, ну пусть будет больше людей с узким разрезом глаз. Но они будут уже россияне (Е.,48, ж., Иркутск).

Подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что выбор сибирской идентичности в качестве «зонтичной», как бы замещающей национальность характерен для выходцев из полиэтничных семей. Информанты же моноэтничного происхождения, как правило, не прибегают к сибирской идентичности как к заменяющей национальность; этническая компонента самоопределения является для них либо определяющей, либо более значимой.

Что касается общности «сибиряки» в целом, то представления о ней разнятся: для некоторых она носит этнически инклюзивный характер, для других этнически эксклюзивный, при этом исключение происходит по принципу внешних фенотипических отличий.

2.3. История личной мобильности как предпосылка формирования сибирской идентичности

История личной мобильности представляется важной предпосылкой формирования сибирской идентичности. В основе этого лежит предположение о важности существования базы для сравнения, выделения отличий, противопоставления «мы-они» для формирования и актуализации разных аспектов идентичности – территориальных, культурных, языковых и прочих.

На основании проведенных интервью можно сделать вывод о том, что высокая степень мобильности способствует формированию более развитой рефлексии по поводу особенностей менталитета сибиряков, культурных и социально-экономических особенностей жизни в Сибири. Появляется почва для сравнения, противопоставления «мы-они». Начинают осознаться особенности сибирской жизни, характера, менталитета по сравнению с другими регионами и странами.

История личной мобильности пересекается с социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками информантов, прежде всего, такими как возраст, род занятий, уровень дохода. Среди опрошенных часто и много путешествующих преобладали люди с уровнем дохода средним и выше среднего, предприниматели и представители свободных профессий – творческая и научная интеллигенция (историки, социологи, журналисты, преподаватели).

Помимо высокого уровня рефлексии, обусловленного их профессиями и высоким интеллектуально-образовательным уровнем, эти люди обладают активной жизненной позицией. Все это приводит их к сознательному выбору самоидентификации «сибиряк», которая часто носит протестный характер.

С некоторыми оговорками можно говорить о том, что среди тех, кто много путешествовал, больше людей выбирающих самоидентификацию «сибиряк», чем среди тех, кто ездил мало.

Другую группу составляют люди разных возрастов, которые мало путешествовали в силу жизненных обстоятельств, прежде всего низких доходов и/или молодого возраста.

Для них характерно отсутствие рефлексии по поводу отличий сибиряков и жизни в Сибири от других регионов России ввиду отсутствия почвы для сравнения или противопоставления:

Я не знаю, чем отличаются сибиряки, я нигде не был (А., 35, м., Новосибирск)

Среди тех, кто мало путешествовал, выделяются те, кто не связывает своего будущего с сибирским регионом и хочет уехать, и те, кто уехать не планирует или не может, но при этом описывают сибирскость не через отличие (ввиду отсутствия базы для сравнения), а через специфические проблемы региона.

Часть информантов (в основном молодых) выражали желание уехать из Сибири вообще или из своего города/региона в основном из профессионально-карьерных соображений. В этом случае стремление путешествовать или вообще уехать из региона приводит к (сознательному?) ослаблению идентификации с Сибирью и даже отказу от нее. Студенты, недавние выпускники вузов, выходцы из семей с невысокими доходами, из неполных семей, также

оказываются в числе тех, кто мало путешествовал и стремится при этом покинуть Сибирь.

Последнее в большей степени характерно для молодых омичей. У них практически отсутствует идентификация с Сибирью в целом, хотя есть идентификация с Омском:

Мне кажется, иркутяне про себя не скажут, что они иркутяне, а скажут, что сибиряки в первую очередь. А мы про себя говорим, что мы омичи (Н., 32, ж., Омск).

Также они идентифицируют себя со всей Россией, как россияне и/или как русские, не считая себя сибиряками, рационализируя такой выбор мотивами «гордости» за ту общность, с которой хочется себя соотносить:

Не возникает желания сказать, что я сибирячка, для этого нужно, чтобы было что-то, чем можно гордиться, а этого пока нет (Н., 26, ж., Омск).

В интервью с молодыми иркутянами тоже присутствуют похожие мотивы:

Я не могу гордиться Сибирью, Иркутском (М., 23, ж., Иркутск).

В Иркутске также встречаются молодые люди с сильными отъездными настроениями, связанными с тем, что свой родной город, регион воспринимается как отсталый, депрессивный, а потому не слишком привлекательный для того, чтобы связывать с ним свое будущее:

Среди молодежи сейчас такие настроения, если ты не уехал из Иркутска, то ты лузер однозначно (В., 44, м., Иркутск).

Однако в целом иркутяне разных возрастов и социальных слоев демонстрируют сильную идентификацию с Иркутском как городом, с Байкалом и Байкальским регионом, а также и с Сибирью в целом.

Вторая группа – так называемые «вынужденные сибиряки» – это люди разных возрастов, которые в силу своей биографии не имеют

возможности путешествовать и не планируют уехать из Сибири. Им труднее сравнивать жизнь в Сибири с жизнью в других регионах ввиду отсутствия базы для сравнения. Однако они осознают и четко обозначают социально-экономические проблемы региона. В их восприятии Сибири присутствует некоторая амбивалентность, и также протестность: «здесь плохо, но это моя родина».

Таким образом, в их случае осознание себя сибиряком происходит через осознание проблем своего региона.

2.4. Символический статус места рождения и проживания как предпосылка формирования разных вариантов сибирской идентичности

Данные интервью позволяют сделать вывод о том, что символический статус населенного пункта (локальности), являющегося местом рождения и/или проживания информанта, в восприятии, как самого информанта, так и окружающих может выступать основой конструирования разных вариантов сибирской локальной идентичности.

Под символическим статусом места (проживания/рождения) нами понимается субъективная оценка индивидом места данной локальности в статусной иерархии значимых для него локальностей, причем эта оценка формируется как на основе личного восприятия, так и на основании преобладающих категоризаций данной локальности значимыми для индивида другими.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют говорить как минимум о двух базовых, полярных способах категоризации локальностей, связанных с местом рождения и проживания информантов: локальная идентичность как травма VS локальная идентичность как преимущество.

2.4.1. Локальная сибирская идентичность как травма

В нарративах жителей и уроженцев разных населенных пунктов Сибири можно выделить субъективные оценки места их проживания и/или рождения. Эти оценки носят иногда прямой, но

чаще косвенный характер, могут быть эмоционально окрашены, и, так или иначе, позволяют составить представление о том статусе, который индивид приписывает данной локальности.

В ходе исследования возникло предположение, что если статус места рождения (взросления) оценивается информантом как невысокий, то он стремится уйти от идентификации с ним к другой идентичности. Это может быть идентификация с городом, где он проживает в настоящий момент, например, информант, родившийся в селе, не говорит, что он из села К., а говорит, что он из города Новосибирска. Если интервьюер задает уточняющий вопрос: «А где Вы родились?», то на это следует неконкретный ответ:

– Я родился в НСО (Новосибирской области).

– А точнее?

– В поселке городского типа (подчеркивается городской тип поселения) (А., 35, м., Новосибирск).

При этом часто в этих интервью присутствуют описания жизни в данной локальности и самой локальности в негативных тонах. Это может быть описание заброшенной деревни, где нет работы и молодежь стремится уехать в город любой ценой, или маленького захолустного городка, оторванного от цивилизации, где «жизнь остановилась». Складывается впечатление, что в таких случаях информант воспринимает ассоциацию (идентификацию) с малой родиной как травму и хочет от нее дистанцироваться. Формируется новая, чаще всего городская идентичность. Самоидентификация с большим городом позволяет уйти от травмирующей локальной идентичности, размывает ее, но часто размывает и сибирский характер идентичности в целом. В таких случаях формирующаяся новая городская идентичность в сознании информантов лишена каких-либо отличительных сибирских черт. Они склонны к отрицанию различий между городами Сибири и остальной России:

Просто большой город, как любой другой (А., 35, м., Новосибирск).

Все города одинаковы, жизнь везде одинакова. Нет какой-то принципиальной разницы между Новосибирском и Москвой, Новосибирском и Барнаулом (А., 38, ж., Новосибирск).

2.4.2. Локальная идентичность как преимущество

В других интервью встречается обратная ситуация. Если символический статус места рождения (проживания) информанта оценивается как высокий, то локальная идентичность является значимой для информанта, ассоциация с данной локальностью подчеркивается, оценивается как преимущество.

Я из Новосибирска, а точнее из Академгородка (Е., 29, м., Новосибирск).

Конечно, я горжусь, что я живу в таком уникальном месте, в смысле и природы и науки (Л., 50, ж., Новосибирск).

Как правило, в таких случаях именно локальная идентичность становится основой сибирской идентичности:

Ведь на нашем железнодорожном вокзале что написано? Новосибирск-Главный. Тогда мы с гордостью бьем себя в грудь, что мы – сибиряки, потому что мы главные в Сибири (Т., 39, ж., Новосибирск).

При этом, как видно, размер и тип поселения не имеют решающего значения. Субъективный символический статус локальности в сознании индивида может формироваться на основе как ее общепризнанного статуса, так и значимости места лично для индивида либо для узкого локального сообщества.

2.4.3. Оценки символического статуса локальности на фоне изменения «объективного» социально-экономического положения городов

Многие интервью во всех трех городах содержат сравнительные оценки символического статуса сибирских городов в

представлениях информантов, а также оценку динамики «объективной» социально-экономической ситуации городов.

Полученные результаты позволяют предположить, что изменение «объективного» социально-экономического положения города неоднозначно влияет на субъективную оценку его символического статуса информантами. В этом смысле интересно сопоставление оценок своих городов жителями Омска и Иркутска. Изменения социально-экономической ситуации в обоих городах чаще оцениваются негативно (подробнее об этом далее в этом разделе), однако при этом информанты из Иркутска склонны приписывать своему городу высокий символический статус, в то время как омичи говорят об утрате былого «величия» города:

Я когда была студенткой, очень гордилась, что мы были сибиряками, а сейчас Омск – это захолустье... (Г., 59, ж., Омск)

Данные интервью свидетельствуют о том, что в случае с Иркутском горожане продолжают соотноситься с его бывшим положением столицы Восточной Сибири, исторического, культурного, научного и промышленного центра сибирского региона, хотя и признают с сожалением, что в последние десятилетия ведущие позиции города в регионе во многом утрачены:

Эта атмосфера культурного очага – она распространялась, среда уважения к Иркутску как к культурному и научному центру Восточной Сибири формировалась. Ну прям по цитате из песни – любимый Иркутск, середина земли [...]

[а сейчас] Иркутск законсервирован в своих амбициях, и болезненно переживает утрату своего лидерства. Очень было обидно, когда Новосибирск ушел вперед по науке, а Красноярск по промышленному потенциалу (Д., 40, м., Иркутск).

В ряде интервью проходит мысль о существовании соперничества сибирских городов. При этом в символические «соревнования» вовлечены города Сибири, за исключением национальных республик и округов, а также Дальнего Востока:

С Улан-Удэ нам конкурировать бессмысленно, там пожилее и по промышленному потенциалу, и вообще. У Хабаровска тоже выше потенциал, но к нему нет никаких претензий, потому что это Дальний Восток, а все, что восточнее, неинтересно в плане соперничества. Но вот Красноярск, Новосибирск – это да. Красноярск – с ним больше, он ближе. Новосибирск всегда был ближе к центру, он такой центральный, чиновничий, его так, вяло не любят. А вот с Красноярском остро (Д., 40, журналист, Иркутск).

Тексты интервью также свидетельствуют о том, что такого рода соперничество имело место и в советское время, и память о нем сказывается на восприятии родного города и сейчас. Информанты старшего поколения сопоставляют статусное положение сибирских городов «тогда» и «сейчас», отмечая и оценивая произошедшие изменения.

[раньше] мы всегда жили лучше, чем вы. Вот помню, я в Томске вышла замуж, привезла сюда мужа, заходим в магазин – и он: «Галя! Колбаса!»... В Новосибирске просто были другие тряпки, а с едой в Новосибирске было хуже, и Томск тоже был голодный... А потом мы проиграли... (Г., 59, ж., Омск).

По данным интервью, объяснение соперничества городов лежит в плоскости борьбы за ресурсы.

...сибирские города и регионы стоят друг к другу спиной. И борются друг с другом за ресурсы из центра, которые распределяются не по принципам экономической целесообразности, а по статусным и по знакомству (В., 62, м., Иркутск).

Борьба за ресурсы и дух соперничества не способствуют созданию единого социокультурного пространства Сибири. В интервью отмечалась слабость горизонтальных связей между сибирскими городами, преобладание вертикальных связей, организованных преимущественно властью и ориентированных на власть.

Сибиряк – можно понимать как региональное и социокультурное единство. Но если до революции

социокультурное единство Сибири было, то сейчас его нет, есть только региональное (В., 62, м., Иркутск).

При этом, несмотря на констатацию утраты «былого величия» Иркутска и проигрыш в негласном соревновании сибирских городов, в ряде интервью иркутян содержится мотив отказа от «участия в соревновании». Город не сопоставляется с другими городами по объективным показателям сегодняшнего дня, его высокая статусность подчеркивается через другие, вневременные ценности и достоинства.

В случае Иркутска к таким ценностям относятся, прежде всего, более богатый, по сравнению с другими сибирскими городами, «культурный слой» (многовековые культурные и образовательные традиции, история города), особый характер города и горожан, а также вневременная, сакральная ценность региона – озеро Байкал.

На основе проанализированных интервью можно предположить, что эти ценности помогают горожанам придать особую символическую значимость месту их проживания, и дополнительный статус самим иркутянам при сопоставлении с другими регионами Сибири и их жителями.

Мне кажется настоящие, «хорошие» сибиряки – только вокруг Байкала, а Новосибирск, Красноярск – это какие-то не настоящие сибиряки, слабые какие-то. Потому что у нас Байкал – он ведь тоже зверь, там такие волны бывают, очень страшно. А там-то (в Новосибирске, Красноярске) такого нет (Е., 48, ж., Иркутск).

Такое конструирование символических региональных отличий можно оценивать двояко. С одной стороны, сакральные ценности становятся основами новых региональных солидарностей и идентичностей, следствием которых может стать и становится региональный активизм:

Байкал как сакральная ценность объединяет очень разных людей в регионе, людей, которые в других обстоятельствах даже не разговаривали бы друг с другом. Их региональная идентичность строится вокруг Байкала (В., 62, м., Иркутск).

С другой стороны, отказ, пусть и вынужденный, от соревнования/сопоставления с другими сибирскими городами в плане решения насущных социально-экономических задач не способствует развитию горизонтальных связей внутри сибирского региона и приводит к своеобразной инкапсуляции в своем микро-регионе.

А что нас (Иркутск) объединяет с Новосибирском? Да ничего. Здесь даже нет новосибирских газет, да здесь даже нет и красноярских и улан-удинских. Потому что это никому не нужно (В., 62, м., Иркутск).

Примером такой ориентированности на микрорегион может являться Байкальская Сибирь как «новый регион», территориально и символически центрированный вокруг озера Байкал и сконструированный в условиях утраты бывшего статуса Иркутска и Иркутского региона в Восточной Сибири и Сибири в целом.

Иркутск – лучшее место для жизни в Сибири, во всех отношениях... Когда я был юн, Иркутск позиционировался как столица Восточной Сибири... А сейчас он проигрывает своим географическим соседям. И когда стало件нятно, что Иркутск проиграл, началось конструирование здесь региона, которого вообще на карте нет – Байкальской Сибири, Байкальского региона (С., 40, м., Иркутск)

В омских интервью не отмечалось наличия общих, вневременных и при этом специфически сибирских ценностей, способных объединить людей, сформировать гордость за свой город или регион:

Особого впечатления наш город ни у кого не оставляет, вообще-то у нас нечего смотреть, если так признаться. Абсолютно ничего нет интересного... Ну да, у нас хорошие вузы, искусство, театры, но это для верхушки, доступ для простого человека очень ограничен (Э., 19, ж., Омск).

Некоторые информанты упоминали отдельные коммерческие бренды, известные на всю страну, например, пиво «Сибирская корона» и хоккейная команда «Авангард», но консолидирующей социальной функции они не выполняют. Можно предположить, что

ввиду недостатка объединяющих ценностей на фоне констатируемого упадка промышленности, снижения культурного уровня, вымывания кадрового потенциала города омичи не могут высоко оценивать и современный символический статус своего города, не имея к этому значимых оснований.

Что же касается Новосибирска, то, как упоминалось ранее, одной из самых символически значимых референций является Академгородок, фигурирующий во многих интервью как предмет особенной гордости и основание идентичности. Однако в данном случае невозможно проведение прямых аналогий с Омском и Иркутском по ряду причин.

Во-первых, в интервью отсутствуют прямые негативные оценки современного социально-экономического состояния города, динамика его развития не рассматривается ни самими горожанами, ни информантами из других городов как деградация. Скорее, наоборот, в интервью встречаются упоминания города как «столицы Сибири», «второй Москвы», «сибирского мегаполиса», что не дает оснований говорить о снижении символического статуса города. В то же время в интервью самих новосибирцев нет и ярких свидетельств бурного развития, подъема, расцвета города, что не позволяет говорить и о явном повышении символического статуса города в последние годы, скорее, его можно назвать стабильно высоким.

Во-вторых, являясь символически значимой локальностью как внутри города, так и за его пределами, являясь основой сибирской идентичности для своих жителей, Академгородок, тем не менее, не выполняет символической консолидирующей функции на уровне региона и даже города (как, например, Байкал в Иркутском регионе), оставаясь во многом локальностью, ориентированной на саму себя. При этом на уровне самого поселения такая ориентация на свои интересы может иметь следствием и узколокальные солидарности, и локальный активизм (например, против вырубки зеленых насаждений и участков леса на территории поселения). Иногда, впрочем, локальные гражданские инициативы вырастают до городского масштаба (как в случае с созданием общественной организации «Здравоохранение детям»), однако основой консолидации в этом случае не является специфическая локальная идентичность.

III. ФОРМЫ И КОНТЕКСТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проанализировав предпосылки и пути формирования сибирской идентичности, перейдем к рассмотрению ее содержательного наполнения, форм проявления «сибирскости» и контекстов, в которых сибирская идентичность проявляется, актуализируется, приводится в действие. На основе текстов интервью формы актуализации сибирской идентичности были разделены на две группы:

- социально-психологические – в которые объединяются особенности и черты характера сибиряков, проявляющиеся, по мнению наших информантов, в ситуациях столкновения и взаимодействия с разнообразными «другими»;
- политические – объединяющие различные протестные формы актуализации сибирской идентичности, появляющиеся вследствие осознания социально-экономического неравенства между центром и регионами.

Рассмотрим их подробнее.

1. Сибирская идентичность и сибирский характер: составляющие образа сибиряка

«Сибирский характер» – понятие, которое так или иначе имеет смысл для всех информантов, с которыми мы говорили. При этом, с одной стороны, сибирский характер, как и сибирская идентичность, существует в сознании информантов в качестве «мифов» и автостереотипов, с другой стороны – как набор отличий сибиряков от разных категорий «других».

Если по просьбе интервьюера информанты пытались описать основные черты сибирского характера, то результатом зачастую являлось воспроизводство общеизвестных стереотипов: сибирякам приписываются такие черты, как честность, открытость, выносливость, надежность, терпимость и терпеливость, упорство в достижении цели, умение преодолевать трудности, широта души, щедрость.

Я, отчасти, сознательно буду конструировать какие-то стереотипы, но, на мой взгляд, жизнь в Сибири и правда отличается [от остальной России] более высоким качеством человеческого материала – психологически люди здесь более устойчивые, более прямые, менее скрытные, менее склонные к обману и поиску собственной выгоды... (Д., 40, м., Иркутск).

Часто такие «общие особенности» оказываются основанием для «контекстуальной общности» – многие информанты говорили о том, что, когда они находятся вне дома, им (по не всегда понятным причинам) проще общаться со «своими»:

Я чувствую, что когда я нахожусь длительное время за пределами, или на семинарах, где есть возможность сформировать круг общения, мне психологически проще общаться с людьми из Новосибирска, Иркутска, Читы... какой-то общий менталитет, что ли, я не знаю (Д., 40, журналист, Иркутск).

При этом зачастую сибирскому характеру одновременно приписываются на первый взгляд противоречивые черты: с одной стороны, практически все информанты отмечают такую его черту, как коллективизм:

Здесь народ дружнее. Кучнее, дружнее. У нас все стараются друг другу помогать (Н., 32, ж., Омск).

С другой стороны, многие характеризовали сибиряков как индивидуалистов, людей, имеющих свое, независимое и самостоятельное мнение:

Здесь на два человека три мнения, каждый знает, что точно делать, и бывает сложно договориться (А., 33, м., Новосибирск).

Также одновременно отмечаются такие качества сибиряков как упорство в достижении личных, в том числе карьерных целей, высокую работоспособность:

На юге люди более расслабленные – их волнует больше семья, здоровье. У нас больше – карьера, работа (И., 29, ж., Омск),

но при этом приоритетность дружбы, неформального общения между людьми над личным успехом и благополучием:

Если друг просит помочь, то ему надо помочь, даже если тебе будет плохо (В., 44, м., Иркутск)

С одной стороны, сибиряки осознают, что им нужно прилагать больше усилий для достижения успеха в жизни, чем, скажем, жителям столиц, но при этом не готовы ради этого «идти по головам», жертвовать дружескими отношениями.

Такая амбивалентность сибирского характера может иметь несколько объяснений: с одной стороны, видимая противоречивость черт может быть кажущейся и иметь под собой логическое основание, связанное с более глубинными установками и жизненными приоритетами. Так, одновременное присутствие и индивидуализма и коллективизма в характере сибиряка может быть обусловлено необходимостью выживания в суровых условиях любой ценой. Эта необходимость диктует, с одной стороны, потребность быть самостоятельным, уметь принимать независимые решения:

Ну, привычка рассчитывать на себя – если на себя не рассчитывать, то в Сибири долго не проживешь, это везде ощущается (А., 33, м., Новосибирск).

С другой стороны, для выживания зачастую требуется помощь других, что, в свою очередь, развивает и коллективистские установки и ценности:

Потому что здесь, на таких огромных пространствах люди без взаимовыручки, без поддержки и без какой-то открытости просто не выжили бы... Попадали в ссылку сюда, люди, в чужеродную среду, вырванные из родного контекста, не владея языком... Община, поддержка, вот это все помогло людям

прийти в чувство и стать полноценными людьми (Х., 58, ж., Иркутск).

Нацеленность на успех, упорство в достижении целей в сочетании с ценностью дружеских, неформальных отношений представляются тесно связанными с такой чертой сибирского характера, как надежность, упоминаемой во многих интервью, и также представляющейся крайне важной именно в непростых, подчас критических условиях жизни:

Ну, про сибирские дивизии вы знаете... Да и я, когда служил в армии, знал, что если у меня парень из Иркутской области – то он вывезет. Я поставлю задачу – он справится, а не окажется внезапно в госпитале, к другому командиру не пойдет, другое поручение не попросит. Сибиряк руководствуется мнением окружающих – чтобы не прослыть меркантильным, слабым. Он надежный (Д., 40, м., Иркутск).

Независимость и самостоятельность суждений сибиряков, также часто упоминаемая в интервью, может быть связана с пресловутым «до царя далеко» и перекликается с известным свободолобием сибиряков, имеющим историческую укорененность – в Сибири не было крепостного права, зато оказывалось много бунтарей-ссыльных.

Распространенным вариантом общего восприятия «сибирскости» является представление о том, что «сибиряк» – это некое особое внутреннее качество, состояние человека:

Сибиряк – это не национальность, это состояние души (А., 50, ж., Иркутск).

Щедрая сибирская душа, характер такой (Б., 54, м., Новосибирск).

Понятие «состояния души» включает в себя спектр представлений о сибиряках как о людях с рядом специфических жизненных установок и ценностных ориентаций, среди которых

можно выделить, во-первых, позитивное восприятие природы и климата, местного уклада жизни:

Мне вообще нравится, мне и климат нравится, я очень люблю такую зиму, активный отдых, лыжи... я вообще считаю, что у нас солнечный город, снег, елки, у нас вообще очень классно в этом плане. Сибиряк – это больше состояние души, что ли. Есть же люди, которые родились в Сибири, но не любят это все (Н., 32, ж., Омск).

Важной, конечно, оказывается «морозоустойчивость» сибиряков и связанная с этим выносливость:

Сибиряк не укутывается, ходит с открытым горлом. Тепло не одевается, к морозу привык (В., 45, м., Омск).

Во-вторых, это переселенческий дух, дух освоения новых земель:

Ведь Сибирь заселялась россиянами, украинцами, белорусами, люди ехали за землей во времена столыпинской реформы, позже на социалистические стройки. Осваивали новые земли (А., 50, м., Иркутск).

Помимо этого, к особому сибирскому «состоянию души» можно отнести специфическое, зачастую труднообъяснимое и эмоциональное восприятие природы, пространства и расстояний, людей и событий, а также их категоризацию в терминах «свое»-«чужое» на основе этого восприятия:

Вот выходишь на трап – божье – неужели я дома, даже воздух другой, выходишь в терминал – другие люди, может быть немного грубоватые, но прямодушные, никто не будет тебе в спину шипеть (А., 50, ж., Иркутск)

Сибирь – это за Уралом. Единая сущность наша – это зауральская. Вся неевропейская часть России имеет некую солидарность, общую компоненту. Сибирь и Урал точно, а вот

куда отнести Дальний Восток и Крайний Север, я не знаю (А., 42, м., Новосибирск).

Быть сибиряком – это быть причастным к чему-то глобальному и позитивному... Когда ты встречаешь что-то негативное, то хочется абстрагироваться от этого и сказать, что это – не сибиряк (Х., 58, ж., Иркутск)

К числу «негативных» составляющих образа сибиряка информанты относят лень, медлительность и некоторую расслабленность в делах, во многом как оборотную сторону неприоритетности экономической и статусной успешности для сибиряков.

А с другой стороны, здесь есть разгильдяйство. Если человек не нацелен на карьеру, то он нацелен на комфорт общения, на социальную группу свою, с которой приятно общаться (В., 44, м., Иркутск).

В то же время на основании анализа проведенных интервью можно говорить о том, что «сибирский характер» в представлении наших информантов – это не только совокупность особых качеств, сформировавшихся под воздействием определенных природных и социальных условий, но и набор значимых отличий сибиряков от людей, проживающих в других регионах России и странах. Различия в характере и менталитете людей становятся «линией водораздела» между Сибирью и европейской частью России. В интервью не только содержатся описания «сибирского характера», но и подчеркивается его отличие от характера жителей других российских регионов.

Мы ездили поездами Иркутск–Адлер, Иркутск–Симферополь, Иркутск–Москва, Иркутск–Усть-Илимск. И люди, которые ехали... уже по европейской части когда едешь, там когда местные пассажиры садились, или ехали в Сибирь в гости, или из Сибири возвращались на родину, очень многие говорили нам, что сибиряки сильно отличаются от европейской части России, и нам было любопытно... Говорят, насколько люди у вас

открытое, и щедрее, и проще, без какого-то местечкового чванства, или какой-то глупости, жадности, и так далее. Вот их поражала щедрость сибиряков (Х., 58, ж., Иркутск).

Сибирский характер в отличие от европейского характера – меньшая нацеленность на успешность социальную, большая ценность неформальных человеческих связей, дружбы (В., 44, м., Иркутск).

Мне кажется, сибиряки крепче духом. Конечно, отличаются – мы работоспособнее, выносливее. Может, условия внешней среды закаляют, в принципе – она нас здесь не балует... Дух крепче, выносливее морально и физически (Н., 32, ж., Омск).

Иными словами, «сибирский характер» – это способ определить себя посредством обозначения своего отличия от других по ключевым, по мнению информантов, основаниям.

Таким образом, в собранных интервью можно проследить два объяснительных механизма, которые используют информанты при описании и интерпретации «сибирского характера». С одной стороны, в интервью присутствуют объяснительные модели, основанные на предположении о том, что природно-климатические и социальные условия жизни приводят к формированию «сибирского характера» как некоей консистентной совокупности качеств, многие из которых имеют историческую обусловленность и пришли к нам из глубины веков.

С другой стороны, кристаллизация черт «сибирского характера» в сознании информантов часто происходит путем их сравнения/противопоставления с чертами характера различных категорий «других», как правило, людей, с которыми информанту или его близким доводилось встречаться лично в различных ситуациях повседневного общения. Следует отметить, что оба объяснительных механизма часто присутствуют в одном и том же интервью. Это может приводить к некоторой противоречивости описания черт «сибирского характера». Противоречивость проявляется и при рассмотрении сибирской идентичности как основы солидарности и совместных действий, что подробно рассматривается в следующем параграфе.

2. Сибирская идентичность как протест и форма политического высказывания

Другая форма актуализации сибирской идентичности связана с осознанием жителями Сибири социально-экономических проблем региона, а также масштабов различий в социально-экономических условиях жизни региона и «центра».

2.1. Формирование сибирской идентичности как протестной через осознание социально-экономических проблем региона

Практически во всех проведенных нами интервью информанты в Омске, Иркутске, Новосибирске говорили о сходном наборе социально-экономических проблем, характерных, по их мнению, для сибирского региона; в числе наиболее актуальных проблем в большинстве интервью упоминались:

- кризис промышленности и связанные с этим проблемы трудоустройства квалифицированных кадров;
- низкий уровень заработной платы и жизни населения в целом и, как следствие, «вымывание» квалифицированных кадров из региона, снижение качества человеческого капитала в регионе;
- отсутствие перспектив занятости, прежде всего – для молодежи, вследствие чего отток молодежи из региона;
- несимметричность и слабая урегулированность миграционных потоков (в регион и из региона);
- неразвитость инфраструктуры, в особенности транспортной сети и объектов социально-культурного назначения;
- экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, бесконтрольная вырубка лесов и т. д.).

Говоря о причинах и происхождении этих проблем, многие высказывали мнение, что они вызваны, прежде всего, несимметричными экономическими отношениями между федеральным центром и сибирским регионом, а также «освоенческой» установкой «центра» по отношению к Сибири, и

планированием программ ее освоения исключительно на основе соображений экономической выгоды, без учета интересов населения региона.

Кроме того, кризис промышленности, начавшийся в 1990-е гг., привел к краху многих крупных предприятий в сибирских городах, прежде всего это коснулось тяжелой и оборонной промышленности, транспортных предприятий. Это сказалось не только на возможностях занятости и благосостоянии населения Сибири, но также имело глубокие и тяжелые последствия для образа жизни и самосознания сибиряков. Проведенные интервью показывают, что закрытые либо пришедшие в упадок предприятия не только играли огромную роль в социально-экономической жизни сибирских городов, но также обладали в сознании горожан высоким символическим статусом, являясь предметом гордости и придавая городам в глазах горожан особую важность и значимость в рамках всероссийской экономики. Их утрата зачастую расценивается как снижение статуса города в целом, как потеря перспектив дальнейшего развития:

У нас в городе... погубило будущее, производство разгромлено, а то, что восстанавливается... вот смотрите, вот завод подъемных машин, он делал лифты на всю страну, он разрушен, и какие-то цехи остались, но это что, это какая-то кустарщина, это ж не индустриальное производство... у Омска нет будущего (ж., 59, Омск).

Многие информанты говорят о том, что с начала 2000-х гг. наблюдается дальнейшее ухудшение ситуации. Именно с этого времени начинается массовый переход сибирских предприятий в руки столичных собственников, сопровождающийся переносом налогового резидентства предприятий и соответственно сокращением налоговых поступлений в местные бюджеты.

Нам не принадлежит ничего, все не наше, все создается нами, но это нам не принадлежит, а все принадлежит Москве или Петербургу. Вот даже взять наш нефтезавод, он же уже не наш омский, это конец 90-х – начало 2000-х. Люди переживают по этому поводу, все возмущены... Это отток денег, конечно

же, это же уже не в бюджет региона. Люди переживают, но пока терпят... настолько уже забили людей (ж., 20, Омск).

В это же время начинается массовая продажа сибирских земель, включая муниципальные, частным собственникам из несибирских регионов, что приводит к ограничению доступа жителей региона к этим землям, часто расположенным в рекреационных и курортных зонах.

Приехал к другу — у него дача по Байкальскому тракту, давно уже. И там турбаза, геологов, что ли, была — там минеральный источник... В очередной раз приезжаю, поехали, говорю, воды наберем минеральной. А все, говорит, уже не заедешь туда — все скупили, Москва. Поставили забор, охрану — и все, вход закрыт. И это давно происходит, повсеместно — скупается берег Байкала... даже к воде уже не так просто подойти, коттеджи строят, например, метрах в двадцати от берега. Но берег тоже огораживают — незаконно, естественно (м., 50, Иркутск).

Все это вызывает недовольство и протестные настроения сибиряков, которые все более оформляются в протест против политики федерального центра и приводят к четкой дифференциации и противопоставлению между «Москвой» и Сибирью, «центром» и «регионами». При этом роль местных, региональных властей в большинстве случаев также оценивается негативно, но они не рассматриваются информантами как отдельная, самостоятельная сила, а как состоящие на службе у Москвы либо вынужденные уступать давлению из центра. Термины «Москва» и «москвичи» в данном контексте употребляются информантами как синонимы федеральной власти и столичных коммерческих структур.

Наше исследование показывает, что именно из этого противопоставления часто берет свое начало сибирская идентичность. Нарративы жителей Сибири, полученные в ходе исследования, демонстрируют важность самоидентификации «сибиряк» в контексте осознаваемых различий между европейской Россией, Москвой и «тем, что за Уралом», — азиатской Россией и

Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами в терминах отношений между метрополией и колонией:

Есть Москва и есть вся остальная страна. Но к провинции европейской части России нет отношения как к колонии. Вроде та же нищета, но такого целенаправленного наплевательского отношения и выкачивания ресурсов не видно. А к Сибири есть отношение как к колонии. Это очень чувствуется (м., 44, Иркутск).

Москва дает – лишь бы не потонули, по минимуму, у хозяина свои цели, а хозяин – Москва» (ж., 48, Омск).

Упомянутая выше смена собственников и руководства многих сибирских предприятий на столичных резидентов в результате приводит к изменению стиля управления, которое также часто оценивается крайне негативно:

Приезжает мальчик из Москвы, 25-30 лет, и у него одна задача – отжать денег. Надо хапнуть в течение двух-трех лет, и что потом будет, его не волнует в принципе. Это – колонизаторское отношение в худшем смысле (м., 44, Иркутск).

Потребительское отношение к региону информанты также отмечают в тех случаях, когда, казалось бы, речь идет о развитии и инвестициях в регион. Однако «развитие» это проводится без учета интересов населения, имеет почти исключительно торговую ориентацию, рассчитанную на быстрое получение прибыли, а не на долгосрочное развитие региона:

У нас вот недавно открыли новый торговый центр, московский. Я не знаю, кому он нужен, кто там что будет покупать, люди, которые могут себе позволить там одеваться, одеваются где-нибудь в Лондоне, лучшие бы детских садов еще построили (ж., 25, Омск).

И вот это завод загибался, загибался, и в конце концов умер, а на его месте сейчас построили торговый центр, ну хоть двести человек там работу получили, и то хорошо (м., 40, Иркутск).

Зачастую ощущение несправедливости и несимметричности отношений с «центром» усугубляется видимыми противоречиями, несоответствием между богатством региона, его ресурсами, и сравнительно низким уровнем жизни, относительной депривацией жителей региона, обладающего высоким ресурсным потенциалом:

Так уж природой устроена экономика, что ресурсы у нас, и правильно, что мы их часть отдаем туда, за Урал, но хотя бы часть нам верните, чтобы мы могли тоже жить нормально, с учетом долгой зимы, сурового климата и расстояний... а получается, что регион богатейший, а население бедное (м., 60, Новосибирск).

Например, почему-то у нас бензин дороже – 28 рублей, а в Красноярске – недавно я ездил – 25,40. Хотя у нас тут своя нефть, нефтеперерабатывающий завод в Ангарске, а цены на бензин почему-то всегда выше (м., 50, Иркутск).

Вот Усть-Кут – районный центр, где добывают нефть. Он каждую зиму замерзает. Почему? Да потому что им же продают газ-конденсат, отходы от добычи нефти, слишком дорого для их котельных. Ну, они же видят это все, конечно (ж., 32, Иркутск).

Категоризация социально-экономического и культурного пространства России в терминах «Москва vs. Сибирь» или «центр vs. регион», наряду с осознанием проблем сибирского региона как берущих свое начало в этой дифференциации, приводит информантов к протестной форме самоидентификации «сибиряк», основанной на осознании «колониального» положения Сибири:

Мы здесь в Сибири колонисты, как в Америке (ж., 59, Омск).

И это ощущение «колониальности», несимметричности, несправедливости тем острее, чем ближе к собственному опыту оказываются проявления несимметричных отношений «центр – регионы»:

Вот недавно была в поселке, через них проходит эта труба. По ней куда-то утекает нефть. Нефть утекает на восток, деньги – на запад, а они сидят в полуразрушенной деревне, которая вымирает... при этом у них есть телевизоры, они видят, сколько стоит эта нефть, видят, на каких машинах приезжает начальство, и понимают, что что-то здесь не так... Вообще от таких постоянных напоминаний о твоей вторичности может назреть протест (И., 32, ж., Иркутск).

Ощущение того, что в регионе меньше возможностей, ниже уровень жизни, приводит к тому, что из региона уезжают молодые, образованные, амбициозные люди, утекают квалифицированные кадры:

В последние 12 лет – волна отъезда лучших специалистов из города, во все направления – Москва, Питер, Новосибирск, Екатеринбург – оценки разные, но на десятки тысяч счет идет. А замещение – мигрантами из Казахстана, что сказывается на человеческом потенциале... в последние годы уезжают и врачи, и инженеры, и это вымывает кадровую базу региона (м., 27, Омск).

Отдельным, особенно важным для городов южной Сибири аспектом пространственной и социально-экономической отдаленности региона является его приграничное положение¹¹. Все

¹¹ Это лишь один из многих аспектов влияния приграничного положения городов юга Сибири на социально-экономическое положение региона и осознание жителями важных для региона проблем. Анализ проблематики трансграничных взаимодействий, вытекающих из приграничного положения городов юга Сибири, различные аспекты и последствия этих взаимодействий осуществляется в рамках Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН №146

три города, рассмотренные в исследовании – областные центры, причем каждая из областей имеет в непосредственной близости участок государственной границы России. При этом во многих интервью Сибирь описывается как территория, имеющая две значимые границы: внутреннюю – «неофициальную границу» между центром России и регионами (условной отметкой этой границы на карте, как правило, является Уральский хребет), и внешнюю – официальную границу страны и граничащего государства. Зачастую неофициальная, внутренняя граница оказывается более «барьерной», и менее проницаемой (покидая ее, люди обратно в Сибирь жить уже не возвращаются), чем граница внешняя.

В этом контексте, учитывая направление и характер оттока населения из Сибири, положение, в котором оказывается регион, можно охарактеризовать как ситуацию «двойной асимметрии». С одной стороны, асимметрия наблюдается в направлении мобильности через внутреннюю границу. Сильное осознаваемое социально-экономическое неравенство между регионом и «центром» и не самая привлекательная позиция Сибири в существующей системе неравенств приводят к тому, что образованная и квалифицированная молодежь зачастую в Сибири жить не хочет:

– Город у нас с потенциалом, но почему-то не хотят власти его реализовывать. У меня в последнее время очень много друзей очень близких просто уехали – кто-то в Москву, кто-то за границу, кто-то замуж, кто-то учиться.

– То есть это среди молодежи распространено?

– Ну как... Есть прослойка молодежи, у которой, грубо говоря, есть мозг. И они... ну, человек сидит – а что я тут буду делать? Лучшие получу стипендию, поучусь в магистратуре в Вене и там зацеплюсь».

– А у самой как с планами?

– Ну как – английский учу, французский учу...» (ж., 23, Иркутск).

С другой стороны, асимметричной оказывается и мобильность через внешнюю границу. Справедливости ради следует отметить, что молодежь едет не только из Сибири, но и в Сибирь (к примеру, в последние годы наблюдается постепенный рост численности иностранных студентов, приезжающих получать образование в сибирские вузы). Города юга Сибири (Новосибирск, Омск, Томск, Иркутск, Красноярск) оказываются привлекательным для иностранных студентов местом получения высшего образования (подавляющее большинство «иностранцев» пока приезжает из бывших союзных республик, но спрос на российское высшее образование остается стабильным и достаточно высоким).

Однако студенты, приехавшие в Сибирь за качественным образованием из приграничных государств, зачастую едут домой вскоре после получения диплома, поскольку полученный уровень образования позволяет иметь намного больше ресурсов и возможностей в своей стране, чем в Сибири¹².

Особенно рельефно эта ситуация проявляется в Омской области, граничащей с Казахстаном – страной, где в последние годы идет стремительное экономическое развитие и построение национального государства:

– Многие нашей национальности сейчас здесь (в Омске. – О. Е.) заканчивают свое обучение, и едут туда... там все условия для нашей национальности, если отказываться от российского гражданства, то дают подъемные, жилье и т.д. Очень много людей знаю, кто так уехал. Ребята, например, из деревень приезжают, получают здесь образование, помыкаются – сразу же начальником никто не возьмет. И едут туда. Хотя я

¹² Это накладывает отпечаток и на межэтнические отношения. Как показывают собранные данные, с одной стороны – многонациональный состав и этническое разнообразие в Сибири как «естественный фон» живущих здесь людей способствует более высокому уровню этнической толерантности. С другой стороны – описанные асимметрии способствуют росту напряженности межэтнических отношений, прежде всего, из-за «экономической конкуренции» (мигранты занимают рабочие места, так как готовы работать за меньшие деньги, а потом «подтягивают своих»), а также по ряду других причин.

считаю, что это неправильно – получить образование здесь, на бюджете, государство за тебя платит, а получать потом там. – И что, много возможностей в Казахстане?
– Да, очень. Если ты знаешь язык – они там ввели какой-то экзамен... Так у нас вот все знакомые кто так уехал, очень хорошие должности сейчас занимают (Н., 32, Омск).

Таким образом, пространственная отдаленность региона и социально-экономическое неравенство между регионами, а также приграничное положение городов юга Сибири приводят к тому, что образованная молодежь из Сибири «утекает» как через внутреннюю, так и через внешнюю границу.

В интервью информантов старшего поколения звучит сравнение Сибири советских времен и современной, при этом советские времена вспоминаются как годы развития и процветания Сибири, как «золотой век», когда Сибирь занимала достойное место в экономике страны, а сибиряки чувствовали заботу руководства страны, как все советские люди.

Советская эпоха была золотым веком по части культуры, науки, образования, а сейчас провал полнейший, и полный цинизм власти – лгут, лгут, лгут (м., 55, Омск)

В советское время, мы, как говорится, «были всем», у нас же были в основном оборонные заводы, и самолетостроение... к нам космонавты из Звездного приезжали, а сейчас у нас же ничего не осталось (ж., 59, Омск).

При этом, по мнению информантов, жизнь в европейской части СССР и в Сибири в те времена не отличалась от «остальной России» в части патерналистских установок центральной власти. Везде была «забота о простом человеке».

Я вот вспоминаю, я детство провела в маленьком городке Тульской области. У нас школа была прекрасная, кабинеты были оборудованы всем, и кабинет физики, и химии... А потом, уже в Иркутске, когда я ушла в декрет и родила двух детей подряд, я

такое получала пособие на детей – это были огромные деньги (ж., 47, Иркутск).

Во многих текстах интервью рефреном проходит противопоставление между патернализмом советского государства, единым для всей страны, и сегодняшними реалиями рыночной экономики в колонии. Из этого противопоставления вырастает ощущение «отдельности» сегодняшней Сибири от центра страны, сегодня сибиряки не видят заботы центра о своем благосостоянии, а видят лишь эксплуатацию своей земли и недр. Это мешает им ощущать себя равноправной частью единой страны, рождает чувства ущемленности, отделенности и отдаленности, из которого вырастает протестная идентичность сибиряков.

Если Сибирь рассматривается как кладовка Москвы, а сибиряки как люди второго сорта, то идет объединение через негативную идентификацию (м., 60, историк, Иркутск).

Если Сибирь долгое время оставлять на положении колонии — когда мы отдаем все, а получаем по остаточному принципу — протестные настроения могут превалировать (м., 60, экономист, Новосибирск).

Именно в контексте этой дифференциации обсуждается идея сибирской нации как одного из вариантов институционализации сибирской идентичности. Представление формирования сибирской идентичности как логической цепочки «осознание проблем региона – ощущение несправедливости и колониальности – недовольство и стремление сигнализировать о них центру – сибирская национальная идентичность как способ коммуникации с властью» в большей степени, хотя не исключительно, характерно для нарративов людей с высоким уровнем образования и рефлексии, с активной гражданской позицией – гуманитарной интеллигенции, журналистов, предпринимателей, блогеров.

В таких интервью обозначаются критерии выделения общности «сибиряки», которые перекликаются с двумя типами обоснования сибирской нации, упомянутыми во вводной части статьи («собственно национальные» и политические). Так, к примеру,

особенности менталитета, языка, характера, по мнению информантов, вполне могут выступать в качестве оснований для выделения общности «сибиряков», больше, чем просто территориальной или региональной:

Сибиряк – нормальная дефиниция, она не подразумевает дробления русского народа, но ввиду того, что есть отличия в говоре, есть явное отличие в менталитете, не принципиальное, но оно есть. Значит, определенная общность существует. Раз существует, значит, она должна как-то называться. «Сибиряк» – это название для нее логичное, не нами придуманное, и отрицать его не имеет смысла (м., 40, журналист, Иркутск).

Национальность формируется на основе общих стандартов поведения. В США и итальянцы, и ирландцы – члены американской нации, хотя совсем разные культуры, но общие стандарты поведения. Так же у сибиряков – у них стандарты поведения связаны с суровым климатом – более устойчивые к трудностям и более дружные (м., 27, Омск).

В связи с этим также отмечается наличие у сибиряков общей культуры (в широком смысле слова), истории, которая в настоящее время забывается, и важной целью проекта «Национальность – сибиряк» является изучение, вспоминание и «напоминание» сибирякам об истории их малой родины:

Сейчас в школах дети как изучают историю – знают все про Рим, про Карфаген, но о Сибири не знают ничего – не говоря уже о том, как флаг Сибири выглядит. Люди не знают истории своего родного края – сибирские песни, сибирский говор... (м., 33, Новосибирск).

Кроме культурных и «ментальных» характеристик, объединяющих сибиряков, в интервью в том или ином виде встречается понимание сибирской общности как новой политической солидарности, основанной на осознании жителями территории своих прав на своей земле.

Национальность «сибиряк» – я чувствую обоснованность этого... как социолог, я вижу, что это то, что людям нужно сейчас, это может стать новой солидарностью, важной частью самосознания. Эта земля – это не просто вода или углеводороды. Это не просто территория – это еще и история этой земли, это люди. Я сибиряк – я это чувствую. Это ощущение. Это чувство, что эта земля ценна... Свои права растут из своей земли. Если мы, сибиряки, существуем, то существует и наша земля. Не как ресурс – в литрах воды и кубометрах газа, а как земля со своей историей и культурой. Это сигнал... (ж., 32, Иркутск).

В связи с этим иногда встречаются последовательные рассуждения о том, как формирование политической нации сибиряков может способствовать более эффективной реализации интересов населения региона, без каких-либо сепаратистских намерений:

Я категорически не согласен с областниками, отделение никаких проблем не решит. У нас жуткая централизация, решения принимаются наверху, если мы что-то и думаем, это никого не интересует, как будто люди наверху работают, а мы им мешаем. Эту проблему не решить, если не менять структуру, логику управления... Здесь как раз выход – политическая нация, народ, который живет на этой земле и хочет дальше на ней жить, поддерживая ее в человеческом состоянии, и готов предпринять что-то ради этого (м., 33, Новосибирск).

Но чаще все же подчеркивается скорее «вынужденный» характер такой солидарности:

От хорошей жизни не будешь создавать проекты политической нации... Это же как простого человека нужно достать, чтобы он с утра просыпался и думал о том, что он – сибиряк (м., 60, историк, Иркутск).

Таким образом, проект «Национальность – сибиряк», по мнению многих наших информантов, стал откликом на ощущение несправедливости и дисбаланса, а не собственно «национальным проектом» (не имеет целью признания сибиряков как отдельной национальности); скорее, судя по проведенным интервью, можно сказать, что идея о том, что «сибиряк – это национальность», широкой поддержки жителей региона пока не находит:

Но пока (сибиряк) это не национальность. Национальностью она может стать «от голода». Если закончится позитивный проект, а федеральный центр не предложит позитивного проекта (м., 40, Иркутск).

Скорее, проект «Национальность – сибиряк» становится формой политического высказывания, способом обратиться к центру, каналом коммуникации с центром, по которому люди надеются быть услышанными, обратить внимание на проблемы региона, призвать власти к диалогу и сотрудничеству по поводу их решения:

«Национальность – сибиряк» приветствую. Хоть так сигнал подать (м., 44, Иркутск).

Мы хотим, чтобы нас услышали. Мы не хотим никакого развала, мы хотим, чтобы услышали: мы есть, мы существуем, и у нас есть свои интересы (ж., 32, Иркутск).

Констатация и подчеркивание отличий между «мы» и «они», подспудное или открытое причисление себя к общности сибиряков, отличающейся по ряду признаков (характер, интересы, условия жизни) от других общностей, звучит практически в каждом интервью. Однако не у всех оно перерастает в открытую и осознанную протестность, еще реже эта протестность становится основой для активных и солидарных действий.

2.2. Региональные особенности восприятия социально-экономических проблем и гражданская активность

Важным для формирования регионально специфических версий сибирской идентичности является осознание актуальных (прежде всего, социально-экономических и экологических) проблем региона и участие сибиряков в решении проблем региона в том или ином виде.

Осознание проблем региона «включается» в производство сибирской идентичности, во всяком случае, ее политической составляющей, не «автоматически», а в связке с деятельностью/активностью в направлении их решения. Именно здесь – во взаимосвязи регионального самосознания и гражданской активности – и видны наиболее яркие различия между рассматриваемыми городами.

Набор проблем, актуальных для региона в целом, в восприятии жителей Омска, Иркутска, Новосибирска во многом совпадает. Так, ключевыми являются плохая экология, неразвитая инфраструктура, кризис промышленности, безработица и отсутствие возможностей для развития (особенно для молодежи), демографическая ситуация, миграция и отток квалифицированных кадров из региона, и т. д. При этом для разных регионов острота и уровень осознания различных проблем разные, и, что особенно важно, есть существенные различия в традициях и способах решения проблем в регионе, в том числе силами самих жителей.

Собранный материал позволяет предположить, что в настоящее время наблюдается рассогласование между региональным самосознанием (основанным на ощущении несправедливости, которое зачастую сопровождается желанием и готовностью делать что-то для изменения неблагоприятного положения дел в регионе) и собственно гражданской активностью, в которой могли бы выражаться и реализовываться оформляющиеся региональные интересы («мы, сибиряки, объединяемся для решения общих проблем»). Жители осознают многие проблемы региона, проявляют высокий градус критичности, говоря о проблемах региона и причинах их появления и воспроизводства, но в большинстве своем весьма неохотно включаются в мероприятия по публичному

выражению и тем более совместному решению общих проблем, не только регионально специфических, но и «базовых»:

А людям ничего не надо. И это начинается с основы. Батареи не греют, холодно – давайте разберемся, за что мы тогда платим деньги. А, да, ты собирай, а я сейчас занят... Даже когда их просто грабят управляющие компании – ничего не делают. Давайте, говорю, сделаем кондоминиум и вместо шести тысяч будем платить две. А они – «я-то вроде и хочу, но делать ничего не буду». Какой уж тут протест... (В., 44, м., Иркутск).

Причинами такого рассогласования являются как факторы регионального уровня, так и низкий уровень доверия и оптимизма по поводу возможных позитивных эффектов от гражданской активности и коллективных действий в России в целом.

Солидарность и совместное участие жителей сибирских городов в решении общих проблем происходит в том случае, когда ситуация касается жизненных интересов жителей региона, города или сообщества в буквальном смысле этого слова.

Этот пример, про детей, он такой яркий – выйти и потребовать того, на что народ имеет право. Когда народ в минус тридцать вышел тысячами. И сработало же! У нас народ терпит, терпит, но иногда прорывается... когда вопрос животрепещущий. В общем, внимательнее надо к Сибири относиться, есть тут человеческие скрытые ресурсы¹³ (Н., 38, ж., Новосибирск).

¹³ Имеется в виду история спонтанного подъема гражданской активности в Новосибирске после того, как маленький ребенок жительницы Новосибирского академгородка погиб ввиду несвоевременного оказания ему срочной медицинской помощи. Ближайшие больницы, действуя согласно инструкции Минздрава, отказались госпитализировать его в тяжелом состоянии. После этого тысячи людей вышли на улицы с требованиями изменить ситуацию с детским здравоохранением в городе. В результате активности жителей была создана общественная организация «Здравоохранение – детям», благодаря деятельности которой было восстановлено детское отделение в отдаленном районе города – Академгородке, закуплены реанимобили с

Кроме «жизненности» проблемы для большинства людей, живущих в городе или сообществе, во многом успех гражданской активности и солидарности определяется умением договариваться и объединяться, а также наличием в городе позитивного примера решения проблем силами горожан и гражданских активистов.

Города, в которых проводилось исследование, представляют собой контрастно различающиеся в этом отношении контексты. Наши интервью демонстрируют, что в Омске наименее выражены проявления сибирской идентичности в целом, и особенно в части преобразования регионального самосознания в деятельность по совместному решению проблем региона. Невысокая активность населения часто объясняется неэффективностью гражданской активности, недоступностью власти, отсутствием диалога между горожанами и властью:

Да что тут сделаешь, ничего не сделаешь. Простой человек-то что может? Ничего не может (В., 45, ж., Омск).

Не в людях у нас проблема, а в том, что людей не слышат. Делай что-то, не делай, все равно местные власти закрыты, запросы не доходят, и ничего не решается (Э., 19, ж., Омск).

Кроме того, утрата символического статуса города и недостаток локальных «консолидирующих ценностей» (как было показано ранее), а также сравнительно низкий уровень жизни, интенсивные миграционные процессы (в том числе отток квалифицированных кадров, молодежи), наряду с приграничным положением города, не способствуют устойчивости региональной идентичности, а, напротив, вносят вклад в усиление отъездных настроений. Можно сказать, что для омичей (особенно для молодежи) распространенным способом «решения» региональных проблем является отъезд из региона:

Да все уезжают. Мои школьные друзья – они все поуезжали в Москву, в Новосибирск, еще куда-то. Омск у нас умами богат,

оборудованием для детской реанимации, отремонтирована детская больница скорой помощи.

но люди с умами и уезжают отсюда, за возможностями, здесь нечего делать... И для меня здесь нет возможности устроиться, например, в международную корпорацию, нет интересной работы.... Я хочу уехать отсюда и уеду (Э., 19, ж., Омск).

В Новосибирске есть позитивные примеры решения местных проблем силами жителей города, и касаются они, прежде всего, «жизненно важных» проблем (как, например, в приведенном выше примере детской медицины и детского здоровья). В этом смысле граждане поверили в свои силы и продолжают проявлять активность и добиваться реализации своих прав и интересов, но к сибирской идентичности как таковой это не имеет прямого отношения: объединяются не «сибиряки», а родители и все, кому небезразлична судьба детей.

В том же случае, когда речь идет об интересах, не являющихся «жизненно важными», люди неохотно включаются в деятельность по их реализации, как из-за неверия в возможность изменений, так и от отсутствия внятных программ и разделяемых целей совместных действий. Иными словами, сибирская идентичность как таковая пока не обладает достаточными консолидирующими свойствами для того, чтобы объединять жителей региона или хотя бы города для совместных действий по улучшению жизни в регионе. Солидаризация на основе сибирской идентичности происходит в узких группах гражданских и политических активистов, которые в своей деятельности сталкиваются с проблемами региона и испытывают связанное с ними сопротивление. Такая солидарность зачастую принимает культурно-протестную или политическую форму. Сибирская идентичность как фундамент совместной активности реализуется в таком случае не через активность граждан, но как действия небольшой группы единомышленников, обращающихся к сибирякам и к «центру» через культурные и политические проекты (фильмы о проблемах региона, учреждение организации «Сибирская национально-культурная автономия»¹⁴, известный в России проект «Монстрация» и т. д.).

¹⁴ Подробнее об этом см.: <http://globalsib.com/13898/>.

Ярким примером такой мобилизации оказалась история с фильмом «Нефть в обмен на ничего», снятым небольшой группой активистов и привлекающим внимание как сибиряков, так и центральной власти к специфически сибирским проблемам и к необходимости их совместного решения¹⁵.

Важную роль в объединении жителей Сибири вокруг решения специфически сибирских проблем играет не только активизм как таковой, в каком бы формате он ни происходил, но и его эффективность, не только мобилизация и совместная активность, но и результаты этой активности, достижение поставленных целей или решение проблемы, давшей старт коллективной мобилизации. Отсутствие результата или негативный результат снижает уровень консолидации интересов:

Сначала все очень воодушевились, кто-то говорил, что миллион человек сибиряками записались. Ну, миллион не миллион, но десятки тысяч точно. А когда опубликовали результаты переписи, оказалось... В общем, все, конечно, расстроились очень, энтузиазма поубавилось (А., 33, м., Новосибирск).

В том же случае, когда осознание общих проблем сопровождается опытом совместных коллективных действий (особенно если эти действия были успешными и гражданам удалось совместно отстоять свои интересы), это способствует формированию сибирской идентичности как политического проекта. Ярким примером того, как это происходит, является Иркутск с его историей экологических движений и гражданских эффективных протестов:

В 2006 году у нас были массовые митинги в защиту Байкала, и многие говорят, что для них это было поворотным моментом, когда они поняли, что хотят что-то делать и что это может быть успешным... Это была мощная кампания, которая затронула не только экологическую проблему, но и права живущих здесь людей... Отсюда начинается понятие «сибиряк»

¹⁵ Подробнее о проекте и об общественном резонансе, который он вызвал, см. сайт фильма: <http://oil-for-nothing.ru>.

как основа солидарности. Мы живем на Байкале и поэтому мы – сибиряки (И., 32, ж., Иркутск).

Результаты исследования позволяют сделать общий вывод о том, что сибирская идентичность складывается вследствие взаимодействия жителей региона с территорией, и деятельности в особенных условиях жизни: территориальных, пространственных, климатических, социально-экономических, культурных и т. д. Сибирская идентичность актуализируется как территориальная, культурная, этническая, политическая. Проект «национальность – сибиряк» является не столько проектом по созданию новой национальности, сколько формой политического высказывания, способом обращения жителей региона к центральным властям для привлечения внимания к проблемам региона, призывом к совместным действиям по решению специфических региональных проблем.

Наряду с общими чертами сибирской идентичности выявлены и региональные особенности, связанные, прежде всего, с оценкой жителями символического статуса города, спецификой городских и региональных проблем, их осознанием и традициями участия жителей в решении актуальных проблем города и региона.

В целом исследование показало, что, несмотря на существенные межрегиональные различия, в последнее время в Сибири наблюдается рост регионального самосознания и развиваются различные формы актуализации сибирской идентичности в культурном, политическом, гражданском и других измерениях, спектр которых, вероятно, будет в дальнейшем только расширяться.

3. Контексты актуализации сибирской идентичности

Идентичность как «отражение» способа и характера включенности индивида в разные сферы жизни в Сибири и за ее пределами актуализируется в ситуациях взаимодействия с «другим»: тогда, когда «сибирскость» становится особенно значимой, проявляется как отличие, прочитывается и другими и самими сибиряками как набор «характерных особенностей», и т. д.

Отчасти это было показано выше, кратко обобщим в этом разделе те контексты, которые, как показывают собранные интервью, актуализируют сибирскую идентичность и «запускают» процесс осознания отличия и рефлексии о содержании и особенностях сибирской идентичности, можно отнести следующие:

- Путешествия – в другие регионы России и за границу и общение с не-сибиряками, а также встреча и взаимодействие с «другими» (не-сибиряками) на своей территории.

Ситуация, когда в поездках приходится отвечать на вопрос «откуда ты?», является наиболее очевидной ситуацией «призыва» региональной или территориальной идентичности. При этом «я сибиряк» или «я из Сибири» как отклик на этот призыв может наполняться разным содержанием. Один из вариантов – обозначенная ранее тема гордости за свою малую родину:

В советское время я в поездках всегда говорила, что я сибирячка. Тогда это давало зеленую улицу – сибиряков уважали! (Г., 59, ж., Омск).

Другой вариант – использование узнаваемого маркера, поскольку названия сибирских городов зачастую оказываются неизвестными, в особенности для иностранцев:

– Ты откуда?
– Из Иркутска
недоумение
– Ну, из Сибири, рядом с Байкалом.
– А, понятно (В., 44, м., Иркутск).

Говорю, что я из Омска, Омск не знают, поэтому говорю, что из Сибири – Сибирь уже узнают (Н., 26, ж., Омск).

Представления других о Сибири, правда, часто оказываются стереотипичными и очень обобщенными:

– Они считают, что у нас медведи по улицам ходят.
– Кто, иностранцы?
– Да нет, и наши тоже (В., 45, м., Омск).

Третий вариант – в некотором смысле противоположный предыдущему, используемый, как правило, при общении с иностранцами. Если обобщенный маркер «сибиряк» (вместо более локальных и менее известных «киркутянин» или «омич») используется для того, чтобы собеседник узнал место, то здесь идет, наоборот, конкретизация и уход от более общего маркера – «русский» / из России, чтобы подчеркнуть, что это не Москва и Петербург, которые представляются «по умолчанию».

Основанием для осознания особенностей сибиряков может быть также опыт достаточно длительного проживания – своего или родственников – в других городах России:

Моя сестра живет в Волгограде, я там была – была возможность сравнения: они южане, они расслабленные, они не так любят работать, более спокойные, у них больше в ценностях семья, здоровье... Вообще люди в европейской части России – за Уралом – по-другому ко многим вещам относятся... Омичи более замкнутые, закрытые. Менее эмоциональные (О., 20, ж., Омск).

- Спорт (болельщики, поддерживающие «своих» – сибиряков, и осознающие особое, сибирское единство).

В нескольких интервью (в Новосибирске и в Омске – в городах с сильными клубными спортивными командами (волейбольными, хоккейными)) в качестве особенного источника ощущения себя сибиряком называется посещение спортивных мероприятий, в меньшей степени – просмотр спортивных состязаний по телевидению:

Я чувствую себя сибиряком, когда болею, например, за новосибирский волейбольный клуб «Локомотив» (А., 41, м., Новосибирск).

- Природа (важность природы как таковой для сибиряков и для «сибирского образа жизни», уважительное, «не потребительское» отношение к природе как особенность сибиряка).

И когда я в городок теперь приезжаю, то меня больше всего огорчает, что вырубili лес, поставили там эти домики, что засоряют пляж этими пакетами. Хотя, казалось бы, что у нас природы этой до черта. Но тем не менее...

Когда в Нижнем Новгороде сижу в парке на лавочке, а мимо идут местные и бросают мусор в траву, хотя урна рядом, я ощущаю себя сильно другим (Е., 29, м., Новосибирск).

- Осознание социальных, экономических, экологических, культурных, политических проблем жизни Сибири в целом или своего региона-города, в особенности осознание социально-экономического неравенства между «центром» и сибирским регионом. Это осознание может происходить разными путями:

- через столкновение с проявлениями «колониальности» в повседневной жизни (превращение «местных» предприятий в «московские», плохие дороги, экологические проблемы и т. д.);

- в профессиональной деятельности (в рабочих ситуациях, в исследовательской и научной деятельности, в учебной аудитории и учебных курсах и т. д.);

- через участие в политических, экологических и т. д. акциях и движениях (включая перепись). В том числе, таким способом может формироваться «политическая» идентичность сибиряка (превращение «жителя Сибири» в «активиста сибирского движения»), например, с последующим осознанием, объяснением сибирской идентичности в научных и политических категориях).

Как показано ранее, анализ самоидентификации «сибиряк» важен в контексте осознаваемой дифференциации между европейской Россией, Москвой и «тем, что за Уралом» – азиатской Россией и Сибирью. Именно в контексте этой дифференциации обсуждается идея сибирской нации как одного из вариантов институционализации сибирской идентичности.

Таким образом, сибирская идентичность актуализируется в ситуациях встречи или столкновения с «другими» – в контекстах, когда отличия или особенности сибиряков становятся очевидными, значимыми. Как показал анализ интервью, сибирская идентичность актуализируется в двух формах: социально-психологической, проявляющейся как осознание отличия, особенности, культурной

специфичности сибиряков, узнаваемых черт сибирского характера; и политической – выражающейся через осознание социально-экономических проблем сибирского региона, их природы и источников, и имеющей результатом протестные настроения и солидарные действия на ее основе.

В то же время, исследование показывает, что в настоящее время нет согласованности между самосознанием (сибирской идентичностью) и готовностью сибиряков к солидарным действиям на ее основе, гражданской активностью, которая могла бы стать выражением и способом реализации оформляющихся региональных интересов.

ДИСКУССИЯ И ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Сибирская идентичность – сложный, многоуровневый феномен, возникновение, развитие и вариативность проявлений которого объясняется взаимодействием различных факторов макро- и микроуровня. Для комплексного понимания содержания и логики формирования сибирской идентичности необходимо разносторонне анализировать пути ее становления в историческом, пространственном (территориальном), культурном, биографическом, политическом, идеологическом (дискурсивном) аспектах. Такой подход к анализу собранных данных позволил сделать следующие основные выводы.

1. Формированию сибирской идентичности способствуют предпосылки, которые можно условно разделить на две группы: предпосылки макроуровня и предпосылки микроуровня. Ключевыми предпосылками формирования сибирской идентичности на макроуровне являются природа и климат, географическое положение и удаленность от центра России, экономическое положение, инфраструктура, место и роль Сибири в экономике России. Сибирская идентичность в территориально-пространственной проекции формируется, с одной стороны, как композиция красоты природы и особенного ощущения близости к ней, становления через преодоление сложных условий жизни, освобождающего ощущения больших просторов. С другой стороны, важным для формирования и актуализации сибирской идентичности является чувство и опыт отдаленности жизни в Сибири вследствие больших расстояний, а также ощущение существенного масштаба социально-экономического неравенства, как в сравнении с другими регионами России, так и при сопоставлении условий жизни в разных частях Сибири.

На микроуровне (биографическом) ключевыми предпосылками формирования сибирской идентичности являются история семьи, этническое происхождение, символический статус места рождения и проживания, личная мобильность индивида, его включенность в различные виды деятельности на территории. Показано, что давность и обстоятельства переселения предков информантов в

Сибирь не играют решающей роли в осознании себя сибиряком, в то время как мультиэтническое происхождение, высокая степень личной мобильности и включенности в деятельность на территории способствуют формированию сибирской идентичности. Этому также способствует высокая оценка индивидом символического статуса места его рождения или проживания.

2. Сибирская идентичность имеет деятельностную природу: сибиряками не рождаются, а становятся. Этому способствуют взаимодействие со средой обитания, включающее в себя ее преобразование, преодоление трудностей, деятельность на территории (профессиональную, социальную, культурную, политическую). Что такое «сибиряк», для каждого человека во многом определяется способом взаимодействия с территорией и социально-экономическими условиями жизни на этой территории.

С одной стороны, конфигурация микро- и макропредпосылок в каждой жизненной траектории может быть уникальной. С другой стороны, сходство социально-экономических и природно-климатических условий жизни, а также общность интересов и деятельность по их реализации, часто создает ощущение либо ясно осознаваемой общности, либо, по крайней мере, сходства менталитета и ценностей, и «контекстуальное» ощущение большей близости с жителями Сибири, чем с людьми, проживающими в других регионах России.

В целом идентичность как «отражение» способа и характера включенности индивида в разные сферы жизни в Сибири и за ее пределами актуализируется в ситуациях взаимодействия с «другим»: тогда, когда «сибирскость» становится особенно значимой, проявляется как отличие, прочитывается другими как набор «характерных особенностей», и т.д. Примерами контекстов актуализации сибирской идентичности (встреч с «другим», актуализирующих осознание особенностей «своего») могут служить путешествия, спортивные состязания, профессиональная деятельность, гражданская активность и т. д.

3. Сибирская идентичность неоднородна и многогранна, может затрагивать разные аспекты самосознания индивида. Также сибирская идентичность может лежать в основе разных солидарностей: от решения вопроса этнической идентичности для выходцев из многонациональных семей (в этом случае она

представляет собой «зонтичную» идентичность, в определенном смысле «заменяющую» национальную, т. е. позволяющую не делать выбор из множества этничностей, присутствующих в семейной истории, в пользу какой-то одной) до основы формирования новой политической нации (именно в этом качестве она рассматривается в связи с проектом «национальность – сибиряк»).

Кроме того, она может отражать осознание культурного своеобразия региона, его социально-экономических и экологических проблем, а также его символического статуса в ряду других значимых локальностей.

4. «Сибирский характер» – комплексное понятие, существующее в сознании информантов как в качестве набора стереотипов и «самоописывающих мифов», так и в качестве набора характеристик, позволяющих отличить себя («своих») от других, выразить эти отличия и провести границы по важным для информанта основаниям.

В собранных интервью можно проследить два объяснительных механизма, которые используют информанты при описании и интерпретации «сибирского характера». С одной стороны, в интервью присутствуют объяснительные модели, основанные на предположении о том, что природно-климатические и социальные условия жизни приводят к формированию «сибирского характера» как некоей консистентной совокупности качеств, многие из которых имеют историческую обусловленность и пришли к нам из глубины веков.

В результате полученный в рамках исследования собирательный образ «сибирского характера» демонстрирует некоторую амбивалентность, при этом содержит в основном положительные черты, и представляет собой комбинацию территориально, климатически, исторически и деятельностно детерминированных компонентов. Анализ интервью свидетельствует о том, что в представлениях информантов черты сибирского характера не возникают «сами по себе», а формируются через деятельность: умение жить в суровом климате, взаимодействие с окружающей средой и с другими людьми и культурами на общей территории.

С другой стороны, кристаллизация черт «сибирского характера» в сознании информантов часто происходит путем их сравнения/противопоставления с чертами характера различных

категорий «других», как правило, людей, с которыми информанту или его близким доводилось встречаться лично в различных ситуациях повседневного общения. Сочетание информантами обоих механизмов при интерпретации «сибирского характера» может приводить к некоторой противоречивости его компонентов.

5. Важную роль в формировании сибирской идентичности играет протестная составляющая, связанная с осознанием специфических проблем региона и несправедливости существующего положения вещей. Проведенное исследование показало, что сибирская идентичность как протестная формируется, с одной стороны, как реакция на ощущение отдаленности, отдельности, «оторванности» (инфраструктурной, культурной, экономической) Сибири от центра, с другой стороны – как форма выражения небезразличия жителей к своему родному краю и его проблемам, желания достойной жизни для людей, живущих в Сибири.

Идеи признания сибиряков как отдельной национальности пока скорее являются маргинальными и представляют собой интеллектуальный и идеологический проект, а не знак растущего «национального самосознания» сибиряков. «Национальность – сибиряк» – проект, который в сознании большинства опрошенных нами жителей сибирских городов не несет в себе собственно национальной идеи. «Я – сибиряк» – это обращение к «центру», сообщение, которое передают «простые люди», пытаясь обратить внимание центра на нужды и проблемы жителей Сибирского региона.

Практически во всех проведенных интервью был обозначен сходный набор социально-экономических проблем, характерных для сибирского региона. Отсутствие перспектив занятости, прежде всего для молодежи, ведет к оттоку молодежи из региона. Другой проблемой, названной информантами, является несимметричность и слабая урегулированность миграционных потоков (в регион и из региона). Кроме того, неразвитость инфраструктуры, в особенности транспортной сети и объектов социально-культурного назначения, а также экологические проблемы (загрязнение окружающей среды, бесконтрольная вырубка лесов и т. д.) часто упоминаются как специфически актуальные для сибирского региона.

Говоря о причинах и происхождении этих проблем, многие информанты высказывали мнение, что они вызваны, прежде всего, несимметричными экономическими отношениями между федеральным центром и сибирским регионом, планированием программ его освоения, ориентирующихся, прежде всего, на соображения сиюминутной экономической выгоды, без учета интересов населения региона.

Информанты старшего возраста вспоминают, что в советское время Сибири уделялось большое внимание со стороны центральной власти страны, реализовывались проекты развития Сибири, ориентированные на долгосрочную перспективу и вложения в регион. Во многих интервью звучат надежды на восстановление более сбалансированных отношений между «центром» и Сибирью, на то, что проекты по освоению Сибири, обсуждаемые и инициируемые в последнее время, будут учитывать интересы жителей региона и способствовать улучшению жизни сибиряков.

С одной стороны, ощущение отдаленности Сибири, несимметричности отношений с «центром» и отсутствия перспектив приводит к оттоку населения (прежде всего – образованного, квалифицированного, молодого) из региона. С другой стороны, наблюдается рост регионального самосознания и развитие различных форм актуализации и мобилизации коллективных интересов, формирование навыков гражданской активности, которые позволяют гражданам объединяться вокруг общих проблем, и сообща решать эти проблемы, объединяя собственные силы и ресурсы. Проект «Национальность – сибиряк» вызывает у сибиряков одобрение и поддержку именно как способ привлечения внимания центра к проблемам региона и интересам его жителей, как возможность призвать к диалогу, объединению усилий, совместным действиям по улучшению качества и повышению уровня жизни в сибирском регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов С., Розанова М. Идентичности в эпоху глобальных миграций. – СПб.: ДЕАН, 2010. – 272 с.
2. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
4. Брубейкер Дж., Купер Ф. За пределами идентичности // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 61–115.
5. Жигунова М. Этносоциология русских Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири : темат. сб. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т философии и права. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 1998. – С. 191–195.
6. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство: Монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. – 472 с.
7. Маклюэн М. Понимая медиа: внешние расширения человека / Центр фундаментальной социологии; Пер. с англ. В. Г. Николаева; Закл. ст. М. К. Вавилова. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, 2003.
8. Мосиенко Н. Социально-территориальная структура пространства городской агломерации / Под ред. Е.Е. Горяченко; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2010. – 163 с.
9. Сверкунова Н. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. – СПб., 2002.
10. Сверкунова Н. Феномен сибиряка // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 90–94.
11. Смирнова Т.Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Омск, 2009. – 46 с.
12. Смирнова Т.Б. Этнический состав немцев Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 325, август. – С. 86–87.
13. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–101.
14. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimension of Globalization. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1996.

15. Appadurai A. The Production of Locality // Richard Fardon (ed.): Counterworks. Managing the Diversity of Knowledge. – London: Routledge, 1995. – P. 204–225.

16. Jenkins R. Social Identity. Third Edition. – Routledge, 2008.

Материалы блогов, сайтов, СМИ

1. Антипин В. Гражданин Сибири. Почему русские за Уралом больше не хотят быть русскими // «Русский репортер», 22 февраля 2011, №07 (185). Режим доступа: [http://www.rusrep.ru/article/2011/02/22/sibir].

2. Верхотуров Д. Что такое сибирская нация? Аудиозапись лекции 13.10.2011 // Режим доступа: [http://schriftsteller.livejournal.com/632355.html].

3. Герасименко О. Как колонией была, так и останется // «Коммерсант», №15(969) от 16.04.2012. Режим доступа: [http://www.kommersant.ru/doc/1907724].

4. Гражданин с региональным оттенком // Эксперт-Сибирь. – № 1 (316). 26 дек. 2011. Режим доступа: [http://expert.ru/siberia/2012/01/grazhdanin-s-regionalnyim-ottenkom/].

5. Два взгляда на развитие Сибири (Чего хотят сибиряки и чего Дерипаска) // Публикация с сайта «Экодело» (Март, 2011). Режим доступа: [http://ecodelo.org/node/2909?page=8].

6. Жигунова М. Разные, но вместе // Эксперт-Сибирь. – № 50. 19-25.12.2011. – С. 11–13.

7. Колония Сибирь: от редакции // Режим доступа: [http://rusrep.ru/article/2011/02/22/ot_redakcii].

8. Михайлов В. Все мы немного сибиряки // Эксперт-Сибирь. – № 50. – 19-25.12.2011. – С. 14–17.

9. «Сибиряков» в России за восемь лет стало почти в 412 раз больше // Материал сайта Tayga.info (20 декабря 2012 г.). Режим доступа: [http://ww.tayga.info/news/2011/12/20/~106368].

10. Фокус-опрос о возможности и необходимости появления новой национальности «сибиряк» // Материал с сайта переписи населения РФ от 11.04.2011. Режим доступа: [http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6390].

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность всем коллегам и друзьям, которые помогли нам в организации и реализации исследования, в проведении полевых работ, а также в обсуждении результатов, выводов исследования и в доработке окончательной версии текста.

Прежде всего, благодарим сотрудников фонда Фридриха Эберта Светлану Михайлову и Константина Пономарева за возможность провести исследование и представить его результаты.

Также выражаем благодарность всем, кто помог нам в организации и проведении полевого этапа исследования:

в Омске – Сауле Бековой, Ирине Анатольевне Огородниковой, Татьяне Борисовне Смирновой, Татьяне Николаевне Золотовой;

в Иркутске – Дмитрию Козлову, Ирине Абдуловой, Дарье Натушкиной, Арине Шароновой;

в Новосибирске – Татьяне Черкашиной, Наталье Мосиенко, Владимиру Юрьевичу Малову, Антону Карпову.

Отдельную благодарность хочется выразить нашим коллегам, участвовавшим в обсуждении отчета по материалам исследования, чьи комментарии и конструктивная критика очень помогли нам в доработке текста книги: Виктору Иннокентьевичу Дятлову и Михаилу Яковлевичу Рожанскому.

И, конечно, большое спасибо всем нашим информантам за то, что согласились поделиться с нами своими семейными историями, без которых сделанная работа была бы невозможной.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТРАНСКРИПТЫ ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ 1 (Омск)

Информант: Н., ж., 32, Омск.

Интервьюеры: Алла Анисимова, Ольга Ечевская

Дата и место проведения интервью: Омск, 22 ноября 2011 г.

Продолжительность интервью: 58 минут.

Для начала расскажите о себе – как Вас зовут, где родились, где учились...

Мне 32 года, живу в Омске с 1994 года, родилась в области, в Калачинском районе (Омской области), после окончания девятилетки переехала в Омск, где окончила техникум, (по образованию юрист), сейчас нахожусь в отпуске по уходу за ребенком.

Путешествовать много приходилось?

Нет, практически нет, только в Казахстан ездила, к тетке, а остальные родственники уже тоже здесь. Большинство родственников уже тоже в Омске, следом за нами все потянулись, так как в деревне было сложно.

Отец родился в Калачинском районе, то есть на его родине мы и проживали. А мама родилась в Таврическом районе, то есть там был аул, его уже сейчас нету. Село Садовое, Таврический район. И ее родители там родились и умерли, и она там со своими братьями.

У мамы 7 человек, а у папы 12 – братьев и сестер. Родители умерли, и они все перебрались в город. То есть они вырастали, уезжали работать в город и так и оставались.

Вы здесь с кем проживаете? С семьей?

Я проживаю с мужем, муж у меня коренной омич, если так можно выразиться. То есть он родился в городе. Его родители тоже из деревни конечно, его отец из Щербаковского района и мама тоже, они приехали сюда в молодости, здесь встретились, поженились, и в городе и остались. То есть он родился в городе и

как бы уже чисто городской по воспитанию и по мышлению. А мои родители встретились в городе, но уехали в деревню обратно, на 18 лет, хозяйство, работали, дом построили, хороший дом. Отец у меня много специальностей имел, он в основном трактористом работал, но мог и кузнечить, и столярничать, и фрезеровщиком. Такой мужчина в деревне не будет только одним делом заниматься. А мама у меня определенной специальности не имела, но она и в буфете работала школьном, и торговала, в магазине работала.

А здесь, в Омске, отец уже на пенсии был по инвалидности, и в городе его особо уже никуда не брали, ну так.. он охранником был, а мама в магазине...Ну конечно, если бы они остались в городе сразу... а так они приехали уже в предпенсионном возрасте. Маме уже 40 было, а папе 42 и так особо уже их никто не брал на работу.

Где приходилось бывать кроме Омска – там, где родились, в Казахстане...?

Да, мы с сестренкой приехали и что-то ей там не заклиматило, там же немножко горное.., и мы даже разрешенных пяти дней там не пробыли, и уехали. Ну, мы посмотрели, конечно, город чуть-чуть, базарчики... И так я, можно сказать, нигде и не была.

А сестренка у меня была и в Новосибирске, и в Барнауле, и в Питере. Братишка у меня здесь закончил авиационный техникум, женился и уехал в деревню, купил там дом, и занимается тем, чем занимались его родители, – столярничает, плотничает.

Вам нравится жизнь в Сибири? Что нравится, что не нравится?

Мне вообще нравится, мне и климат нравится, я очень люблю такую зиму, активный отдых, лыжи. Я в этом всем выросла. Я не люблю эту жару бесконечную. А вот сестренка моя наоборот. Она съездила в Алма-Ату, и ей очень понравилось. Не знаю, почему ей в первую поездку не понравился Казахстан. Боровое не понравилось, а Алма-Ата понравилась.

Сейчас многие казахи здесь заканчивают образование и едут туда, получают статус беженца, потому что там все условия для людей нашей национальности. То есть ты отказываешься от российского гражданства, получаешь статус беженца, и там тебе дают какие-то подъемные, вид на жительство.

У вас есть такие знакомые?

Да, очень много, причем именно молодежь. Вот приезжают молодые ребята из деревни, поступают получать высшее образование, а потом тут мыкаются-мыкаются, сразу же начальником тебя никто не возьмет, правильно? ... Я лично в этом плане больше патриотка, я не понимаю, как можно получить здесь образование бесплатное, а потом ехать туда, ведь это же неправильно.

Возможностей вообще много там для казахов?

Да. Если ты знаешь язык, там же они сейчас ввели какой-то экзамен, то да, все мои знакомые там заняли должности, если не главные, то среднего звена.

То есть отсюда идет отток квалифицированных кадров?

Утечка. Я так это называю. У меня таких много знакомых, что человек закончил ОмГУ и мог бы уехать к себе домой, вернуться в деревню, детей там учить, у него классическое образование, самое лучшее, я считаю. А он уехал туда.

А мотивы какие? Это скорее за корнями или за возможностями?

Ой, ну красиво-то это можно как угодно обозвать – это типа моя историческая родина...

А я считаю, что **здесь** моя историческая родина. У нас если проследить по дереву генеалогическому, у нас это немного отслеживается, записывается, то у меня все вообще здесь родились, в Сибири, то есть это наша родина и все. Я себя называю лично патриотом, именно российским патриотом. Я когда съездила в Казахстан, в Щучинск, то я поняла, что я НЕ...

Ну не знаю, нельзя, говорят, отказываться от своей национальности, но я чисто по идеологии, возможно, потому что я еще родилась в такое время, в советское, то есть я застала лучшие годы, пионерские, расцвет, скажем так, самый последний.

То есть у вас патриотизм еще с тех времен?

Ну да. Я была в школе отличницей... может быть это...

То, что вы живете именно в Сибири, для вас важно?

Да! Вот даже задумываясь, хотела бы я куда-то уехать, что-то поменять... нет. Я, наверное, буду здесь жить всегда, если не попрут.

А могут?

Ну не знаю, я никогда на себе не ощущала такого национального давления. Ну, иногда бывают всякие мелкие бытовые междоусобицы... на работе там бывает. Но почему-то, как ни странно, эти вопросы национальные возникают именно от тех, кто оттуда приезжает, из Казахстана, причем от русских. Очень много людей в свое время оттуда приехало, типа их оттуда погнали, и вот они тут начинают нас прессовать. Я вообще не сторонник национализма.

В Омске вообще остро стоит национальный вопрос?

Ну не знаю. Вот так открыто я думаю, что нет. Ну, вот такие бытовые... Ну и очень много людей просто обозленных стало.

Но я знаю очень много русских, которые уезжают обратно туда. То есть они оттуда приезжают, и им здесь категорически не нравится, они нас обзывают. Они говорят, что мы очень злые, «вы такие-сякие, мы едем... там наша родина».

Как вам кажется, жизнь в Сибири как-то отличается от жизни в других регионах России?

Ну, мне кажется, народ у нас здесь дружнее. Ну не то что прямо каждый бросится тебе на помощь, но как-то, мне кажется, мы кучнее, плотнее. Больше проблем друг друга знаем. Ну может быть, это оттого, что я в частном секторе живу, у нас соседи небезразличны. Все стараются друг другу как-то помогать.

Там, где вы живете, какой национальный состав? Где-то 50 на 50?

Сейчас стало 50 на 50, а когда мы приехали, почти 15 лет назад, были в основном русские. А сейчас у нас почему-то такое большое переселение из деревень казахов, видимо, жизнь в деревне не очень, и очень много казахов переезжают в город. И они прямо строятся друг на дружке, 2-3 дома на одном участке.

Вы общаетесь?

Да. У нас много национальных праздников, когда хочешь не хочешь — будешь общаться, вот сейчас был праздник жертвоприношения, когда ты зовешь не родственников, а именно соседей.

Русские тоже приходили к вам?

Нет... Как они придут, они же «не в теме», там же надо знать определенный ритуал, это же религиозный праздник. А так... когда мы жили в деревне, мы вообще все праздники отмечали вместе. Для нас и... Пасха был праздник. Когда мы переехали в город, для меня было дико, что мы не можем пойти с соседями... Наш праздник национальный — и мы угощали всех соседей. У нас в основном соседи были русские, немцы, чехи, у нас очень многонациональная была деревня. Поэтому, может быть, я вот этой разницы национальной не вижу. Если бы я родилась в национальной деревне, например в ауле, я бы, может быть, чувствовала эту разницу, потому что они отличаются, эти люди, которые приезжают.

Как получилось, что эта деревня такая многонациональная?

Когда немцев переселяли во время войны, они туда попали, чехов тоже откуда-то гнали, и они у нас остались.

После войны у нас даже появился японец, который, когда в плен попал, не сделал себе харакири, а именно остался у нас, женился, и у него там уже внуки и правнуки. Немцы, чехи, хохлы, казахи. И у нас очень много было смешанных браков, когда немцы с казахами, в этом плане я поэтому не чувствую национальной разницы, для меня все люди одинаковы.

Кем вы себя считаете по национальности?

Конечно, я казашка, но для меня национальный вопрос не важен, я очень обижаюсь, когда поднимают этот вопрос. Бывает, в транспорте я, конечно, заступаюсь за всех, если там чурками кого-то обзывают, я буду встречать однозначно, ну тут уже на уровне каком-то другом....

Религиозный вопрос для вас важен? Как в семье с этим?

Отец у меня говорит «Я атеист, я ни в кого не верю». Сказать однозначно, что я мусульманка, я не могу. Может быть, я даже в голове, в душе, когда молюсь, не говорю «пророк Мухаммед», я говорю «господи». Для меня вот так. Может быть, потому, что я чисто советский ребенок. А вот молодежь у нас сейчас, которая растет, которым 15-18 лет сейчас, у них вообще какой-то повышенный уровень религиозности, они ходят в мечеть... И много, очень много прямо стало молодежи.

Почему? Вы это как объясняете?

Я думаю, это в принципе стало популярно сейчас, конфессия любая, и христианская и мусульманская. И все вот на этом завязывается. У нас сейчас не гнушаются ни церковнослужители, ни политики, любой призыв они начинают не со слов «Ты – человек...», а со слов «ты – мусульманин... и поэтому ты должен это сделать». Даже вот мы с сестренкой недавно тут поругались, женщина пришла агитировать за выборы и вот – вы должны проголосовать (за кого-то там), потому что вы мусульмане. Она не называет ни фамилии, ни что это за человек, ни где он работает, многих же знаешь понаслышке. В общем мы ее послали, а многие ведь пойдут и проголосуют, конечно.

И вот это вот распространение церковное сейчас любой конфессии... я не против, но я против агитации. Тем более молодежь сейчас такая... у них в принципе нет никаких... если у нас там была пионерия, даже дело не в том, что пионерия, там галстуки, атрибутика, а просто были какие-то правила, которые мы старались соблюдать, и это были неплохие правила, я считаю – помочь там старушке, не пройти мимо упавшего человека, я до сих пор... это же неплохие, в принципе, каноны. А то, что нам это зачеркнули и заменить пытаются теперь идеологией церковной, какими-то новыми ориентирами. А зачем? Я считаю, что это неправильно, должны быть какие-то человеческие нормы. Понятно, что есть хорошее и в христианстве, и в мусульманстве, но когда это все по максимуму погнали, уже как пир во время чумы какой-то. Зачем это? Я против. Я и ребенка своего так воспитываю, чтобы он сделал собственный выбор. У меня и муж такой.

Муж русский?

Нет, казах. Была возможность выйти замуж и за немца, и за русского, очень много было молодых людей, но тут уже это какое-то внутреннее, чтобы не обидеть родителей, не оскорбить свой род.

Для родителей это важно?

Даже может быть... знаете... мы же как выросли, мы же всегда на кого-то оглядываемся, мы привыкли оглядываться, и что скажут родственники, а тем более родители... в таком уже возрасте. Я не хочу, чтобы каждый ходил мою мать и тыкал – вот твоя дочь такая, сякая. А у нас еще очень много таких бабок, которые смотрят, когда ты споткнешься. Которые нет чтобы помочь, а они еще подойдут и тыкнут и попляшут на тебе. Пожилые люди такие: мы старше, мы вас учим.

Возвращаясь к теме «сибирскости»: Вам приходилось когда-нибудь о себе говорить, что Вы из Сибири или сибирячка? Малоизвестным людям.

Да-а, вот мы даже когда с сестренкой поехали в Казахстан, нам даже казахи там говорили: «А вы откуда?». А мы: «Мы что – так сильно отличаемся?». Они: «Да вы вообще другие. По вам даже видно». Вот мы там автобус ждали, и нам: «Ой, девчонки, вы откуда?». Мы такие: «В смысле откуда?». «Ну, вы откуда?». Мы: «Из Омска». Ну, они, видимо, нас идентифицируют как сибиряков. Так, видите, я далеко за пределы никуда не выезжала и себя считаю сибиряком.

Считаете? А что это для Вас значит?

Ну, это, может быть, так, если приравнять значение, я считаю, что это как патриот малой родины своей.

Сибиряки – они какие вообще?

Мне кажется, они крепче духом. Даже вот наши девчонки, сколько уезжали в Москву, они говорят, мы вообще отличаемся. Мы и работоспособнее, и выносливее, может быть, это условия внешней среды закаляют, потому что в принципе она нас здесь не балует. Условия немножко жестче.

Есть словосочетание «сибирский характер». Оно для вас что-нибудь значит? Как бы вы могли его описать?

Да, конечно. Крепче дух, мне кажется, выносливее – и физически, и морально, и еще терпимее и терпеливей. У нас люди много просто терпят. Ну, там...значит, так суждено, на что-то другое списывают... Я говорю, я не общалась с людьми из других городов. Но мне кажется, что даже Омск от Новосибирска отличается. Вот у нас филиал нашего института есть в Новосибирске, так мне кажется, что омичи терпеливей новосибирцев. Мне кажется, Новосибирск более такой город разбалованный, может быть, вниманием или чем-то таким.

Ваша карта Сибири где начинается, где заканчивается?

Сибирь – это Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Тобольск. Новосибирск... он так, середина-наполовину Сибирь. Тюмень я считаю уже Севером.

После Иркутска? Якутия, Дальний Восток?

Нет, это уже нет.

А на юг? Вот Алтай, например, это Сибирь или нет?

Не знаю, мне кажется, нет, они совсем другие какие-то. Они туда уже ближе, к Казахстану. Долгое время я вообще считала, что Сибирь – это только Омск. Я не знаю... или детское подсознание. Сибирь чистую я причисляла только к себе, то есть к Омской области.

А потом где-то я услышала или прочитала, что Сибирь – это еще и Иркутск. Причем, мне кажется, что они даже больше о себе говорят как о сибиряках, чем мы, ну, они ближе к тайге. Они говорят, наверное, о себе, что они сибиряки сначала, а потом иркутяне, а мы говорим сначала, что мы омичи, а потом сибиряки. И Томск тоже сначала сибиряки, а потом томики. И вот сначала я считала, что только мы сибиряки, а они больше Север, что ли, а потом пространство расширилось, я в какой-то программе услышала, что они о себе говорят: «Мы – сибиряки», я подумала: «Как это они сибиряки? Это же мы сибиряки». А потом думаешь: о, точно, Сибирь-то большая!

Чисто сибирские города – Томск, наверное. Он, мне кажется, прямо чисто-чисто сибирский. Они какие-то чисто локальные, он такой закрытый город. Не такой открытый, как наш Омск, мы вообще...

Сибирь – это что? Вот вы говорите, что локальность его делает сибирским, вот это вот про что? Про отношения между людьми? Про уклад жизненный? Про традиции? Почему маленькое – это сибирское?

Ну, наверное, уклад. Может, то, что когда-то мы все были закрытыми городами, и это, наверное, нас роднило, а теперь, когда вот Омск стал открытым... конечно, это лучше экономически, но, мне кажется, что закрытость Омска была нам на пользу. Ведь никто не запрещал выезжать-заезжать, правильно? Но немножко мы как-то порядочнее, что ли, были. Много пришло хорошего с открытостью города, но много пришло и плохого. А Томск, мне кажется, немножко остался закрытым чуть-чуть. Может, мне так кажется, потому что их не слышно сильно, или наоборот, потому, что у нас такая пропаганда Омска идет. У нас прямо в ушах одно и то же. Ну и Красноярск, понятно, что он чисто сибирский, – лес и все такое.

Значит, природа – это важно?

Природа да, для меня важно. И для того, что такое Сибирь – тоже важно. Это лес, снег, это должно быть холодно. Такое все традиционное. Сибирь – это все же больше равнина, лес и снег. Тайга непроходимая, непролазная. Сибирь – это, конечно, валенки, шубы.

Про перепись Вас хотела спросить. Приходили к Вам переписчики? Что Вы указали в графе «национальность»?

Да, приходили. «Казашка» указала.

Слышали, может быть, что перед переписью была такая акция, которая призывала жителей Сибири указывать национальность «сибиряк»?

А, да, слышала, но я считаю, что это неправильно. Я считаю, что у нас нет еще таких условий, или народ не подготовлен. Это же в

принципе... это как американцы? Да? Типа – мы все американцы, а там американцев-то на самом деле...

Но с таким же успехом мы можем сказать, что мы все русские. Тогда уж национальность должна писаться не сибиряк, а россиянин, если уж на то пошло, это немножко шире.

Сибиряк – это тогда что?

Сибиряк – это больше состояние души, что ли. Есть же люди, которые родились в Сибири, но не любят это все. У меня даже подруга есть, она вообще родилась в Чите и потом приехала сюда, она вообще этого не любит. Она еще в более суровых условиях родилась и выросла там, в Чите. Я вообще считаю, что у нас солнечный город, снег, елки, у нас вообще очень классно в этом плане. А она – нет. Она какой-то больше европейский человек, она уехала в Москву и очень комфортно себя там ощущает. Хотя человек здесь вырос...

То есть можно родиться в Сибири и не быть сибиряком?

Да, да. Я считаю, что это как-то состояние души, духа. Может быть, образ мысли.

А это состояние души откуда идет?

Понятно, что внешне. То есть оно как-то воспитывается и моделируется. Впитывается. Ну и в семье, понятно. Может быть, условия... Я вам говорю, что я в очень хороших условиях выросла. У нас была такая классическая школа. У нас были лыжи и все такое. Когда я приехала в город и поняла, что многие девчонки не знают, что такое лыжи... или там волейбол. Это вообще для меня было шоком, когда я приехала: деревенская девчонка – и играешь, и поешь, и на дуде свистишь. А эти городские – «Да какие лыжи! Это холодно!» Для меня это вообще было.... мы все выросли так.

В принципе для сибирского образа жизни важны вещи, связанные с природой?

Конечно, да. Если ребенок вырос вот в этом приближении – к зверям, к кошкам, собачкам, все, что на улице, домашние животные, прогулки на лыжах, если в семье это поддерживается, я считаю, что это воспитывает. И в этом плане у нас идеальные

условия, сибирские. Я бы сказала, что Сибирь – это скорее всего как дух. Такое что-то.

Когда у нас деревня жила, то есть сейчас я бы не сказала, что она живет, а когда она полноценно жила, когда были все условия, и даже, я думаю, хорошо, что люди приезжали из деревни в город, а когда люди чисто выросли в городе, они не такие. Они как-то мельче, не шире духом. Они как-то уже мыслят, как-то мыслят в одной там... Мне кажется, люди, которые выросли, как я, в деревне, они шире, мимо не пройдут, добрее или, может быть, условия, которые их воспитали, такие, что мимо не пройдешь. А в городе они как-то так живут в квартирах своих, они вот так вот и мыслят узко. Сибирское – это шире как-то... Или, может быть, воспитывать так надо. Я говорю, если бы у нас пропаганда шла такая – Сибирь, сибиряк. А у нас больше – омич, омич... Мне кажется, что в Томске, Иркутске у них на первом месте сибиряк. Но я себя по духу ощущаю сибирячкой.

Именно по состоянию души?

Да, по состоянию души. Сибиряк – это, скорее всего, не национальность, как вот в переписи, а состояние души. Про национальность я могла бы написать, что я россиянка, ведь мы живем в России.

Национальность – это тогда о чем?

Национальность – это приобщение, принадлежность к стране.

К стране в каком смысле? К территории? К культуре? К чему?

Скажем так, если мне есть чем гордиться. Не в условиях моего Омска, а в России... «Россия, вперед!»: Олимпиада, спортивные достижения, космос... Тогда можно сказать, что я – россиянка. Это приобщение к общему духу. Общероссийскому. А вот если чисто в рамках вот этого... тогда я сибирячка.

ИНТЕРВЬЮ 2 (Иркутск)

Информант: Х., ж., 58, Иркутск

Интервьюеры: Алла Анисимова, Ольга Ечевская

Дата и место проведения интервью: Иркутск, 16 декабря 2011 г.

Продолжительность интервью: 1 час 57 минут.

Как давно Вы живете в Сибири?

Вообще-то я родилась и выросла в Сибири. Вы же сами сибиряки, наверное, и знаете, что Сибирь – это конгломерат народов, попавших сюда вольно или невольно. Мои предки – часть в XIX веке попали в Сибирь, часть – в XX веке.

В Иркутский регион уже?

В Иркутскую область они попали, тогда это называлось не Иркутской областью, конечно, в конце XIX века. Мои предки – с Кавказа, они лезгины. Живьем сама я лезгинов видела только один раз, когда в стройотряде работала, в поезде проезжали через Дагестан, только тогда и видела лезгинов. Ну, а предки мои попали в Сибирь в ссылку, на каторгу. Потом к ним приехали их семьи, так что жены декабристов - это не единичное явление. Ну, и они осели здесь, закрепились. Потому что Дагестан, вы понимаете, всегда – территория маленькая, скученная, а попав в ссылку в Сибирь, ребята увидели, какие здесь просторы, видимо, и здесь остались и привезли семьи свои.

За что попали в ссылку?

Судя по семейным легендам, которыми с нами делилась мама – то, что она смогла сама узнать, времена-то были такие, что не особенно народ распространялся о своих корнях... Согласно семейной легенде, там – где-то в Дагестане – братья, один из них в царской администрации занимал какой-то пост, связанный с выдачей документов. Младший брат, пытаясь помочь друзьям каким-то там, бежавшим с каторги, выкрал бланки паспортов – а тогда они другие были, понятия фотографии не было еще – и отдал своим друзьям. Когда факт хищения был вскрыт, на каторгу были

отправлены оба брата. Один – за то, что не уследил, другой – за то, что украл.

Потом к ним приехали семьи, и так они в Иркутске здесь и оказались. Обзавелись хозяйством, занялись купечеством, потом в результате семейных – внутренних, наверное, я не знаю, каких разборок конкурентных – родители моей бабушки были убиты, и шестеро или семеро детей вырастили родственники. Потом, когда девочки подросли, их всех выдали замуж, парней женили... Мусульмане, в ту пору попадавшие в Сибирь, очень сильно друг друга поддерживали, им по-другому было бы не выжить в чужой среде, черт знает где... и поэтому землячество очень сильно помогало, кланами же жили, родственными связями такими. Поэтому девочки выжили, мальчики тоже уцелели, их женили, выдали замуж, и бабушку мою выдали замуж за татарина казанского.

Мой дедушка, казанский татарин, попал в Сибирь после студенческих волнений 1905 года. Тогда студенты не были военнообязанными – не было понятия тотального призыва, и студенты не должны были служить в армии. Ну, а когда началась русско-японская война, видимо, не хватало пушечного мяса, и студентов решили отправить на фронт. И начались студенческие волнения в Казанском университете, а мой дед, окончив медресе, учился на восточном факультете Казанского университета. И как он попал в эту волну студенческих волнений – непонятно, потому что, по маминым рассказам, это было смирнейшее существо, муж-подкаблучник, что называется. Но, видимо, порыв юношеский случился у человека. В общем, попал он в эту обойму студенческих волнений, и оптом вместе со всеми студентами был выслан в Сибирь, на каторгу. Есть такое понятие «Александровский централ» знаменитый, в песне поется «между двух высоких скал», но он не меж скал, конечно, находится, это в Усольском районе, село Александровское, и там была такая тюрьма каторжная, в ней и Дзержинский в свое время отбывал каторгу, ну и дед мой туда угодил. А каторжане, чтобы приносить пользу обществу... Как раз строилась Восточно-сибирская железная дорога – Транссибирская магистраль, но тогда она не называлась так. Он в числе каторжан строил тоже эту дорогу, где-то в районе Нижнеудинска они строили ее. Пять лет каторги он отбыл и был оставлен на вечное поселение в

Сибири. Уж не знаю, что было за преступление, насколько радикальное, если товарищ Ленин за свои, так сказать, глобальные взгляды как-то легко отделялся ссылками небольшими, но тут студенты просто попали в обойму репрессий таких серьезных. И он остался в Сибири, поскольку он человек был такой, видимо, из состоятельной семьи, и совершенно был не приспособлен к практике жизни. Но каторга всему научит, и землячество, опять же, помогло ему обосноваться здесь, он был направлен на поселение в село Голуметь Черемховского района, в Присяянье. И вот дед попал туда, а там как раз жили родственники мои, бабушка выросла там. И вот тетя с дядей выдали 16-летнюю девушку замуж за вот этого каторжанина, казанского татарина, поскольку фактор веры для мусульман играет решающее значение, поэтому таких национальных дрызг, видимо, не было, не настолько было многочисленное общество, чтобы так вот сильно конфликтовать. Поэтому все поддерживали друг друга.

Девочка по лезгинской линии, я правильно слежу?

Да, девушка лезгинка, бабушка моя, дед – казанский татарин, белобрысый, голубоглазый – такой типичный казанский татарин, они вообще обликом европейцы. И вот так вот родилась моя мама на свет божий в 1918 году, родилась в селе Голуметь, в семье шестеро детей их было. Жили зажиточно – тогда село Голуметь было богатое, да и земли в Сибири – сколько кто мог обработать, не было с этим каких-то... Село было большое, там были и школы, русская, татарская, мама моя ходила в татарскую школу, но, понятно, русский язык обязательно изучался. Мама была на редкость грамотным человеком – закончив три класса сельской школы, она мне в 10 классе решала задачки по алгебре без проблем... Так вот, согласно ее рассказам, там было не только образование приличное, но и медицинское обслуживание в селе было очень хорошее: когда она заболела тифом, сельский фельдшер ее вылечил и поставил на ноги – вот эпидемии были после гражданской войны. Она еле выжила, но, говорит, сельский доктор творил чудеса. Старенький, деревенский земский доктор.

В общем, село было богатое, и, что еще приятно, – все были работающие, алкоголизма не было, была большая мусульманская община, были – понятно – русские, буряты, и самое интересное, что

когда не хватало своего зерна, жители Голумети ездили в село в Аларском районе, покупали зерно у бурятов-земледельцев. Вот нам кажется, что буряты скотоводы только, а совсем не обязательно. Они совершенно нормально, при поддержке европейского населения, которое здесь оказалось, освоили земледелие. Аларский район вообще житницей был Сибири, и выращивали великолепные урожаи пшеницы, русское и смешанное население покупало у них пшеницу. Это для меня было удивительно...

Потом началась коллективизация, которая убила деревню... ну, гражданскую войну тяжело пережили, потому что приходили белые – грабили белые жителей местных, если приходили партизаны – грабили партизаны, и в итоге так тяжело пережили гражданскую войну. Ну, это по словам мамы, она была ребенком, конечно, но рассказы в семье-то бытовали. Тем более что клан родственников разросся, когда все девочки-мальчики женились, там такой получился... все многодетные. Бабушкина младшая сестра – ее выдали замуж, 15-летнюю, за... как мы сейчас сказали бы – черкес, но вообще они адыги, тоже ссыльные поселенцы. И он оказался человек оборотистый, в отличие от моего дедушки, который там пробавлялся крестьянством, и валенки катал, подрабатывая зимой, когда нельзя было крестьянствовать. Тот открыл в Иркутске торговое дело, всю семью перевез сюда, и у них на улице Партизанской был такой небольшой двухэтажный купеческий особнячок, где потом целый клан родственников благополучно произрастал. Этот дом в 80-х годах снесли, и на его месте построили... девятиэтажка громадная такая стоит теперь. И весь клан родственников расселился в этом доме теперь уже.

Так что у меня в Иркутске очень много родственников, хотя, понятно, что сходят потихоньку с арены. Но вот таким образом в Сибири разрастались кланы родственные.

Ну, и понятно, что там поддержка такая! Мама когда перечисляла всех родственников, я терялась. И сейчас очень жалею, что в свое время мы не записывали историю рода, потому что имен уже не знаем, я знаю только, что, например, у мамы фамилия Юсупова по отцу, но она говорит, что это их не родовая фамилия, потому что... традиции мусульман вы знаете, да? У тюркских народов, кавказских народов – там понятия фамилии не было, тебя называли именем... скажем, маму мою называли бы так: Гульзар дочь Юсупа. И тогда

фамилия появлялась Юсупова, например. И она говорит, что в том роду, из которого дед был, фамилия была Калимуллины, но она им совершенно не нравилась, и они тогда по имени одного из предков взяли фамилию Юсуповы, и таким образом фамилия закрепилась, моя мама носила свою девичью фамилию.

А папа?

Мой папа тоже попал сюда на каторгу. Сибирь – место ссылки, что называется. Мой отец родился на озере Иссык-Куль, в селе Тархан, в 1912 году, он остался сиротой ребенком еще. Там тоже родовые кланы. И он как-то там, у родственников, пастушком, вырос, женился, и в 41-м году началась когда война, и со Средней Азии собирали дивизии, их, людей... правда, читать-писать он умел, не знаю, как уж он учился, но, видимо, советская власть очень активно внедряла образование, что он, даже будучи сиротой, умел читать и писать, и более того, перед войной или во время войны, шрифт с кириллицы в тюркских языках поменяли на латиницу, так я из детства смутно помню, что-то он там такое писал латиницей. А потом обратно на кириллицу поменяли... Ну, люди как-то это осваивали, мама у меня, например, легко и непринужденно писала и арабской вязью, так как в школу ходила в татарскую.

Кроме того, ее отец, поскольку он сначала закончил медресе, а потом два курса Казанского университета, восточного факультета, он владел и арабским языком, и был толкователем Корана. Так как медресе окончил, он был выбранным муллой. В Сибири не было понятия муллы как профессии, священника как профессии, муллу выбирали из самых грамотных – кто умел читать и толковать Коран, а он был написан арабской вязью. И дед многие годы выполнял обязанности муллы, толковал Коран, писал молитвы и ладанки, и мама говорит, что он каждому ребенку написал такую, с тем чтобы когда они умрут, им в могилу положили. И маме такой уголочек с молитвами, она его всю жизнь хранила, положили в саван, она попросила хоронить ее не в гробу, а в саване, по традиции.

Вся семья мусульманская, получается?

Нет, времена-то все-таки меняются, и государственная пропаганда играет огромную роль, она в 30-е годы кривой прошлась, религиозность выколачивалась со страшной силой. И хотя в семье

отец верующий, он сохранил это, бабушка верующая, потому что традиционная, дети, конечно, знали молитвы, но думаю, что пропаганда сделала свое дело, потому что мама нам никогда не навязывала ничего. Сама она, может быть, в душе и была верующая, но нам этого никогда не демонстрировала. Иногда что-то там шептала себе, молитвы, но мы на это внимания не обращали. Мы уже стопроцентные продукты советской эпохи. Я родилась в 1953 году.

Кстати, как моя мама вышла замуж. Понятно, что война подкосила со страшной силой поколение мужчин, войну пережили настолько тяжело, потому, что коллективизация их со страшной силой подкосила, все отняли, и жить было в Голумети невозможно.

Но какими-то силами они сохранили свой прекрасный дом... я его видела просто, когда я летом была - меня мама привозила, ее ностальгия мучила. Большой такой дом, показывала, где была земля у них, общиной выделенная, где они там пахали-сеяли, там уже заросло все лесом. И там же дом ее тети, где жил клан родственников, которые потом перебрались в Иркутск – все перебрались в Иркутск.

Ну, а наши родственники, поскольку были не самые оборотистые, дед – вообще... Бабушка была дама, видимо, романтических отношений, ее вообще с ума сводила эта вся семья, эта орава детей, она их, видимо, люто ненавидела, потому, что как только мама подросла – она старшая дочь в семье – весь этот детский сад был возложен на ее плечи, вот почему она фактически три класса окончила, все остальные закончили 10 классов, 9-10, сколько тогда можно было. А она только три, потому что на нее возложили все хозяйство. У бабушки было любимое занятие читать книги и ходить в лес по грибы, солить грибы, ягоды заготавливать. А остальное она страшно не любила, я представляю. Как ей все это было дьявольски тяжело, она была человеком творческим. А что такое сельское хозяйство? Скотина обязательно, коровы, овцы – без этого не прожить в деревне. Птица – мама говорит, весь двор почти был заполнен птицей, все жили очень зажиточно.

И то еще было приятно – она все время вспоминала – что национальные какие-то религиозные праздники отмечали вместе. Пасху отмечала вся деревня, включая мусульман. Какие-то татарские.... татарами в Сибири, по крайней мере, в Восточной, всех

выходцев с Кавказа, отовсюду, называли татарами, общим словом. Это стало не национальным понятием, а общим названием людей, исповедующих мусульманскую веру, либо попавших оттуда. Независимо, были они верующими или нет. Поэтому если вы в Сибири слышите – там, башкиры, например – то они говорят «татары», и только потом уточняют, что они башкиры. Это два разных, но очень близких народа. Но в Сибири всех называют татарами. Поэтому так легко они сплывались в одном котле.

Название «сибирские татары» – это не о том, что это все вместе?

Знаете, название «сибирские татары» – оно очень широкое, вот в Западной Сибири – вы же из Западной Сибири приехали – коренное население сибирские татары, но это тоже целый конгломерат разных племен, которые сплывались в одном котле, смешались с русским населением, это можно по лицам заметить... Люди называют себя русскими, русские имена, но внешне четко видно, что там очень сильна эта монголоидная кровь, ну или тюркская кровь, скажем точнее.

И здесь тоже такой сплав произошел. Так что слово «татары» – оно такое... вот мои тетушки иркутские, они же не были татарками, они были лезгины и черкесы, смешанные. Но они говорили на татарском языке дома.

И потому считались татарками?

Нет, они четко знали, кто они по национальности, но такой общевидовой признак – называли себя татарами.

Все дружно жили и праздники отмечали?

Да, мама говорит, что в Голумети не было никаких конфликтов, все жили очень дружно, друг друга поддерживали, и все праздники были общие, вся деревня гуляла.

А при переселении из деревни в город это сохранялось?

Ну, знаете, там как селились. В том же Черемхово, например: город сплошь из ссыльных создан. Я детство провела в такой части, которая называлась Шадринка. Там были улицы татарские сплошные, их называли татарскими, но там жили и башкиры

ссылные, в 30-х годах кто-то добровольно от голода уезжал, в Сибирь попадали, а кого-то прислали на работу в шахте, подневольным путем раскулаченные, и так далее. Там прямо целые улицы были, назывались «татарские», но там, опять же, был сплав народов разных. Еще улицы не помню, но у нас в околотке жили и бандеровцы высланные, к ним очень все негативно относились, считая их врагами и на детей переноса, они всегда как-то обособленно жили. Но я бы не сказала, что были какие-то конфликты, я еще ребенок была такой домашний очень, и как-то жизнь прошла мимо меня.

Мама с тоской вспоминала свое детство, потому что, говорит, было очень хорошо и весело, пока не случилась коллективизация. Тут это все подорвалось, и они, с трудом продав свой дом прекрасный, переехали в Черемхово, купили какую-то жуткую совершенно хибарку, какую смогли добыть, сейчас это все снесено, к счастью, но я помню этот домик, мы там останавливались тогда, когда кочевали. У меня мама такая лягушка-путешественница по натуре, иногда хватала всю ораву – и куда-нибудь мы уезжали, и потом возвращались.

И вот они там все поселились, бабушка, к сожалению, умерла рано, она, переболев менингитом, оглохла, и попала под поезд, ногу потеряла, очень долго болела, и умерла довольно рано... Я не знаю, кем работал дед в Черемхово, мы его никогда не видели, они умерли до нашего рождения. А когда война случилась, всех мужчин сильно поистребили, дед где-то познакомился – опять же ему было важно, чтобы это был мусульманин, как человеку верующему, – с нашим отцом. А наш отец с Иссык-Куля. Среднеазиатские дивизии на фронте попали в вообще кошмарную ситуацию, когда люди, вообще не говорящие по-русски – большинство из них вообще не подозревало, что это такое, без оружия были брошены под танки. Оружие было либо палка, либо одна винтовка на 10 человек – кто не был подавлен танками...

Пушечное мясо...

Да, натуральное пушечное мясо, прямо с колес под танки, без оружия, не прошедшие ни обучения, ничего... И он, будучи человеком взрослым – сколько ему было, лет тридцать. Вот те, кто не попал под танки, не был подавлен – попали в плен. Он уцелел в

этой бойне чудовищной и попал в плен, провел четыре года в концлагере в Италии.

Видимо, был человек способный к языкам, потому что именно в концлагере он научился говорить по-русски, болтать по-итальянски и по-немецки. Родной у него киргизский, он киргиз иссык-кульский. Пастушком работал, сирота, в 12 лет потерял родителей и его родственники женили, жена, пока он был на фронте, умерла, и ему возвращаться, фактически, было некуда.

Четыре года пробыл он в концлагере, их освободили американцы, потому что концлагерь был в Италии, они там на каменоломнях работали. Он сумел как-то это выдержать, был маленький человек-то ростиком, но, видимо, жилистый... И их освободили американцы, и предложили им остаться там, это мне уже мама рассказывала. Предложили остаться в Европе или в Америку отправиться. И уж не знаю, почему его, круглого сироту, так манил родной голубой Иссык-Куль, он так тосковал по родине, он так рвался обратно, и он категорически отказался, хотя предлагали там всем, кто-то и остался. Так вот после войны очень многие попали в Америку. Неудивительно, что там так много людей со Средней Азии.

Или у нас в лагерь в сталинский, или в Америку...

Но они же этого не знали, они думали, что их на родину вернут. Хотя американцы уверяли их, но они не верили, никто не верил, все думали, что их освободят – и будет счастье. Их освободили американцы, и тех, кто не согласился, отправили эшелонами в Советский Союз, и оттуда – без всякого голубого Иссык-Куля – в Черемхово вот он попал, их разбросали по разным городам. Он попал в Черемхово, вначале они были под конвоем, и 11 лет он проработал в Черемхово на заводе Карла Маркса. Сначала они были там как крепостные, ну, как каторжники.

Потом их расконвоировали, и там где-то он пересекся с нашим дедом, познакомился. И дед, переживая за свою старшую дочь, очень любимую, нашу маму... остальные уже как-то так пристроились, а она была не замужем, она заботилась об отце. И вот он уговорил ее выйти замуж за этого человека. Ну, поскольку на безрыбье, как говорится... мама вышла замуж, но быстро выяснилось, что муж не тот человек, на которого можно

положиться: отец был чрезвычайно легкомысленный по натуре человек, живой такой, гулена, страшно любил женщин, видимо, пользовался успехом – мне трудно судить, потому что я была маленькая, когда родители расстались...

Ну и вот, в Черемхово в семье родились мой старший брат Анвар, к сожалению, уже покойный, старшая сестра, и потом брат еще один старший, потом я родилась.

Это все родные, да?

Да, семь детей у нас в семье. Я ее спросила, зачем она рожала от такого человека. Ну, она сказала, что боялась... ну, во-первых, она была девочкой, выросшей в семье мусульманской, как бы она должна подчиняться мужу. С другой стороны, говорит, очень боялась делать аборт, потому что очень много женщин умирало, абортыв были криминальные, было запрещено, и очень много детей оставались сиротами, потому что женщины погибали. И она безумно боялась, она безумно любила нашего старшего брата. И у нас, поскольку смешанная кровь, получилось, что все очень разные внешне. Общее сходство сильное есть, но вот мой старший брат – он абсолютно европейской внешности был, очень похож на нашего дедушку, белокурый, голубоглазый... Вот таким образом родились и все остальные, один из моих старших братьев внешне – типичный кавказец, курчавый, очень смуглый, горбоносый, огромные такие глаза карие. И внешне он очень похож на моих дядей, которые здесь в Иркутске жили, лезгины и черкесы. Я вот получилась такой монголоид по внешности – все очень разные.

В 1956 году разрешили ссыльно-каторжным возвращаться домой, на родину. И отец засобирался домой, на свой голубой Иссык-Куль, на который он вот столько лет все хотел попасть. Ну, и мама, как верная декабристка, только уже из Сибири, поехала в Среднюю Азию, в совершенно для нее неизвестный край. Беременная – потому что моя сестра младшая родилась уже там, на Иссык-Куле... мне было меньше 2 лет, у нас с сестрой разница 2,5 года ровно, а она родилась через 6 месяцев после того, как мы приехали...

Началось наше кочевье между Киргизией и Сибирью, потому что мама у нас не может на одном месте, у нее такой кочевой очень сильный компонент, видимо, есть в натуре. И она все время куда-то... хватает детей и едет. Ну, вот мы несколько лет прожили там...

В Оше?

Нет, мы жили на Иссык-Куле, это северная Киргизия, южный берег Иссык-Куля, там село Дархан Покровского района Иссык-Кульской области. И вот моя сестра родилась в селе Покровка – жили мы в селе Дархан, а роддом находился в Покровке. Там, на Иссык-Куле, очень много русского населения. Когда российская империя колонизовала Среднюю Азию, из заселенных областей центральной России было предложено всем, кто хотел получить немеряно земли, ехать на окраины Российской империи и заниматься там сельским хозяйством, поэтому там целые села есть – Красная Поляна, Покровка – это целиком русские села. И вот они свой элемент цивилизации внесли очень мощный, мы на Иссык-Куле жили – у нас соседи были, я даже помню их по именам. Мальчик и девочка сиротами оказались в батраках у русской семьи зажиточной, и вот благодаря им... помогли они детям пожениться, когда подросли дети – выделили им средства на хозяйство, свадьбу и так далее. Они очень благодарны были. Я, правда, не помню, знали они русский язык или нет, но мы говорили только по-русски, и как-то же мы с ними объяснялись.

Прожили мы там несколько лет, построили дом... Но, поскольку разгульный образ жизни отца не сильно устраивал мою маму – у нас началось кочевье. То мы возвращались в Черемхово, потом возвращались туда, и потом, когда мне было 11 лет, мы окончательно вернулись в Черемхово, жили здесь, потом в 9-м классе мама опять... что-то там попало ей под хвост, и мы уехали в Ферганскую долину, город Кара-суу Ошской области.

Там кто-то из родственников был или никого не было?

Там какая-то из ее дальних родственниц в Кара-суу попала... вышла замуж и уехала в Среднюю Азию, и там работала на каком-то комбинате инженером. И когда очередной ветер перемен маму куда-то потянул, она списалась, и мы отправились. Школу я закончила там. Надо сказать, что Средняя Азия – это тоже такой котел народов, особенно Киргизия. Особенно на границе Ферганской долины, когда установилась Советская империя уже, границы были поделены произвольно. В царской России был общий Туркестанский край со своими административными делениями..., а после революции, всего прочего, после колонизации, Туркестанский

край уже как бы... были стерты административные границы, но население-то местное осталось. Львиная доля Ошской области – узбекское население, а административно подчинены Киргизии. На этой почве конфликты чудовищные.

Под занавес Советского Союза в городе Кара-суу началась чудовищная резня между узбеками и киргизами, и мы были счастливы, что вовремя семья уехала. Я, окончив школу, уехала в Питер.

Потому что у меня там мамина сестра, одна из сестер... В 1943 году сбежала на фронт, в 17 лет она дернула воевать. Вот тут, по улице Партизанской, она жила у тетушки, училась в школе – ее из Черемхово отправили сюда к тетушке, и в 17 лет она решила – уже пора, взрослая. Она была довольно высокого роста красивая девушка, очень белокожая, с огромной русой косой, синими глазами и с очень бойким языком. Очень остроумная, яркая, веселая девушка. Она рванула на фронт, ничего не сказав, естественно, тете, тетю чуть инфаркт не хватил, родственники бегут по улице, она с вещмешком уже на призывной пункт – уже все, договорилась уезжать. Она попала на курсы связисток, и ее отправили не на фронт западный, а на восток. Там в Монголии стояли Советские дивизии на случай войны с Японией. И она говорит, что она была за многие годы первой девушкой с европейской внешностью, и на нее приходили просто полками посмотреть. Мне, говорит, выделили там закуток такой, и просто приходили посмотреть на белокожую синеглазую девушку одичавшие советские солдаты.

И вот после Монголии ее оставили в Чите служить, и там она познакомилась с нашим дядюшкой – со своим мужем, замечательный совершенно человек был. И я у них в Питере и жила, один год. Они приезжали к нам и предложили маме кем-то из детей поделиться, у них свои уже дочки выросли. Ну, мама так поразмышляла на досуге – говорит, нет, пусть сначала школу окончит. И вот после школы меня отправили в Питер. И я у них один год жила, замечательная совершенно семья.

Дядя служил... в Финскую воевал, уцелел, слава богу. Потом на фронте был тяжело ранен и попал в Читу командиром отделения связисток, куда моя тетушка и попала. Он там за нее боролся, девушка была популярная, но он все-таки сумел на ней жениться и всю жизнь ее обожал. Дядюшка из Псковской области был. И после

того как они отслужили в армии, когда армию сокращали, они осели в Питере. Она работала директором магазина – сначала продавцом, потом директором – а дядюшка на заводе «Большевик», ракеты тачали.

В общем, замечательная семья, я их очень любила, чрезвычайно интересные люди, к сожалению, уже покойные. Дочери их тоже разбрелись по свету. Валентина вышла замуж за военного, и они на космодроме Плесецк служили, сын их на Байконуре служил, а муж ее был подполковник ракетных войск, ушел в отставку в звании подполковника, окончил ракетную академию... Это было уже при мне, я помогала дочку их нянчить.

Сюда Вы как и когда вернулись?

В Питере я хотела поступить в художественное училище, я неплохо рисовала, и подумала – а может пойти порисовать? Но как-то не сложилось, к счастью. Поэтому я годик там поработала, потом поехала в Среднюю Азию, там поработала, а семья, к счастью, уехала уже обратно в Иркутск... ой, в Черемхово, потому что климат не подошел. Все очень сильно болели, безумная жара, плохо было.

Они вернулись в Черемхово, у нас Черемхово – такой кол, вокруг которого семья крутится. Как Полярная звезда, все вокруг нее крутятся. И вот я поработала год в Средней Азии, самостоятельно, уже без мамы, без тетушек, без никого, потом мне стало там скучно, я вернулась домой, дома в Черемхово поработала год, потом перебралась в Иркутск, здесь два года поработала, потом решила, что пора заняться образованием.

Кем работали?

Я в разных местах работала. То лаборантом, то помощником художника, то в цеху работала на ткацком комбинате, ровницу такую пряли на станках, швеей-мотористкой поработала, хлебопеком поработала, потом решила «пообразовываться». Моя младшая сестра уже поступила в университет, старшие окончили профтехучилища, кто что хотел, старшая сестра окончила медицинское училище, младшая сестра поступила на матфак университета... ну и я поступила на филфак нашего университета, Иркутского государственного, и окончила его.

По образованию Вы филолог?

Да, я филолог. «Филолог, преподаватель русского языка и литературы» у меня в дипломе написано. Ну, я попреподавала русский язык как иностранный в университете, а потом мне стало скучно, и я пошла на телевидение работать.

Русский как иностранный – кому?

У нас в иркутских вузах факультеты для иностранных студентов, и мы их с нуля готовили для обучения в вузах, обучали русскому языку в течение года. Я работала с монголами, у меня были арабы, афганцы, и так далее – у меня были разные студенты. Чрезвычайно интересно наблюдать за ними, потому что совсем разный склад ума, характер национальный порой такой четко выраженный, и черты характера национального очень сильно отличаются у разных групп народов...

Вот таким образом я стала работать журналистом, сначала на телевидении, потом случился 1991 год, потом еще немножко поработала на телевидении, а потом стала работать в газетах и журналах.

Муж сибиряк?

Нет, муж у меня из Донецка. Там тоже очень интересная история рода, там тоже смешанное население, отец свекрови моей был из прибалтийских немцев, морской офицер, она вышла замуж за Серезино (мужа. – О. Е.) папу, родители развелись, она не знала причины, но уже в 18 лет ей сказали, что отец жив, и там тоже какие-то тайны мадридского двора. Мать ее занимала какой-то крупный пост... тогда они назывались совнархозы, то, что мы сейчас называем «облисполкомы». И вот бабушка моего мужа занимала там такой крупный пост, дама была невероятной красоты и, видимо, характера, она вышла замуж за крупного чиновника, я у них была в Донецке – там у них громадная квартира, «сталинка» такая роскошная. Ей сейчас 95 лет, она жива, в здравом уме и трезвой памяти абсолютно, уже плохо ходит, но абсолютно... интересная личность, и до сих пор видно, что в юности была необыкновенно хороша. А вот Серезина мама вышла замуж в 19 лет, они вместе учились в Донецком... политехнический институт раньше назывался. И в 20 лет она родила моего мужа. Она

кандидат каких-то там наук, что-то связано с металлургией. Металлург она, специалист по бетону. У нее внешность такая голливудской звезды была. И она до сих пор в свои 70 лет очень стройная, такой европейский тип, очень красивая женщина. И Сережка – единственный сын.

Здесь он как оказался?

Он сильно хотел стать геологом с юных лет. У него дядя, старший брат отца, был геолог, окончил Московский геолого-разведочный, работал потом в Германии на каких-то урановых разработках, потом приехал сюда в Иркутск, потому что здесь открывалась Академия наук, открывался Институт геохимии, что его всегда интересовало. Приехал он сюда и работал в геохимии. А Сережка, будучи ребенком еще, смотрел на дядю как на обожаемого такого божка, геологического волка. Дядя, видимо, был в юности интересен, он был очень хорош собой и очень интересен, видимо. Я застала его уже взрослым и очень больным человеком. И ребенок вот с ранних лет хотел стать только геологом. Что в семье поощрялось, хочешь – пожалуйста. И он там все облазил, потом попал в 9-м классе в экспедицию с дядей, что только подкрепило его желание. Он окончил МГУ, аспирантуру, защитился сразу же – и по распределению в Иркутском институте геохимии и работает. Я в Академгородке с ним и познакомилась, в 1991 году, и мы поженились. Детей у нас нет, так что мы занимаемся армией племянников и племянниц, одна из которых сейчас в Мюнхене, немецкий язык совершенствует, окончила лингвистический университет.

Вот такой срез, скажем так, восточно-сибирского общества.

Как связи с этим Вы себя ощущаете – по национальности и вообще?

Ну, мы сейчас в паспортах национальность не пишем же, мы в семье, пока в документах писалась национальность, писали себя татарами. Почему? Сейчас объясню. Поскольку в нашей семье из-за проблем семейных, внутрисемейных, всегда было негативное отношение к отцу. Кому из детей понравится скандальное какое-то состояние, когда ради друзей семья отдается на растерзание, все ради друзей, и ничего ради семьи. Потом – тем более, что рано

расстались. Мне было 11 лет, когда я последний раз видела отца, но до этого уже несколько лет семья как семья не существовала. Иногда он появлялся на горизонте, сунет конфетку – и исчезал. Поэтому у нас в семье было такое негативное отношение к отцу. Может, я одна такая была больная на всю голову, а остальные, может, иначе относились – но мы принципиально не разговаривали на киргизском языке, хотя его знали, мы же жили в деревне киргизской, вокруг была только киргизская речь, но я принципиально, категорически отказывалась. Я прекрасно ее понимала, но никогда не говорила.

Дома на каком языке говорили?

Дома только по-русски, мы же из Сибири, здесь только по-русски все говорили. Мама иногда по-татарски говорила, то есть бытовую татарскую речь мы понимаем на минимальном уровне. Но поскольку у самой мамы татарский язык тоже сильно растерялся, оттого что... Вот, скажем, татары чистокровные, которые из самого Татарстана, из Поволжья попали в Сибирь... языки же тоже как-то отличаются, какие-то акценты, говоры. Когда они разговаривали с мамой – ну, там тоже явно смесь какая-то мощная. Более того, что еще и смесь с киргизским языком. То есть она-то изъяснялась, и понимала, языки-то тюркские, корень общий, только какие-то особенности, нюансы языковые есть. А так в языковую среду она вписалась, понимала, но к ней негативно относились категорически. Почему? При дефиците мужиков, когда через много лет возвращаются с фронта мужики, – а там своих дофига и выше девушек на выданье и без мужей – люди приезжают с женами уже. И где-то этих жен приняли, а где-то не приняли. И хотя у моего отца не было близких родственников, только тети, дяди, такие уже, двоюродные или троюродные, с некоторыми из них мы общались – они маму не приняли. Приезжает дама, совершенно другой внешности, синеглазая, очень белокожая, только темные волосы, и все. Говорит на непонятном для них языке, в основном говорит по-русски, ходит в платье без рукавов, что там категорически не принималось – это же деревня, высокогорная деревня, нравы другие... Там еще в ту пору, я помню, замужняя женщина обязана была волосы прятать. Упаси боже, чтоб прядка волос выбилась. Девушка пока – она может ходить простоволосая, вышла замуж –

все, закрыли, общество маскулинное абсолютно, женщины в тотальном подчинении. Хотя некоторые из них характер проявляли, там мужья стояли по стойке «смирно», но это не было общепринято, по крайней мере. И тут появляется такая женщина, совершенно чужеродная для них, с какими-то совершенно свободными суждениями. У мамы был характер довольно приличный, потому что она в те трудные годы где только не работала – во время войны и после войны с работой было очень проблематично. И она работала в Слюдянке где-то чего-то, где только ни была. Она даже на Тихом океане умудрилась на гигантском рыболовецком заводе «Алеут» проработать год, по набору, потому что надо было где-то зарабатывать на жизнь. Работала как каторжная – по 24 часа в сутки они краба этого обрабатывали, народ сознание терял, руки себе отрубал в полусонном состоянии, и она сумела это выдержать. И человек с таким характером попадает в эту горную деревню. Понятно, что ей пришлось проявлять свой характер. Я помню, она отбила даже русского шофера от самосуда местных жителей. Под его машину мальчик попал. И мама одна, против этой толпы киргизов, смогла его отбить и спасти ему жизнь просто-напросто. Нас потом долго по судам таскали, меня как свидетеля. Я, правда, толком не видела, но мама сказала, что вот – ребенок видел, мужик не виноват. И меня таскали свидетелем без конца, я маленький ребенок, еще толком не понимаю ничего, зашуганная, любого взрослого, кто ко мне подходил, боялась, что сейчас опять пойдут допрашивать и не верить тому, что я говорю. Это мне на всю жизнь наложило такую печать страха, что мне могут не поверить. Так что матушка у нас была с характером.

И в деревне было всего... семья почтальонши – одинокая женщина с ребенком была, на ГЭС работало две семьи русских, к нам приходила периодически в гости тетя Маша, сейчас не помню ее фамилии, чудесная такая женщина. И семья главного инженера в деревне... А, еще семья Кравченко одна была, каким-то образом тоже попавшая или приехавшая из русской деревни, видимо, МТС (машинно-тракторные станции. – *О. Е.*) когда открывались, нужны были грамотные русские, чтобы это поднять. И вот семья главного инженера тоже была русская. И старший брат сначала ходил в школу в киргизскую, а потом мы уже ходили в школу русскую.

Иначе говоря, в Киргизии вы были русские, я правильно понимаю?

Я не знаю, как к нам относились киргизы, мне трудно судить, потому что мы же были дети, но я знаю, что мама оказала огромное цивилизационное влияние на наших соседей. Хотя бы потому, что она человек была сообразительный очень и очень мастеровитый, такой технический гений у нее был. Потому что первое, что она сделала, когда приехала – она же привыкла жить в русской деревне, ну, в сибирской деревне, где русская печь и так далее, хлеб сами пекли. Она построила печь во дворе русскую для выпекания хлеба. Я помню, как это строили, при нас, как все устраивалось, дуги, на которые все это складывалось – как они называются, от машины такие. Это все она своими руками выкладывала, а соседи приходили смотрели, потому что там пекли хлеб в тандыре, это очень опасно – туда прямо с головой лезешь в раскаленную печь, не очень удобно. И при помощи мамы куча соседей построили себе эти вот русские печи. Наверное, на кого-то действие оказывали и другие, потому что у Кравченко тоже была роскошная печь во дворе, в которой они пекли. Но вот в нашем околотке мама такую вот цивилизационную роль выполнила.

Она научила местное население делать хренодёр, например, из помидоров, там овощи выращивают, земля-то там благодатная, что на землю бросишь, то вырастет. В те годы там опиумный мак выращивали для фармацевтической промышленности, и мы сами помогали соседям пропалывать его, потому что это были хорошие заработки, потом запретили, потому что началась тотальная торговля опиумом. Но это уже мимо нашего сознания проходило, уже постфактум мы поняли, почему запретили выращивать. А так была изумительная картина – на гору поднимаешься... У нас село было такое, что сразу горы – и в пяти километрах Иссык-Куль. Стоишь на горе – и перед тобой расстилаются маковые поля, в период цветения это изумительная красота. Ну, и понятно – фрукты, все прочее, Иссык-Куль замечательное место, озеро изумительное.

Вот таким образом... Так что кем мы себя ощущали? Там мы совершенно точно ощущали себя не в своей тарелке. Ну, я себя, не знаю, как другие. Вот брату моему, одному из старших – брат был очень смирный, работающий, на нем... он как отец семьи, фактически, роль выполнял, потому что на нем лежало... Старшая

сестра тоже с хозяйством маме помогала. Мама как-то выкручивалась, чтоб нас прокормить. Но вот при этом она работала сторожем в магазине – рядом с нами построили магазин, и она была счастлива туда устроиться на работу сторожем, а мы ходили ей помогать.

И было такое счастье, когда первые матрасы у нас появились, она купила. До этого я даже сейчас не понимаю, как и на чем мы спали, что мы носили – трудно понять. Помню, одеяло стегали – такое было счастье. Постельное белье появилось – счастье, до этого мы спали на брезентовом матрасике с сестрой. Тем более что холодно же, Иссык-Куль, проблемы с топливом очень серьезные. Собирали хворост топить, опилки с лесопилки, местное население топило... навоз перемешивали с соломой, и делали такие кизяки, ими топили. Понятия печи не было, потом уже стали они появляться. А были буржуйки, или голландские печи, если дом состоятельный. Это вот когда русские цивилизовали Иссык-Куль – там четко все деревни выстроены по плану, у меня даже книга есть такая, «Колониальная архитектура Иссык-Куля». И там вот эти печи-голландки. Она была не очень эффективна, в ней еду не приготовишь. Вот понятие «плиты» - мама взяла такую плиту, потом по ее примеру соседи у себя плиту сделали. А это, заметьте, конец 50-х – начало 60-х годов. Мы уехали оттуда, я перешла в пятый класс, когда окончательно мы уехали с Иссык-Куля. Это был...

Шестьдесят какой год?

В 1961 я пошла в школу, 64-й год это был.

И сюда вернулись...

Да-да-да. И поэтому вот там я себя, по крайней мере, точно четко отделяла от коренного населения, говорили мы только по-русски, ну, по-татарски мама с нами говорила, но мы отвечали только по-русски.

Понятно. А здесь?

Здесь? Знаете, я себя ощущаю... Ну, понятие «сибиряк» – оно такое очень общее. Ментально мы абсолютно русские люди, это понятно. Визуально – не совсем русские люди. Ну и что, какой-то новый тип создавать? Понятие «россиянин», скорее всего, отвечает

полностью моему духу. Именно «россиянин», потому что я себя чувствую человеком империи, я не чувствую себя человеком какой-то отдельной нации. Я не чувствую себя татаркой. Я в жизни не была в Татарии, да? В Поволжье. Дагестан я только поездом проезжала, когда в стройотряде мы проводниками работали. Киргизкой я себя тем более не ощущаю. Сейчас в Иркутске очень много киргизов появилось, тогда мы были редчайшее явление. Ну вот как ссылка прошла, обратно народ уехал – я в жизни не встречала до этого киргизов.

Уехали много назад?

Ну да, люди же тосковали по родине.

Иными словами, Сибирь не стала им родиной, по крайней мере, киргизам?

Мы-то вынужденно вернулись... Я знаю семьи – мы ходили в школу в соседнюю деревню, в русскую школу. Потом даже в интернате поучились – там прекрасная школа, прекрасный интернат был, потом его почему-то расформировали. Многие киргизы отдавали детей в русскую школу, видимо, желая перспективы какой-то, потому что образование было все равно на русском языке, львиная доля образования. Через много лет я обнаружила, что в городе Фрунзе местное население, киргизы коренные, не говорят по-киргизски, а говорят по-русски. И сейчас для них трагедия, вот 1991 год случился – трагедия. Они ментально русские, а визуально киргизы. И когда вы телевизор смотрите и видите каких-то политических деятелей или жителей города Фрунзе, вы слышите, что по-русски они говорят гораздо грамотнее, чем многие русские. Потому что для них характерен литературный русский язык.

Да, кстати, и с казахами похоже...

Да, очень. У вас в Новосибирске много казахов потому, что они ехали учиться в Академгородок. Ментально это русские люди, продукт империи – и для них это просто катастрофа, развал империи, катастрофа реальная. У меня друг, замечательный совершенно, выдающийся журналист с моей точки зрения, Артур Дан, у него есть сайт – aldana.ru, можете себе записать и на него заглянуть, это сайт очень популярный в Иркутске и не только. Артур

вообще... У него бабушка была украинка из Сибири, она в гражданскую войну здесь какую-то деятельность вела, боевую очень, на стороне красных. А потом ее отправили в Среднюю Азию воевать, и там она вышла замуж за узбека... Дедушка Артура в Кокандской империи занимал какой-то крупный пост, был крупным таким сановником. И в нем этот аристократизм, в Артуре, очень четко проявляется. Имея профтехучилище за спиной и многолетний опыт работы горным спасателем – он альпинист-спасатель, это человек безупречной грамотности, культуры, образованности. И когда в Иркутск он вынужден был приехать – у него на жену, а жена у него русская, напали, она беременная была. Когда начались жуткие совершенно шовинистические события в Средней Азии, а он из города... не могу сейчас припомнить, как называется, в Ферганской долине город. Артур был вынужден за бесценок продать прекрасную квартиру, все-все, и перебраться в Иркутск, потому что у него здесь друзья-альпинисты. Один из них прописал их в своем доме, всю семью. У Артура жена русская, к сожалению, она недавно умерла.

И вот ментально Артур абсолютно русский. И таких там осталось сотни тысяч, для кого это стало травмой. Здесь в Иркутске он стал журналистом, его всегда мучило, что он хочет писать. Он написал первый рассказ – жена над ним смеялась. Он сказал, знаешь, может, это будет моим хлебом когда-нибудь. И это стало его хлебом, и он в Иркутске стал журналистом, блестящим. Он основал свой сайт, невероятно популярный, aldapa, его просто называют «Чайхана», как правило. Сейчас Артур вынужден жить в Москве, у него две дочери, инвалиды, к сожалению, по слуху. Старшая дочь в Иркутске осталась, а жена умерла в прошлом году. Я на сайте «Одноклассники» нашла некоторых, так они бежали оттуда, потому что начались такие чудовищные погромы, невероятные, что они оттуда просто бежали. И для таких людей это просто трагедия.

Я себя чувствую сибирячкой, в конце концов, если подробности вас интересуют – кем. И я очень счастлива, что я нахожусь именно здесь, потому что в Сибири такого угара шовинистического, по крайней мере, у нас, в Иркутской области, на моей памяти никогда не было.

Как Вам кажется, «сибиряк» – что это за общность?

Знаете, вот когда... просто пример такой, да, показательный. Мы просто живем, мы не ощущаем себя тем-то и тем-то. Не будем стоять и махать флагами – «я такой-то», ну если ты нормальный человек, психически адекватный, скажем так. И если ты в чем-то ушибен, то начинаешь размахивать каким-то флагом, пытаешься найти какой-то плюсики для себя.

Когда начинается «я – русский», и машет человек флагом, на мой взгляд, в Иркутске, по крайней мере, это вызывает смех. У нас тут есть нацболы какие-то, попадают еще, но как-то они не принимаются... наверное, потому, что здесь в Сибири понятие «чистокровное» очень трудно вычленишь. Потому что здесь такой конгломерат народов... Мой муж, например, – у него в крови украинцы, русские, немцы. Он себя ощущает абсолютно русским человеком. Его мама себя только русской ощущает, естественно, несмотря на немецкие корни. И вот для него – для человека, родившегося и выросшего на Украине – просто до сих пор обидно, что Крым отдали, это его огорчение главное в жизни. Они в Крыму студентами геологического факультета все практики проходили, и для них это просто родной край.

Родина практически.

Ездили, путешествовали по Крыму? Дивный край! Это просто боль моего мужа. Поэтому такой шовинистический угар какой-то, я думаю, в Сибири чужероден. Я не знаю, кем себя ощутить. Я просто живу – да и все.

Когда Вы говорите: «Я себя ощущаю сибирячкой» – это для Вас что значит?

Знаете, это ощущение причастности к чему-то глобальному и позитивному. Потому что когда мы ездили проводниками, студентами, мы ездили и через Среднюю Азию... Мы ездили поездами Иркутск–Адлер, Иркутск–Симферополь, Иркутск–Москва, Иркутск–Усть-Илимск. И люди, которые ехали... уже по европейской части когда едешь, когда местные пассажиры садились: или ехали в Сибирь в гости, или из Сибири возвращались на родину, очень многие говорили нам, что сибиряки сильно отличаются от европейской части России, и нам было любопытно.

А чем отличаются?

Говорят, насколько люди у вас открытее и щедрее, и проще, без какого-то местечкового чванства, или какой-то глупости, жадности, и так далее. Вот их поражала щедрость сибиряков. Я думаю, это можно объяснить.

Потому что здесь, на таких огромных пространствах люди без взаимовыручки, без поддержки и без какой-то открытости просто не выжили бы. Это я смотрю по истории своего рода – попадали в ссылку сюда, в чужеродную среду, люди, вырванные из родного контекста, не владели языком... Община, поддержка – вот что помогало людям прийти в чувство и стать полноценными людьми. Тем более что здесь никогда в жизни... все поскольку ссыльные, то на тебе клейма не было, что ты ссыльно-каторжный. Тем более что все мои родственники попали сюда не за уголовные дела. Про уголовщину ничего не могу сказать, не знакома.

Что для Вас более значимо, сибирячка или россиянка?

Знаете, поскольку я все-таки в чистом виде продукт империи, это я четко осознаю абсолютно, то для меня понятие «россиянка» – это первостепенно, понятие «сибирячка» для меня – уже вторично. Я себя чувствую по национальности сибиряком. И мы можем – если вот так порассуждать на досуге – мы можем себя реально как некую нацию вычленить. Потому что мы действительно ментально... Я езжу в европейскую часть, у меня там есть знакомые. Я, правда, живу в таком мире – интеллигентная среда, плюс среда геологическая, это друзья моего мужа. А геологи – это отдельный пласт тоже. Плюс мои друзья, подруги иркутские, перебравшиеся в Москву, – они ведь тоже по натуре... хотя, одна из Белоруссии попала сюда, много лет здесь прожила, потом уехала в Москву сейчас. Другая иркутянка, она из бурят. И мы ментально все одинаковые, одна среда.

Что одинаково?

Одна, скажем, режиссер на телевидении была, мы с ней в паре работали. Другая юрист, биолог по образованию, потом окончила юрфак, и прекрасный юрист, работает в Москве сейчас.

Какие характеристики ментальности общей вы можете перечислить?

Вот в той среде, в которой я обитаю – я живу в районе Академгородка. Вы сами живете в Академгородке, представляете. Это некая, скажем, определенная культурная среда, люди с высоким уровнем образования, широким кругозором, каждый, конечно, с индивидуальными своими прибабахами, это... ну, не без этого. У нас у каждого своя точка зрения, и мы будем стоять за нее насмерть. Даже со своим лучшим другом можем перецапаться из-за этого. Но, тем не менее, этот уровень интеллигентной, образованной, воспитанной культурной среды, в которой я обитаю, он меня абсолютно устраивает, и здесь я чувствую душевное равновесие. Я просто нашла свое.

Это что-то сибирское? В Москве другая интеллигенция или такая же?

Знаете, я не могу судить обо всей московской интеллигенции, потому что я общаюсь только с теми москвичами, с кем познакомил меня мой муж, а он учился с ними в МГУ. И это, опять же, геологическая среда, а геологическая среда сильно отличается. Нет, в Иркутске тоже среди геологов бывает что еще то... Но, как правило, геологи – это... Профессия накладывает отпечаток открытости, широты, умения... люди, скажем так, вынуждены уметь выживать в любой ситуации. Скажем, вот, например, были мы на Камчатке в полях, в экспедиции – это определенный уровень поддержки, помощи друг другу, и так далее.

Иркутск в этом плане замечательный край, у нас тут Олхинское плато, Саяны, Байкал, Хамар-Дабан – тут в выходные никто дома не сидит, все носятся где-то по горам, по долам. Мы всю юность провели по горам, по долам, в путешествиях, хотя бы даже путешествия выходного дня, или в экспедициях, и это неважно, кто ты, математик и так далее... – здесь все, ареал Академгородка – все выходные с рюкзаками. И мы тоже так провели всю юность и молодость. Поэтому это большой круг друзей, и определенный менталитет – бардовская песня, ясное дело, рюкзачок, песни под гитару, походы, какие-то тусовки, клубы самодетельной песни и клубы бардовской песни, определенный круг литературы – как в советское время было: Как? Ты не читал «Альтиста Данилова»? Все,

клеймо, тест не выполнен, ты не интеллигент. Некая, скажем, унифицированная среда, опять же. По некоторым признакам она типовая, ну, типичная.

Если пофантазировать, что сибиряк – это нация, то какие характеристики этой нации Вы бы назвали?

Ну, я не могу судить всех сибиряков, это же индивидуально, вот, допустим, я расту в этой среде, и в то же время – рабочая среда, вот вы в нее попробуйте погрузиться – это совсем другая среда, я с ней пересекаюсь, потому что у меня братья рабочие. Но другое дело, что это мои братья – у нас черты в семье такие – никто не жаден, не завистлив, всегда готовы помочь – это у нас такие родовые черты, всегда готовы помочь ближнему своему, независимо от того, родной человек, чужой человек, и так далее. И поэтому, возможно, просто когда ты несешь в себе такой определенный набор человеческих качеств, тебе везет попадать на таких же людей, потому что твоя открытость и твое желание помочь вызывают ответный отклик. И поэтому мне было всегда комфортно в любой среде, я могу найти общий язык с кем угодно, кроме какого-то жуткого хамства, или немотивированной какой-то... не знаю, безбашенной уголовщины.

Мои братья и сестры тоже люди общительные, активные, и тоже могут найти общий язык с кем угодно. У меня вот старшая сестра имеет медицинское образование, но большую часть жизни проработала страховым агентом. Это же нужны определенные качества – невероятная контактность, она Черемхово знает вдоль и поперек. У меня такое ощущение, что она знает весь город. Мой старший брат – сам застенчивый и деликатный, он всю жизнь работал только в среде железнодорожной, он мастер был потрясающий совершенно, на все руки. Слесарь, токарь, и так далее. Он умер – цех рыдал. К сожалению, у него был рак. Он был человек чрезвычайно деликатный, и очень похож на дедушку - мама говорит, такой же был тип. Он всю жизнь боялся кому-нибудь помешать своим существованием. Он нас всех вырастил, мы его в семье воспринимали лидером, хотя он по натуре не лидер. Он просто нянька, который нес эту ношу. И он даже не женился, потому что, видимо, мы его все так достали, что он свою семью не завел. Понятно, что, когда он заболел – мы все вокруг него, и сделали все, что могли. И вот он был таких качеств человек, что все его... вот на

похоронах, я не очень хорошо знала круг его знакомых, потому что... вся семья почти перебралась в Иркутск, в Черемхово только сестра старшая осталась со своей семьей, и вот в нашей семье мы привыкли к тому, что мы жили очень дружно – мама нас так вырастила, мы все очень дружные, и очень друг друга поддерживали и помогали. Но вот, скажем, сестры мои двоюродные говорят, что в их семье, например, было другое. Мать, напротив, разобщала их все время. А это были родные сестры – какие-то индивидуалы.

И вот в нашей семье мы всегда были готовы бросить все и побежать на помощь, это было для нас характерно. И, может быть, нам везет. Потому что я знаю, что для друзей я сделаю все. И я знаю, что если мне понадобится помощь – хотя я стараюсь не напрягать – что мне тоже всегда помогут.

При всей этой индивидуальности Вы говорите, что можно вычленить какую-то нацию сибирскую – как? Что-то же с ней ассоциируется? Культура сибирская есть какая-то?

Культура сибирская? Вот в последние годы... Знаете, в советское время все было общее-общее-общее, но тем не менее элементы шовинизма проявлялись, как правило, в среде... хотя, они везде проявлялись. Я помню, в Академгородке меня поразило, когда в 1990-е годы начались тусовки общественные, брожение умов и так далее. Я помню, что в Академгородке...

В нашем или в вашем?

В Иркутском. Был у нас такой потрясающий епископ Хризостом, его потом перевели куда-то в европейскую часть или даже в Прибалтику, а нам прислали владыку Вадима. Церковь я терпеть не могу во всех ее проявлениях, это какая-то искусственная надстройка, мы по натуре – счастливые безбожники, продукты советской эпохи, и на том стоим до конца. Так вот, епископ Хризостом был сам по себе потрясающая личность, невероятно умеющий объединять. И он в Иркутске для популяризации церкви сделал невероятно много, потому что влияние личности, масштаб личности был такой... И вот когда были всякие дискуссии и диспуты на предмет путей развития страны – мы же меньше-то мыслить не можем никак, мы же имперские продукты, нам все

государство подавай, в нас это четко сидит, на мой взгляд. Так вот, в Академгородке была такая дискуссия, и Хризостом был, и там передо мной сидел такой ученый, классический еврей по типу, крупный. Вальяжный, красивый мужчина, уверенный в себе. И вдруг за моей спиной змеиное шипение раздалось двух ничтожных совершенно теток – «евреи, жида, что-то там такое». Я обомлела. Я такого в жизни не слыхала. И я увидела, как этот человек стал съеживаться, прямо в кресле, у меня на глазах. Он просто обтек. Я была потрясена, до глубины души, я такого никогда до этого не видела, вот такого шовинизма в академической среде. По крайней мере, тот круг, в котором мы общаемся, как-то от этого далек. Я говорю, это, опять же, определенная группа, культура, тем более, что среди наших друзей – еврей ты, не еврей, это никого вообще не колышет. Когда встречаешь такие примеры негативного чего-то – хочется от этого отречься и сказать, что ты не сибиряк.

А, в этом смысле...

Да. А вот в целом... наверное, чтобы оценить в общем, надо отстраниться и вдалеке побыть от этого. Большое видится на расстоянии. Когда ты живешь в этой среде – трудно отстраниться, ты просто живешь.

Но Вы бывали же...

Ну, я бывала, но я подолгу... А, ну Средняя Азия-то да, но там я попадала в такую же среду. Средняя Азия советского периода – это невероятно открытая среда. На Иссык-Куле те же киргизы – невероятно открытые люди, которые всегда были готовы помочь. Как бы я там себя противопоставляла – стою такая маленькая, да? Я пыталась от нее отрешиться, но без помощи тех же наших соседей, замечательных людей, мы бы просто там не выжили.

И когда моя сестра, уже будучи взрослым человеком, после аспирантуры, поехала посмотреть, где же мы там жили-то – ее ж совсем маленькую увезли – она поехала посмотреть, что ж такое там за село Дархан, а соседи ее узнали, хотя прошло уже столько лет. Они там готовы ее были просто облизать, обцеловать, и она говорит, они опоздали там на какой-то транспорт, они там путешествовали по Иссык-Кулю. Ты можешь постучать в любой дом – тебе откроют и приютят на ночь.

Я помню, в детстве мы ходили в соседнее село, в школу. По вечерам же в горах темнеет рано... Дети могли нас обидеть – но это дети, это другое, конфликты там на уровне подростков и так далее. Взрослые – никогда. Маме в голову не приходило за нас беспокоиться. Мы ходили через перевал горный в соседнее село. Что люди могут причинить зло – такого не было никогда, вот на моей памяти, сколько мы там жили – никогда не было каких-то проблем с каким-то насилием над детьми. Семьи были многодетные, как правило. А вот когда в Ферганскую долину попали – там этот раздрай между узбеками и киргизами... Киргизы относились очень хорошо к русским, а узбеки – нет. Вот такой шовинистический угар... узбеки всегда были... Их национальность называется «ёз бек» – сам себе господин. Ёз – это «сам», а «бек» – князь, господин. И вот этот настрой узбеков... хотя там тоже люди разные, мы встречались с разными людьми. Поэтому сказать, что есть что-то такое вот, как сказать, общее – не знаю, когда смотришь «оттуда» – все кажется прекрасно.

Мы живем в Сибири; если взять город Черемхово – это город ссыльных. В советское время все уголовное отребье туда ссылали. И получалось так, что в целом мы живем там все вместе, все прекрасно, но в вечернее время лучше на улицу не высываться. Потому что уголовная среда не вся перемалывается, и были совершенно дикие какие-то истории убийств, ...понимаете, но как-то так, видимо, человеческая память устроена, что помнишь больше светлое, хорошее. Я помню первомайские демонстрации на Исык-Куле – это такое для нас было счастье, праздник. Так что, то что вы пытаетесь от меня добиться, я не могу однозначно сказать.

Перепись у вас была? Приходили к вам переписчики?

Ну да, конечно.

Какую национальность вы указали?

А у нас не спрашивали. Во всяком случае, я не помню.

Что бы вы написали?

Ну, в паспорте я всегда писала себя татаркой. А татары в Сибири полностью идентифицируют себя с русским населением.

«Сибирячка» могли написать национальностью?

Да, запросто. Но так как я продукт имперской эпохи, то для меня больше россиянка. Вообще я, конечно, советский человек. Самое, наверное, точное для меня назвать себя советский человек. Потом уже россиянка, потом сибирячка, и в последнюю очередь я назвала бы себя татаркой.

Сибирь где начинается, где кончается?

От Урала до Дальнего Востока. Дальний Восток – это тоже Сибирь, немного более отдаленный, но тоже Сибирь.

Есть в Сибири специфические региональные проблемы?

Так... Проблемы экологические – понятно. Сейчас стало может полегче, потому, что заводы химические позакрывались. С одной стороны, на экономике это сказалось не очень хорошо. Но дышать стало легче. Ангарский нефтеоргсин как-то очень скукожился. Гигантские площади освободились, там теперь только редкие трубы дымят. Потом в Усолье химвром тоже практически умер, осталась минимальная часть, воздух очистился серьезно и стоков меньше в Ангару... бедная Ангара, до Иркутска еще ничего, после Иркутска полный кошмар начинается.

Дальше, в Свирске, проблема – в давние времена там был завод, который использовал ртуть, местные жители стонут, там очень высокий процент онкологических заболеваний. А никак не могут разрешить, все время у государства не хватает денег, чтобы там почистить территорию. И там стоки ртути, они уже как залежи теперь, можно добывать.

Дело в том, что советская эпоха прекрасная, нет слов, для нас она тем более еще и родная, но я сама работала на нескольких предприятиях и знаю, что состояние техники безопасности было нулевое. Всем было на нее по барабану. В том же Усолье, мне рабочие рассказывали, ртуть лилась рекой, они ее ладошкой зачерпывали...

Это местные проблемы?

Нет, это не местные проблемы, это глобальные проблемы, это в целом политика государства: полного, тотального наплевательства. Про те же стоки в Ангару те же ученые Института геохимии

прекрасно знали, они много лет названивали, реакции никакой. Все советские годы.

Когда уже экологическое брожение в обществе набрало какой-то размах, тогда уже ртутный способ обработки на усольском комбинате закрыли, и другие производства переориентировали.

Это благодаря гражданской активности?

Да, это вот в 1990-х годах, когда народ поднялся, когда гражданское общество себя ощутило какой-то силой и чего-то там добилось, сейчас его опять приглушили.

Потом Байкал, в 1990-е в Иркутске многие объединились вокруг борьбы против трубы.... Предполагалось стоки БЦБК (Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. – А. А.) пустить в Ангару. Но тогда вот как раз брожение... и общество «Байкал» боролось против трубы, добилось, и у нас тогда появилось общественная организация «Байкальская экологическая волна», которую, как это ни смешно, создала англичанка. Вот тогда экология людей объединила. Но последние годы ... – настолько наплеватьство. И вот товарищ П. резко сразу упал в глазах иркутян, и в моих лично он перестал быть авторитетом, когда он на аппарате «Мир» погрузился на дно Байкала и визуально, через стеклышко оценил, что все в порядке.

Получается, что это вопрос риторический – помогает ли Москва решать Сибири ее проблемы?

Понимаете, она иркутской области сейчас мешает категорически. Везде насаждаются интересы олигарха Олега Д. Ради того, чтобы он смог продать активы БЦБК на гонконгской бирже, даже возобновили производство, хотя завод был уже закрыт. И местное население уже сумело как-то адаптироваться, найти себе работу, какой-то частный бизнес уже начал развиваться, разбежались уже создавать курортную зону, потому что там же прекрасные условия для горнолыжного спорта, там же гора Соболиная. Но там же дышать нечем было, когда комбинат работал. Когда его закрыли, все вздохнули с облегчением. Да, побунтовали рабочие немного, но там вредное производство, зарплаты мизерные. И начальству плевать на этих рабочих с высокой колокольни. Ради того, чтобы этот Д. получил прибыль, запустили завод, нырнули, сказали, что все в

порядке, и запустили завод. Потом он его передал другой фирме и на нее повесил долги за зарплату рабочим, которые он выплачивал, и теперь с нее их требует по суду. Нормально, да? Владелец завода.

Эти все производства местные?

Они давно уже находятся в частных руках, деньги от этих производств идут в оффшоры, здесь остается мизерно мало. Ну это же понятно, что политика государства какая – все затраты на образование, здравоохранение повесить на местные бюджеты, а все налоги доходные отправляются в метрополию. Почему в сибиряках еще растет протест, такой рост протестных настроений, потому что Сибирь оголяется. Куда ни сунься... образование доведено до ничтожности, более того, сейчас еще начинается рейдерский захват вузов.

Вот история с Иркутским педуниверситетом. Здание шикарное в центре города, ректор, на редкость честный, у него самого ничего нет, за 16 лет превратил вуз в конфетку, были полуразрушенные исторические здания в центре города, а теперь такой цимес... и набережную сделали шикарную. И зарплата у них самая высокая по вузам.

Так вот, губернатор Мезенцев привез из Питера своих министров, и они, воспользовавшись перевыборами ректора, с помощью местных подручных пытались вуз этим летом захватить. Здесь были такие митинги и протесты. Это редчайшее явление, чтобы сотрудники вуза так защищали свой вуз и ректора своего.

Случись такое с тем же политехом – ни один человек бы не вышел защищать, потому что у ректора там зарплата миллион рублей, а у доцентов со степенью – 15.

А в «пед» – у ректора зарплата стандартная, как назначило министерство, зато у доцентов зарплата – 30-35, у завкафедр 40-45.

Я в Интернете читала, что в Иркутске наиболее радикальные настроения по поводу независимости Сибири, вплоть до отделения. Как у вас с этим?

Это маргинальные настроения.

Что может помочь эти проблемы решить?

Я, со своей точки зрения, предполагаю следующее: с одной стороны, сибиряки психологически – типично русский продукт. У них очень сильно развиты центростремительные настроения. Иначе Сибири как части империи не существовало бы. Меня эти вопросы сильно интересовали, и я не могла никак понять, почему даже во времена царя Алексея Михайловича – ну перевалили эти люди через Урал, и вместо того, чтобы создать свое какое-то государство, княжество или свою вольницу и жить там, они бьют челом и волокут ясак (оброк. – *А. А.*) русскому царю. Ну ладно, это еще ничего, но когда в течение 100 лет русские первопроходцы добираются до Камчатки и оттуда! Бьют челом и волокут ясак... Вот это поражает. Когда есть возможность что-то создать... нет. Ведь такие расстояния...

... Вот это, понимаете, центростремительные силы русского государства сохраняются. Это наследственный что ли какой-то дух, дух построения империи, он сохранился.. Поэтому я думаю, что эти все разговоры про автономию – это все несерьезно. Метрополия осознает, что если она будет и дальше так вот манкировать, то... революция всегда начинается с малого, эти настроения просто будут укрепляться, и в конце концов Москве покажут дулю и скажут: «Ребята, все, мы самостоятельные, а подите вы все...», в конце концов, ресурсы-то все у нас. Почему мы должны все время всем кланяться и тем более отдавать Москве. Я думаю, что, невзирая на эти вот внутренние качества, буйные все же проявятся какие-то, и попытка отделиться от метрополии может... по крайней мере, ею будут спекулировать. Пока что метрополия ведет себя совершенно хамски по отношению к территории Сибири.

Нет, не надо никакую автономию. Нужно баланс политических сил в стране менять. В конце концов у нас федеративное государство, в котором у всех субъектов федерации равные права. И почему мы должны снимать с себя последнюю рубашку ради того, чтобы первые лица страны вольно распоряжались бюджетом. Вот поэтому нужно четкое выстраивание баланса политических сил, чтобы субъекты федерации имели реальные права, мы могли реально выбирать власть. Ну смешно: сейчас в иркутском парламенте, пусть даже он декоративный, парламент превратился в игрушку, но тем не менее, Иркутскую область будут в нем

представлять НЕ-жители Иркутской области. Получается, что нам навязывают такое представительство. Реально выборов нет никаких. Тебе присылают товарища и говорят, что вы его должны избрать. Вот такие вещи уже достали. Даже на муниципальном уровне ты уже не можешь... ты здесь живешь, радеешь за территорию, чувствуешь, что у тебя есть силы, организаторские способности, и хочешь баллотироваться. Но ведь этого сейчас совсем нет. Вот начальник велел...

Понимаете, мы люди далекие от политики, но если ты не занимаешься политикой, то она тобой займется. Вот в Сибири народ еще простодушный такой и терпеливый очень, по принципу – да ладно, как-нибудь все разрешится; да ладно, как-нибудь переживем, но рано или поздно терпение-то кончается.

ИНТЕРВЬЮ 3 (экспертное интервью, Новосибирск)

ИНТЕРВЬЮ С ЭКСПЕРТОМ¹⁶.

Информант: А., м., 33, Новосибирск.

Интервьюеры: Алла Анисимова, Ольга Ечевская

Дата и место проведения интервью: Новосибирск, 4 февраля 2012 г.

Продолжительность интервью: 1 час 30 минут.

Для начала расскажи о себе: как зовут, где родился, чем занимаешься, где учился...

Меня зовут Антон, я родился в Новосибирске в 1979 году. Учился в НЭТИ (сейчас Новосибирский государственный технический университет. – *О. Е.*), потом немножко поработал в Новосибирске, потом уехал в Японию, пять лет, почти шесть, там прожил, и вот в мае приехал обратно.

Чем в Японии занимался?

Сначала работал, а потом у меня был свой бизнес. Ну, а теперь вот вернулся, и теперь у меня тут свой бизнес.

Интересно. Там в какой области бизнес был?

Там был картографический бизнес, мы делали карты и всякие информационные приложения для навигации, логистики...

¹⁶ С информантом познакомились на одном из митингов в г. Новосибирске. Среди митингующих была группа активистов сибирского движения (что было очевидно по бело-зеленому флагу Сибири, с которым активисты пришли на митинг). В разговоре выяснили, что Антон – коренной сибиряк, много поколений его родственников живут в Сибири, среди них есть чалдоны, что важно для самоопределения. О некоторых фактах биографии информанта (семейная история, участие в акции «Я – сибиряк») мы узнали из предварительного разговора, поэтому в интервью они озвучиваются как уже известные нам «заранее».

С образованием связано?

Да, конечно. Мне пришлось уехать...

Пришлось?

Да, по семейным обстоятельствам.

Понятно. А семья – жена, дети?

Жена, детей нет пока.

Про родителей тогда расскажи – где родились папа, мама...

Если вы корнями интересуетесь... то у меня по маминей линии очень много поколений в Сибири живет, по папиной линии – моя прабабушка и ее семья – столыпинские переселенцы.

Это известно от папы?

От бабушки.

Куда они переселились, в какой район Сибири?

Они жили на Алтае, а потом... проехали по всей стране, на самом деле.

Откуда приехали в Сибирь?

С Вятки откуда-то.

Из Центральной России на Алтай?

Да.

Подробно бабушка рассказывала про родню?

Да, у меня там всякие двоюродные прадедушки-прабабушки, но они уже, конечно, умерли все, их там было по 12 детей, крестьянская семья, в селе.

Село на Алтае?

Село Тальменка.

Это известное, старинное село. Это по папиной линии?

По папиной. А по маминей я не очень хорошо знаю, мы просто с родней не очень часто общаемся.

Ты сказал, они чалдоны.

Ну, чалдоны, да, в том числе. Да, я, собственно, от мамы и услышал первый раз это слово.

Ну и кто это чалдоны, как мама говорила?

Ну, она говорила, что это «человек с Дона», потом говорила, нет, конечно, неправильно, это просто самоназвание другое, ну, в общем, известная история.

Так, а мама где родилась?

Мама тоже в Новосибирске родилась.

Ее предки приехали...

Они из сел все, из разных.

Новосибирской области?

Да. Ее мама – бабушка моя – и вся ее семья до сих пор живут в селе, а кто-то в городе, кто как.

В селе здесь, у нас, неподалеку? В Восточной Сибири нет никого?

Нет, в Восточной Сибири нет. Все в Западной.

Просто чалдоны обычно родом из Восточной Сибири... мы, по крайней мере, так думали. Или не обязательно?

Нет, не обязательно. Наоборот, Западная Сибирь – это же старая Сибирь, где там Верхотурье, Тюмень, все это.

Понятно. Значит, старая Сибирь у нас? А папа в Тальменке родился или уже в Новосибирске?

По-моему, он уже в Новосибирске родился, но они ездили, когда я был маленький, все время в Тальменку.

А ты уже не ездил?

Нет, я уже не ездил, потому что уже и прабабушка переехала сюда, и вся семья уже здесь, в Новосибирске, жила.

А в других городах или регионах России есть родственники?

Да, конечно. Ну, в Москве, например, Еще... я затрудняюсь сейчас сказать, потому что те родственники – они уже пожилые или умерли, уже давно от них вестей не было.

Не поддерживаете отношения?

Нет. Моя бабушка тоже умерла, вот в прошлом году только... К сожалению, мы не очень... ну, как-то потерялись. Пытаемся найти, да и надо бы, конечно. Я про фамилию-то все знаю...

С кем-то поддерживаете из родственников отношения сейчас, ездите в гости или они к вам?

Нет, так не поддерживаем. С гостями почему-то... мы не гостим.

Ездить много приходилось – по России, по Сибири?

Ну, я был только в Омске, Томске – из сибирских городов. И... еще где-то. Ну и по области по нашей довольно много ездил. Я сам живу в селе на самом деле, село Кубовая, на север немножко.

Это здесь недалеко? Сколько километров?

Это 35 километров от города.

Понятно. А когда туда переехали?

Ну вот как приехали сюда, вернулись из Японии, так и переехали.

Сами решили?

Нет, не сами решили. По семейным обстоятельствам. Хотя я, на самом деле, очень хотел.

Жить в селе?

Ну конечно.

Почему?

Ну, потому что город мне не нравится.

Почему не нравится?

Потому что это город. Нет, Новосибирск нравится, но урбанистические все вот эти вещи – транспорт напряженный... Но людей-то у нас тут немного как раз. Но мне природа нравится, нравится свой дом, нравится, что у нас снег чистый, очень белый, в отличие от города.

Ясно. А жена чем занимается?

Жена пока ничем не занимается.

В Японии она с тобой была?

Да, конечно.

Где еще кроме Японии ты за границей бывал?

Да, сейчас посчитаю: я был в Сингапуре, Индонезии, Южной Корее, Китае, ЮАР, Австралии, Испании, Канаде... чего-то еще забыл. Ну, в Японии, разумеется. Все вроде.

Когда там спрашивали, откуда ты, что отвечал?

Сибиряк.

И они понимали, что это значит?

Кстати, удивительно, на самом деле, понимают, особенно... Как сказать, у меня почему-то так повелось, что большинство стран, в которых я был, это бывшие британские колонии – ЮАР, Канада, Австралия, и они понимают. Прошло всего 50 лет, с тех пор как люди стали говорить «я – австралиец», раньше говорили «я – англичанин»...

Они знают Сибирь?

Они знают Сибирь, они знают даже историю Сибири лучше, чем, например, нынешние сибиряки.

Что они знают? Сибирь – это что для них?

Ну, у них, конечно, все в стереотипах: Сибирь – ГУЛАГ, мороз и все такое, но, тем не менее – вот, Сибирь, российская колония.

Российская колония – так и говорят?

Так и говорят, да.

Это что за люди, интересно? Просто часто говорят, что многие иностранцы вообще не знают слова «Сибирь».

Нет, канадцы очень хорошо знают.

Кто они – средний класс, образованные люди?

Да, я с профессионалами общался, в своей профессиональной области, и они...

Картографы?

Не только картографы – бизнесмены, предприниматели, инженеры – они знают, тем более канадцы. Канада же практически та же самая Сибирь. Только с другой стороны. Она ТОЧНО такая же.

Точно такая же?

Точно такая же. Природа точно такая же, зверье там, растения, люди даже такие же, антропологически похожи. У них есть такие же «севера», как у нас, – куда люди ездят туда-сюда, такие же города, так же одеваются, скажем, если зима – вот как мы сейчас, в пуховиках. Я был в Ванкувере и в Виктории, это остров – Ванкувер. Делал там фотографии, показываю – знакомый говорит: это что, в Новосибирске, что ли?

Показываешь Канаду, а думают, что Новосибирск?

Да, я показывал Ванкувер, а думают, что Новосибирск. Например, я осенью был, там красивая аллея такая, с опавшими кленами, он говорит – это где у нас такое? Я говорю – это не у нас...

Не приходилось объяснять, что такое Сибирь?

Ну, почему, было. Азиаты, кстати, тоже знают про Сибирь, но они знают Транссибирский экспресс, это у них у всех мечта – прокатиться на нем, потому что у них там такая плотность большая, что, в общем, их очень занимает идея несколько дней провести в поезде. Кушать, смотреть, как все меняется... Я говорю: ребят, там

ничего не меняется! Все то же самое! Ну что вы хотите увидеть? Они говорят – нет, нам интересно. Да там же на второй день уже «выпустите меня!» начинается. Но вот все равно у многих японцев мечта такая – Транссибирский экспресс. Ну и соответственно отношение к Сибири такое же.

Какое?

Ну, что это огромные просторы, они, кстати, очень хорошо ездят в Восточную Сибирь, у них в последние несколько лет начались экскурсии, на Байкал, на Алтай даже, они ездят, они знают, им очень нравится, дикая природа... Восточная Сибирь – где горы, где озера, она очень... нет, не очень – немножко напоминает Японию. Таковую, Японию лет 80 назад, до урбанизации. И вот им очень нравится.

Что они про Сибирь думают?

В смысле – думают? Японцы вообще про остальной мир не очень сильно думают. Что видят, то и думают.

Азиаты не говорят, что Сибирь – это колония России?

Нет, они не очень себе представляют вообще наше устройство, у них вообще все другое, и они как-то...

Не особенно интересуются?

Ну, не то чтобы не особенно интересуются, они просто не представляют ни нашего устройства, ни какие у нас отношения городов друг к другу, регионов друг к другу – они не представляют. Думают, что Россия – это что-то монолитное, и даже не могут представить себе такие масштабы, потому что просто такими масштабами мыслить не умеют. Они вообще не умеют мыслить большими масштабами – у них там, допустим, есть инструкция, как вести себя при землетрясении. И там написано: выбежать на открытое место, например – поле для гольфа. У них нет просто поля... Мне рассказывали, что у них просто агорафобия начинается, когда их везут из одного города в другой, допустим, из Новосибирска в Томск, на машине, они пугаются посередине, что они едут, едут, едут, а вокруг ничего нет. Неуютно себя чувствуют.

Все должно быть как-то освоено, устроено?

Да, устроено должно быть, использовано, что ли. А многим и нравится именно из-за этого, потому что дикость, дикая природа, устают тоже от такой цивилизованной жизни.

Отношение к тебе, когда говоришь, что ты сибиряк, как-то меняется?

Как я сказал уже, например, канадцы – их забавляет, они говорят: о, сибиряки вспомнили, что они сибиряки, и все такое. Ну, а азиаты – как, некоторые вообще путают. Я же по-английски с ними общаюсь, так вот Siberian и Serbian... для них очень похоже звучит. Начальник мой, японец, например, присылал мне всякие новости про Сербию. Ну или, например, я прихожу утром на работу, а он спрашивает, какая сегодня температура в России.

В России? Да уж, это показательно.

Да, показательно... А они же еще понимают почему – потому что у них у самих очень развиты вот эти региональные особенности. И у японцев, и у европейцев... У японцев так вообще Канто и Кансай – это как две разные страны, и в культурном плане, и в мироощущении, и вообще – совершенно. И это нормально. Японец и кансаец в то же время. У них свой диалект, они... воспитывают, они его сохраняют, у них он на телевидении, на радио, в газетах, на слух – если человек говорит на кансайском диалекте – ну, значит, всё. Ну, друг над другом подшучивают, конечно, что кансайцы такие торгаши, а из Канто – они скупые... С Окинавы – они вообще другие, на Хоккайдо четвертые совсем. Говоришь – сибиряк, они: ну да...

Какие они, сибиряки? Просто чтобы закончить тему. Вот ты говоришь – канадцы похожи на нас, и так далее. А можно выделить общие черты сибиряков, что их отличает от «несибиряков», например, внутри России – есть какие-то особенности?

Ну, во-первых, даже зафиксировано, что есть особенности антропологические, на самом деле. Вы будете смеяться, но есть

монография, называется «Русские»¹⁷, и там все антропологические типы России перечислены, и там прямо сделан вывод о том, что сибиряки уже во втором поколении приобретают специфические черты – у них более крупные черты лица, у них там какое-то отношение лица к остальному...

Это не Казначеевские вот эти...?

Нет-нет-нет, это издание Академии наук, я просто не помню выходные данные. Но я бы не сказал, что я увидел – и сразу отличил. Но то, что у нас люди предприимчивее, у нас вообще «махновщина» – каждый сам за себя, и, в общем, с одной стороны, есть солидарность, и землячества даже есть, сибирские землячества в Санкт-Петербурге, например. А с другой стороны, как говорят, на два человека три мнения...

Да? У сибиряков так? А «махновщина» – что, склонность к анархизму, хочешь сказать?

Ну, к анархизму, к само-... этому... как сказать... ну, к большей самостоятельности, наверное. Ну, привычка рассчитывать на себя – если на себя не рассчитывать, то в Сибири долго не проживешь, это везде ощущается, да. Где-то – на два человека три мнения, каждый знает, что точно делать, и бывает сложно договориться. Все точно знают, что нужно делать, и делают себе спокойно, каждый свое. По отдельности получается, в общем, неплохо, но вместе часто не очень хорошо получается.

¹⁷ Видимо, речь идет о монографии Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая: «Русские». – М.: Наука, 1999. - 828 с., илл. В ней, в частности, в разделе «Русские Сибири» описан антропологический тип сибиряка: «Русские Сибири, несмотря на то что они пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и его частей: скулового и челюстного диаметров, высоты лица и носа. Размах колебаний признаков в сибирских группах в полтора раза меньше, чем у русских Европейской части страны». Полный текст монографии доступен здесь: <http://www.booksite.ru/fulltext/rus/sian/index.htm> [дата обращения 18.08.2012].

А где люди другие?

В Москве другие, в Питере другие, я не знаю, какие – другие, и все, я же не ходил специально, с целью узнать... В Москве сложно сейчас сказать, там же «понаехало» тоже со всей России, такой собирательный срез, то есть нельзя сказать – во, москвич. Скажешь москвич – а он из Тюмени. Вообще, их принято ругать, но я ничего про них не скажу, потому что, я думаю, уже москвичей таких, в пятом поколении, не осталось, уже все равно большой плавильный котел. Питерцы другие, они более отзывчивые, они, наоборот, солидаризируются по любому поводу, особенно если примешано, там, питерское что-то, какой-нибудь питерский бренд – то всё. Менее подозрительны, чем сибиряки.

Подозрительные?

Конечно, сибиряки подозрительные! В хорошем смысле подозрительные, просто, может, не такие доверчивые, не такие простодушные. Ну, мне сложно говорить про такие городские прям особенности, потому что обобщать – это не очень хорошо.

Как ты стал активистом движения «Национальность – сибиряк»? Как это все началось?

Ну, началось, наверное, с того, что я начал ездить по разным странам, и смотреть как устроены государство и общество в других странах, и увидел, что все устроено совершенно по-другому. Что у нас все начинают не с того конца, все строится «сверху», а в тех странах, которые мне лично симпатичны, все, наоборот, строится «снизу». В основе лежит политическая нация. Тут бы мне примкнуть к русским националистам, которые говорят о том же самом, но я не верю, что можно построить русскую политическую нацию. Не верю и всё. Почему? Потому, что когда им говоришь: что такое «русская политическая нация?» – они повторяют определение, которое придумали господин Сурков с господином Путиным – многонациональное, там, и вот это самое всё, потому что если они начнут загибать телегу про этнические моменты, их сразу погонят. Поэтому сейчас они говорят: русский – это мироощущение. Ну, ребята, тогда это то же самое, что одни называют «россиянин», а другие вот – «русский». Я не верю, что у меня полностью совпадают интересы, ну, например, с другими

россиянами, дагестанского происхождения, или даже, скажем, Ростовская область, и Мурманск даже. Я не верю, что проблемы совпадают настолько, что на них можно построить одну нацию. Не только по климатическим и демографическим признакам, но и ... просто – зачем она нужна, одна вот такая вот нация, которой на самом деле нет? Ее нет по каким-то объективным причинам, по моему – совершенно очевидно. И, думаю, строить ее – дело безнадежное.

Политическая нация – это... осознание общих интересов и коллективные действия по их реализации?

Да, именно.

Какие у сибиряков тогда интересы? В чем общность сибиряков как политической нации?

Прежде всего – в схожести их проблем и в природе этих проблем, многие из которых можно решить только коллективно, только методом общественного договора.

Какие, например?

Да все! И транспортные, и энергетические, и финансовые, и культурные проблемы, которых сейчас накопилось.

Это о чем?

Просто тот культурный вакуум, который существует в Сибири...

Культура – в узком смысле слова? Театры, кино?

Нет! Культура в смысле широком, культурологическом. Ну, вакуум – вон люди подходят и спрашивают: «А что это у вас за флаг?». Сейчас в школах дети как изучают историю: знают все про Рим, про Карфаген, знают про чуму в Европе, знают всех московских царей и могут перечислить от и до, но о Сибири не знают ничего, не говоря уже о том, как флаг Сибири выглядит. Когда им объясняешь – они начинают спорить, не верят, кричат «вы придумали, это “фоменковщина”» на полном серьезе. Люди не знают истории своего родного края, сибирских песен, сибирского говора... Нас все время шпыняют за сибирский говор, что мы его

пытаемся возродить. Так, ребята, слова есть, а пользоваться ими нельзя?

Ты Сибирскую Вольготу имеешь в виду?

Ну и Золотарёв с его сибирским говором, я не знаю, за что вешают на него собак, он взял, на самом деле, просто словари говоров, есть словарь говоров русского языка, есть словарь... в Томске вышел двухтомный словарь сибирского говора. Он просто взял их, взял грамматические нормы, которые до сих пор используются, перфекты, например, до сих пор используются в деревнях, времена те же...

Например?

Ну, например, «я поемши», «поспавши», и все такое – это до сих пор используется. Вот как – грамматические нормы есть, а использовать их нельзя – почему? Почему баварцы говорят на своем баварском диалекте, а сибиряки не могут? То есть, я понимаю, это все коммунисты вытравливали, унифицировали язык, и все такое, но все, ребята, коммунизм закончился, давайте вспоминать. Говорят, что вы придумали тарабарщину. А какая тарабарщина – я еще с детства помню эти слова, их используют и сейчас, у нас в деревне говорят...

Это не деревенское, а именно сибирское?

Оно, конечно, деревенское, потому что все-таки культура сельская, городская культура в Сибири появилась только при Советах. Конечно, это сельский лексикон, конечно с технологией – с этим, с круговоротом связано – конечно, с сельским.

Проблемы экономические, ты говоришь, – в чем их-то «сибирскость»? В чем отличие от других регионов?

У нас сейчас, на самом деле, со всеми регионами, и тут я не выделяю Сибирь совершенно, одна проблема – жуткая, совершенно безумная централизация всего на свете. И такую проблему нужно решать, конечно, сообща. Потому что я такой централизации вообще нигде не видел. Вот вам, например, нравится вот этот памятник, который стоит на площади Ленина? Никому не нравится, а убрать его нельзя потому что это памятник федерального

значения. Москвичи лучше знают, нужен нам памятник на площади или не нужен.

Была совершенно дикая история, например, с каким-то лекарством от клещевого энцефалита, когда распределяли его по регионам... ну, Минздрав в Москве. И в Омске, где дофига энцефалита, этого лекарства не было, а в Европейской части, где энцефалита нет, это лекарство было. Потому что так распределили в Москве. Я не говорю уже про бюджет!

На самом деле, я тут не поддерживаю областников, я даже с ними дискутирую. Что они делают – они пытаются шантажировать власть сепаратизмом. Вы нам дайте денег из бюджета, а то мы отделимся. Этого делать... Я, конечно, сильно против этого, это глупо и ни к чему не приведет, кроме как к озлоблению, и к... соответствующему отношению. С клянчением денег из бюджета я не согласен совершенно.

Какова тогда твоя позиция?

Должна быть децентрализация, как в Соединенных Штатах, как в Германии...

Конфедерация?

Ну, почему конфедерация. На самом деле все... очень сложно объяснить, я не знаю, где проходит граница между конфедерацией и федерацией. Вот Соединенные Штаты Америки – это конфедерация или федерация? Вроде как федерация, а вроде как и конфедерация. И вообще, я не считаю, что территориальная какая-то проблема – она основная. Это неправда. Если мы завтра отделимся, это ничего не решит. Потому что те люди, которые сейчас управляют, вся структура управления, структура власти, структура общества останется прежней. Ничего не изменится – будет две маленькие России, три маленькие России, или две больших, одна маленькая... Это не изменит ничего. Пока не будет нормальной природы государства и структуры общества.

Ты согласен с тезисом о том, что в Сибири ресурсов много, они уходят, а возвращается только маленькая часть, как основной аргумент – мол, если отделяться, то это будет нам экономически выгодно?

Это неправда!

Почему?

Как – почему! Куда они сейчас уходят, эти ресурсы, как вы думаете?

В «центр».

А центр что с ними делает?

Перераспределяет в свою пользу?

Он их продает на Запад. Часть, конечно, будет здесь использовать, а часть продает на Запад. И если мы отделимся, они будут делать ровно то же самое. Будут использовать ту же самую инфраструктуру, но плюс к тому будут еще платить каким-нибудь там Залесью, и Ингрии, и Украине за транзит газа и нефти. Будет то же самое, это ничего не изменит. Потому что у нас решения принимаются все «наверху», мы с вами даже если что-то думаем или решаем, никого это не интересует. Люди «наверху» работают, а мы им мешаем.

Будет просто перераспределение в пользу других, скажем так, властных структур?

Разумеется.

А выход какой?

Ну я же сказал – политическая нация. То есть политический субъект, который ... сейчас им является Кремль, а должна являться политическая нация, народ, который на этой земле живет, хочет на ней продолжать жить, заинтересован в ее развитии в каком-то нормальном человеческом состоянии, заинтересован в будущем своих детей и готов предпринять что-то ради этого.

В существующих отношениях между, условно, центром и Сибирью – что не так? Или все так сейчас? Ну, кроме того, что

есть централизация, и понятно все про людей и политическую нацию, но можно было бы что-то поменять, скажем, во взаимодействии между Сибирью, которая, может быть, не очень близко...?

Ну, сейчас Сибирь – классическая колония, и ее жители, когда приезжают в метрополию – они поражены в правах. У них нет прописки, они не могут пойти в поликлинику нормальную, ребенка устроить в детский садик. Много людей туда приехало, сибиряков, живет там на съемных квартирах и не имеет никаких прав вообще. Конечно, это нужно менять. Я не знаю, нужно ли поменять именно это, и все станет хорошо. Или, мне кажется, наоборот – нужно выстроить какие-то здоровые условия для развития общества и нации, и тогда сама эта нация сможет и менять и создавать, и как-то...

Оказывать давление на власть?

Да почему, она и будет властью. Сейчас природа власти другая. Сейчас сидят люди «наверху», там пирамида своя, своя структура. И раз в четыре года они получают какой-то мандат доверия, ну, или как они думают. Мы им подтверждаем – мол, сидите дальше. А во всех нормальных обществах власть... Ну, это банально, все смеются, ха-ха-ха, власть принадлежит народу... Но почему конгрессмен в США, например, все делает с оглядкой на своих избирателей? Потому что избиратели – реальная власть, а он их представитель. А у нас наоборот – мы им как бы легитимизируем власть с какой-то периодичностью, и они там продолжают заниматься своими делами, а мы тут выживаем, как можем.

Если получится создать политическую нацию, то поведение людей «наверху» изменится само собой?

Почему?

Ну просто технически непонятно, как это будет осуществляться.

Интересно так вы говорите: «люди наверху». А откуда они там взялись?

Ну, видишь, они уже «взялись».

Не меняя систему – какую, которая прописана на бумаге, по Конституции, или которая сложилась?

Та, которая сложилась.

В Конституции-то все отлично, демократическое федеративное государство, а по факту – совсем другое. И вот менять в соответствии с чем, менять как? Это большой вопрос, на самом деле, я не могу его сейчас решить. Если бы я мог его решить, я бы, наверное, баллотировался куда-нибудь...

Хорошо. А если действительно консолидация сибирской нации происходит постепенно, люди действительно начинают себя осознавать единым целым, со своими политическими интересами? Но при этом, как ты говоришь, мы не отделяемся, власть остается в Москве. И что – мы предполагаем, что там, за Уралом, те же процессы идут, и люди консолидируются, и начинают себя политической нацией ощущать?

Да, смысл-то как раз в том, что это везде началось, всякие финно-угорские народы начали себя осознавать, даже, к примеру, меря, племя, которое уже вымерло 1000 лет назад – теперь вот мерянский национализм даже есть. Казанский национализм – он существует тоже... татар... ой, болгарский, извините, товарищи болгары, болгарский национализм – он существует давно и успешно, на самом деле.

Успешно в каком смысле?

Успешно в таком, что у них гораздо больше людей, которые осознают себя... кто татарами, кто булгарами – это уже их собственные проблемы, но тем не менее. То есть человеку не зазорно сказать: я – татарин или я – болгар...

Но смысл-то наверное не в этом или не только в этом – культура воспроизводится...

Именно в этом! Ну и, естественно, культура....

Ага, то есть сначала самосознание?

Вот смотрите: я сейчас говорю – я сибиряк. Это понятно. А человек говорит: я – татарин. И ни у кого это не вызывает никаких...

Что не россиянин и не условно русский, который, может быть, русский только по маме, а по папе татарин, но он выбирает...

Да дело не в том, по маме или по папе. Дело в том, что он говорит: я татарин. То есть, он признает себя частью татарского народа.

Он признал, и что дальше с этого начинается – татарин он, или сибиряк?

А это очень на многое влияет, на самом деле. Потому что человек уже начинает через эту призму воспринимать весь мир, политическую ситуацию, экономическую ситуацию и культуру – и свою, и место своей культуры и своего народа в мире, и мироощущение... Это не то чтобы сегодня я решил, что я буду татарин, и завтра начну что-то... Человек же как-то пришел к тому, что он татарин, он знает свою культуру, знает свою историю, ощущает себя частью татарского народа... были какие-то причины.

Как ты пришел к тому, что ты сибиряк?

Я уже немножко рассказал. И бабушка, и мне очень интересно было – сибирская история, это же совершенно... белое пятно.

Другие члены семьи кем себя считали?

Сложно сказать. Родители – нет, родители – советские люди, обычные. Бабушки, прабабушки – тут сложно сказать, потому что я с маминой стороны практически не знаю, а с папиной... Я знаю, например, что мой двоюродный прадед, который жил в Москве, брат моей прабабушки, наоборот, себя считал всю жизнь вятичем, потому что... он искал там свои корни, рыл, книгу хотел написать про это дело, но просто не успел.

Достоверно только ты себя сибиряком ощущаешь?

Да, я, наверное, первый, в первом поколении [смеется].

Кроме языка («поемши», «попимши») что еще – чтобы уже совсем уточнить – что такое сибиряк, что является основой? В случае с татарами, может быть, немножко проще...

А почему? А какая разница?

То есть никакой? Это и не в крови дело и ни в чем таком?

Да нет, не в крови.

Что же делает сибиряка сибиряком?

А что делает, не знаю, канадца канадцем? Кроме паспорта?

Территория?

Нет. Сначала появились канадцы, а потом появилась Канада, понимаете?

Вот даже как. Интересно. И что это тогда, если не территория? Самоощущение?

Самоощущение... сложно сказать, на самом деле, я в эту мистику не верю, про то, что есть какие-то интересы крови – это все мистика. Но есть же вот: люди собираются по всяким разным интересам – хобби, клубы какие-нибудь, не знаю, фанаты какой-нибудь группы собираются, потому что у них есть какая-то общность интересов.

И так же сибиряки?

Так же любая нация, на самом деле.

Например, я родилась в Москве, приехала в Сибирь, скажем, в семилетнем возрасте, в школе начала учиться... вот я сибиряком стану?

Откуда ж я знаю! Почему вы меня спрашиваете, я что, комиссия по сибирячеству?

То есть начну ощущать – стану. Не начну – не стану. Неважно, где родился, неважно, какая кровь...

Да. Но все-таки я думаю, что человек, который больше пожил здесь, у которого здесь корни, просто более предрасположен.

А культура, сибирская культура...

Ну конечно есть!

Какие ее основные ценности ты можешь назвать?

Сибирской культуры одной как таковой нет. Она не монолитна. Это и каменщики, и чалдоны, и всякие разные сибирские народы...

Сибирские народы и коренные сибиряки – они этнически другие?

Да, этнически другие. Потому что очень много сибирская культура от них переняла, начиная от кулинарии и кончая материальной культурой. Верхоустинцы, например, тоже сибиряки, хотя они, наверное, обидятся.

Традиционные сибирские культуры – это плавильный котел, из которого...

Да, из которого сформировалось... у меня даже есть сообщество в жежешечке про сибирскую культуру, я там пытаюсь все-таки вычленить сибирскую культуру от всех прочих.

Это какое сообщество?

siberia_culture, но, к сожалению, мне некогда им сейчас заниматься.

Есть же real_siberian, и вариации, это другой народ? В исторической перспективе современная сибирская культура есть?

Конечно.

Опиши, пожалуйста.

Прежде всего – сибирский рок, это, между прочим, мировое явление, его все знают. Есть английский рок, а есть сибирский рок, он другой. Артем Лоскутов уважаемый, Костя Еременко, современные художники. У них другой взгляд совершенно, они отличаются, скажем, от пермяков или от питерских художников. Хотя на питерских немножко похожи. У нас всегда были отличные поэты, в том числе песенные, Летов тот же самый, и сейчас есть много всяких ребят. Когда говорят о культуре, часто есть такой

налет традиционализма, фольклор, и все такое – это все конечно есть. Но мне кажется, что современная сибирская культура – она как раз более новаторская, что ли. Если, например, столичная культура новаторская – она эпатазирующе новаторская, очень многое заимствует с запада, и производит какие-то западные, на самом деле, жанры. А сибирская культура – она самобытная. Вот, самобытность! Есть заимствования, причем очень большие, но из традиционных культур, в основном, из традиционных этносов сибирских. А исторических как раз мало – только всякая песня, пляска и какое-то рукоделие еще. Вот, например, есть урало-сибирская роспись. Никто же про нее не знает, хохломскую знают, гжель знают, а урало-сибирскую нет. А она есть, причем очень самобытная, в деревнях у нас до сих пор рисуют на воротах именно... Она, конечно, осовременилась, но, тем не менее, искусства эти еще живы, даже традиционные.

У меня еще два вопроса. Первый – про границу Сибири, где она начинается и где заканчивается.

Есть традиционный взгляд: она проходит по Тюменской области, в некоторых версиях захватывает Курган, в некоторых не захватывает, а с востока проходит по Красноярскому краю и по Забайкалью.

Включая...

Да, включая Забайкалье. Но это все очень условно, потому что эти границы провели... Союз, на самом деле. Вот северный Казахстан – на самом деле Сибирь и всегда был Сибирью.

А верхние и нижние границы? Верхняя, видимо, до воды, а нижняя?

Все-таки включают северный Казахстан, часть относится к казачьему войску, часть к Сибири. Меня, на самом деле, границы эти не сильно заботят, потому что можно быть сибиряком и жить, я не знаю... территориально совсем не обязательно в Сибири. И вот так вот размежевываться... Вот, например, Урал. Уральцы очень мало отличаются от сибиряков, на самом деле, братский народ.

Уральцы – братский народ сибиряков?

Ну, да. Урал был базой... Уральцы вообще в плане самоопределения всех, мне кажется, обогнали...

Получается, неважно, куда бы ты ни уехал, все равно сибиряком останешься?

Ну конечно.

И второй вопрос – он совсем о другом. Были ли у акции «Я – сибиряк» четко сформулированные цели?

Нет, не было никаких целей. Я же говорю, у нас махновщина, у нас нет никаких лидеров, никаких идеологов. Просто у многих, как у «областников» – у них это опять метод шантажа федерального центра. Назовем себя сибиряками – на нас обратят внимание, дадут нам какую-нибудь денежку, построят нам хорошие дороги – и мы заживем счастливо. Лично у меня были другие совсем...

Какие?

Я себя сибиряком ощущаю... Очень многие люди, я не знаю, какие у них были мотивации, но они так: «а что, можно?». Они себя ощущают, но не могли это сформулировать, а вот за них кто-то сформулировал – и это очень попало в их самоощущение и мироощущение. А кто я, действительно? Сибиряк!

Зачем-то же началось в публичном пространстве обращение...

Я не знаю мотивов всех людей, но... Есть мероприятие, причем федерального масштаба. Так или иначе его можно использовать для своих целей... у кого какие цели, на самом деле. У кого-то пошантажировать, у кого-то – о себе заявить, кому-то просто по приколу, может быть. Тоже, кстати, отличный мотив, я считаю, – очень многие были там в знак протеста, политического протеста. У всех были мотивы разные, и я не знаю, с какого именно все началось.

Ты присоединился на этапе, когда оно уже было, или у истоков стоял?

У истоков... нельзя сказать, что я стоял, это... не помню, в Красноярске, кажется, началось. Я забыл, как его зовут, к сожалению. Потом его из Омска поддержали, а потом, поскольку я был в real_siberian, я подключился в агитацию, написал призыв, его даже перепечатали...

Ты через это сообщество туда попал?

Ну да. Конечно, сразу же начали обвинять в сепаратизме, я там выступил, что это на самом деле не сепаратизм, но мало кто понял, на самом деле. Почему-то, не знаю, когда говоришь – «татарин», ну татарин и татарин. Говоришь «сибиряк» - всё, сепаратист сразу, тут же...

Для тебя это был повод поговорить о политической нации, как ты это понимаешь, или все-таки... Что такое национальность? Вообще много ли людей думают, что сибиряк – это национальность?

Что такое национальность? Национальность – это этническая принадлежность. А нация – это гражданское. Национальность – это советский термин, который нигде больше не использовался, национальность как этническая принадлежность. Я, можно сказать, и этнический сибиряк во многом. И гражданская позиция тоже.

Людей не смущало, что это именно в графе «национальность» надо писать?

Очень многие люди – у них смешанная этническая принадлежность. И у многих была мотивация такая, что я не совсем русский, а вот есть очень хороший выход, многие записались. В Сибири же очень много смешанных семей. Которых раньше всех записывали русскими.

Может, в этом и ответ на вопрос о том, почему национальность «татарин» не вызывает возражений, а «сибиряк» – вызывает, потому что у татарина есть этничность, а тут только политические основания?

Нет, мне кажется, что угроза все-таки в другом состоит. Столько Россия уже существует, двадцать лет, и... в нормальных странах у власти, ну не у государственной, а у страны, цель – поддержание достойного уровня жизни. А у России цель – не развалиться. Даже партия называется – «Единая Россия». И то ли в воздухе носится, то ли и правда всем очевидно, что если что-то произойдет – то сразу есть угроза распада. И это что-то может быть чем угодно. Вот вы вышли на демонстрацию – Россия развалится. Вот вы назвались сибиряками – Россия развалится. Вот вы, не знаю, сделали клуб кошек – Россия развалится. Любое, я не знаю, потрясение, или просто ситуация протестная – считается, что направлено на это.

Может, это просто страшилки, которые власть применяет, народ пугает. Мы привыкли, что есть сильное государство, сильная Россия, сильный СССР был, хотя никто не понимает, что это и в чем, собственно, сила ...

Сложно сказать. Да, мне кажется, за столько лет приучили уже к патерналистскому такому совершенно отношению к власти, что, мол, мы сами ничего не решаем, за нас думают, за нас законы пишут, а мы уж как-нибудь приспособимся и будем жить. А развалится – не развалится... Я не знаю на самом деле, почему она должна развалиться «почему-то». Как люди решат, так и будет. Решат они жить вместе – будут жить вместе. Решат жить отдельно – будут жить отдельно. Вот Соединенные Штаты в Америке – стоят же. Это же государства. Земли в Германии – это тоже государства. Они решили жить вместе – и живут вместе. А одно – Австрия – решили жить не вместе. И живет отдельно. И что?

Что ты имел в виду, когда сказал, что канадцы появились раньше Канады?

Это очевидно, по-моему. Исторически...

Люди появляются раньше государства, в которое они организуются?

Да. У них не было революции, такой, как в Соединенных Штатах, они потихонечку, у них были такие, антиимперские настроения, потому что королева или король далеко, как тут у нас, совершенно, у них совершенно другие интересы, они даже не были там никогда. Они не знают, как там люди живут, и решают за них. Вот в Канаде, в Британской Колумбии, в Ванкувере, на острове Ванкувер, есть город Виктория, это небольшой такой городок. И там есть музей, в котором все вехи истории этого острова отражены, начиная от индейцев, и заканчивая последней – они называют ее национализмом. Нормальное слово – *nationalism*. Это процесс построения политического общества, как там все активисты собирались тайно, как роялисты их гоняли, и все такое, но как-то они смогли донести до своих народов, что нужно самим решать, как жить. И вот они 60 лет жили как протекторат, по моему, я не помню, какой у них был статус. А потом королева сказала, раз вы такие молодцы – живите отдельно. Но все равно у них считается глава государства – это королева сейчас. Они до сих пор там пишут – Британия, они считают себя частью Британского мира. Но не считают себя частью Англии.

Британского мира, но не Англии? И что, думаешь, такой путь для Сибири теоретически возможен? Так, планомерно...

Теоретически, конечно, возможен, но он окажется эффективным, только если окажется нужным. Я не стал бы прямо за него агитировать, потому что это все равно никто не может предсказать, нет такого хитрого инженера, который сидит и конструирует нации, государства... Нет. Это просто гражданская воля. Хотят люди так жить – и живут. И никто им не помешал. Но они сделали это более мирно, чем американцы.

Гражданская воля – кто-то же ее направляет, консолидирует. Сколько в Новосибирске таких активных последователей?

Я понятия не имею. У нас полная махновщина. Мне кажется, что очень мало. Люди не узнают сибирский флаг. Хотя Хайнекен – пивовар – выпускает пиво «Вольная Сибирь». Осталось сделать бело-зеленую этикетку – и все.

Да-да, может быть, через пиво как-то выучат флаг.

По крайней мере, одному маркетологу пришла в голову такая идея. Мне кажется, люди просто не могут сформулировать пока свои мироощущения, потому что они настолько новые, настолько непривычные, настолько не укладываются в рамки ни советской, ни российской пропаганды и государственного устройства – люди пока... не знаю, нет каких-то особых активистов. Ну, у «областников» есть пара активистов, но я с ними категорически не согласен.

Но они же вроде за реальный федерализм?

Нет, они как раз шантажируют Москву...

Сепаратизмом?

Да. Сепаратизм в обмен на федерализм. Мол, вы нам федерализм, и мы, так уж и быть, с вами проживем. Вот сейчас они кланчат новые дороги. Пожалуйста-пожалуйста, дорогой Кремль, не мог бы ты нам давать больше налогов!

Да надо просто НДС у нас оставить, и все.

Да, тоже вариант.

Как ты считаешь, нужны другие люди в Кремле, которых не надо просить, или...?

Я не могу сказать, что я хочу, чтобы не мы просили у Кремля, а чтобы был нормальный общественный договор, собрались люди, граждане, и заключили ясно и честно правила игры, правила жизни, наконец-то все решили и согласились с этим. И стали жить по тем правилам, которые сами и придумали. Я не знаю, Мурманск придумает правила для себя, Дальний Восток – для себя, потому что кому как не им лучше знать, как они там живут и какие у них потребности.

Однако в условиях махновщины, наверное, это сложно сделать?

Это ОЧЕНЬ сложно сделать, но, тем не менее, другого выхода, мне кажется, нет. А другой выход, мне кажется... У меня вообще

довольно пессимистичные прогнозы на будущее, мне кажется, что если люди не смогут договориться, то будет что-то страшное.

Так уже не останется, *status quo* не будет?

Нет никакого *status quo*. Потому что нет нормальных, честных правил игры, с которыми все согласны, которым все следуют. Это просто невозможно. У нас люди уже очень устали от этого, они устали жить не по закону, ну, то есть, тебя там не накажут. Тебя не накажут, меня не накажут – какая разница. Нет собственности, нет гарантии собственности. Нет гарантий безопасности – это само собой. У нас власть равна собственности. Если у тебя есть какие-нибудь корочки, если ты наделен каким-то кусочком власти, хоть корочки какого-нибудь ЧОПа, ты можешь гарантировать вот на это время свою собственность. Что дальше – неизвестно. Люди поэтому и живут на чемоданах, и деньги уводят, потому что нет куска земли, который можно назвать своим. Всякие такие вещи...

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ, ОМСКОЙ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
В СРАВНЕНИИ С РОССИЕЙ В ЦЕЛОМ (ДАННЫЕ ПЕРЕПИСИ 2010 ГОДА)**

Все население	Новосибирская область		Омская область		Иркутская область		В среднем по России	
	Количество, чел.	Процент от указавших национальность	Количество, чел.	Процент от указавших национальность	Количество, чел.	Процент от указавших национальность	Количество, чел.	Процент от указавших национальность
	2665911		1977665		2428750		142856536	
Лица, указавшие национальную принадлежность	2541052	100,0	1920147	100,0	2345635	100,0	137227107	100,0
Русские	2365845	93,10	1648097	85,80	2144075	91,40	111016896	80,90
Азербайджанцы	8008	0,30			5384	0,20	603070	0,44
Армяне	9508	0,40	7300	0,40	6558	0,30	1182388	0,86
Белорусы	5382	0,20	6051	0,30	7929	0,30	521443	0,38
Буряты					77667	3,30	461389	0,34
Казахи	10705	0,40	78303	4,10			647732	0,47
Киргизы	6506	0,30			4507	0,20	103422	0,08
Немцы	30924	1,20	50055	2,60	3725	0,20	394138	0,29
Таджики	10054	0,40			4169	0,20	200303	0,15
Татары	24158	0,90	41870	2,20	22882	1,00	5310649	3,87
Тофалары					678	0,03	762	0,00
Узбеки	12655	0,50			4367	0,20	289862	0,21
Украинцы	22098	0,90	51841	2,70	30827	1,30	1927988	1,40
Чуваши					4589	0,20	1435872	1,05
Эвенки					1272	0,10	38396	0,03
Другие национальности	35209	1,40	36630	1,90	27006	1,10	66938	0,05

* Данные с сайта переписи населения РФ: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

Научное издание

Анисимова Алла Александровна, Ечевская Ольга Геннадьевна

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
предпосылки формирования,
контексты актуализации

Монография

Дизайн обложки Д. В. Будешской.

Редактор С. В. Исакова

Подписано в печать 3.09.2012 г.

Формат 60х84 1/16. Уч.-изд. л. 11. Усл. печ. л. 10,2. Тираж 300 экз.

Заказ № 216

Редакционно-издательский центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2